

Аркадий Харюшин

Мозаика
русской эпохи

Москва
2016

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5
Х 23

- Харюшин А.А.**
- Х 23** Мозаика русской жизни / Аркадий Харюшин. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. – 400 с.

ISBN 978-5-00095-129-3

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.5

ISBN 978-5-00095-129-3

© Харюшин А.А., 2016
© Оформление.
ИПО «У Никитских ворот», 2016

ОБ АВТОРЕ

В предисловии к двухтомнику стихов «В мире ритмов, созвучий и песен», вышедшему в свет в мае 2013 года, говорилось о том, что в качестве дальнейших творческих планов я ставлю перед собой задачу написания очередной книги, которая бы включала в себя серию новых стихов и новых прозаических произведений. И вот эта книга написана. Она содержит в себе более полусотни ранее неопубликованных стихотворений и две историко-биографические повести. Одна из них посвящена поэтессе Марине Цветаевой («Марина Цветаева: человек и поэт»), другая – бывшему Верховному правителю России адмиралу Колчаку («Адмирал Колчак: мифы и реальность»).

Говоря о главных героях этих повестей, необходимо отметить, что значительный отрезок их личной жизни пришёлся на бурные годы двух кровопролитных войн (Первой мировой и Гражданской) и двух русских революций (Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической). Потрясения этих лет прошли тяжелым катком по судьбам миллионов русских людей. Не обошли они стороной и основных персонажей моих повествований. Марина Цветаева, не принявшая социалистических преобразований, была на семнадцать лет выброшена за пределы России, испытав на себе все лишения полуниценского эмигрантского существования,

которое сказалось на её поэтическом творчестве, прежде всего – на тематике, стилистике и ритмике стихов и поэм.

Адмирал Колчак под давлением исторических обстоятельств избрал другой путь. Он объявил Советской власти непримиримую войну и для достижения своих целей пошёл на тайныйговор с правительствами США и Великобритании, став при их поддержке Верховным правителем России. Его деятельность в этом качестве продолжалась всего один год и, несмотря на крайнюю жестокость используемых им средств и методов вооружённой борьбы, завершилась полным и абсолютным крахом. Адмирал был арестован и, по решению иркутского ревкома, за свои преступления перед народом расстрелян.

Что касается моих новых стихотворений, то они по своей тематике традиционно разнообразны. В них я вновь веду разговор о нашей Родине, о любви, о русской истории и русской природе. Часть стихов посвящена актуальным проблемам современной общественной жизни. В одном из них даётся оценка драматических событий на Украине. Приходится констатировать, что националистический угар руководителей этого некогда самого близкого нам славянского народа перерос всякие допустимые рамки. По указке иностранных покровителей, которыми являются правительства всё тех же США и Англии, заново реанимирована известная нам по двадцатым годам прошлого века «колчаковщина» с её крайней жестокостью по отношению к своему народу. Различие состоит лишь в том, что в те годы «колчаковщину» возглавлял адмирал Колчак, а в наше время на Украине её возглавляют Порошенко, Турчиновы и Яценюки – грубые, примитивные, беспаланые политические деятели. Но они идут тем же путём, которым шёл Колчак. Адмирал плохо закончил свой жизненный путь. Плохо закончат его и современные украинские руководители. Будем верить, что киевский буржуазно-олигархический полуфашистский режим сгинет, как сгинул в своё время и режим Колчака.

С уважением, Аркадий Харюшин

СТИХИ

КОДЕКС САМОДЕРЖЦА И ГРАЖДАНИНА

Повелевают долг и правил уложенье,
Им следовать обязан вождь земной.
Его девиз – народов усмиренье,
Но не насилием, а мудрой добротой.

Но, если кто державе угрожает,
Упорствуя в безумии своём,
Того рука правителя карает, –
Жесток, но справедлив закон.

Не нарушай его! Отечеству будь верен!
Служи своей стране как истый патриот,
И будешь ты, мой друг, всегда в себе уверен,
Как честный человек, что любит свой народ.

Март 2013 г.

ЗАПАДНИКУ

С кого берёшь пример? Кого в душе возносишь?
Хранишь в уме чей философский хлам?
Идеи чьи в своём рассудке носишь?
Чьим молишься неистово богам?

О слабый человек! О блудный сын порока!
Готов ты Западу костлявый зад лизать,
Всем подлостям его без устали, без срока
Готов хвалу всечасно воздавать.

Продажности твоей нет меры, нет границы,
Прельстился мыслью ты заморских мудрецов.
Всё слушаешь их бред, их злые небылицы, –
Не лучшие ли идти тропой своих отцов?

Остановись, одумайся, покайся!
Латинство враг тебе, беги его даров.
Святыням Родины с любовью поклоняйся,
Отчизну береги, как собственный свой кров.

Апрель 2013 г.

В НОЧНОМ ПОЕЗДЕ

*Поезд мчался с грохотом и воем,
Поезд мчался с лязганьем и свистом.*

Н. Рубцов

Лязгнули сцепки плацкартных вагонов,
Рявкнул во тьму паровозный гудок,
Плавно качнувшись, поплыли перроны, –
Поезд неспешно пошёл на восток.

Сыро в столице. Дожди проливные
Хлещут четвёртые сутки подряд.
Справа, по ходу, сквозь дали ночные
Тускло огни светофоров горят.

Всё погрузилось во мрак полусонный,
Маетен путь и далёк.
Бьются колёса, стучат монотонно, –
Поезд идёт на восток.

Май 2013 г.

НАДЮШЕ

*И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи.*

Р. Бёрнс

Моей поклоннице, Надюше,
Желаю пламенной любви.
Хочу, чтоб ей свистали в уши
О вечном счастье соловьи.

Хочу, чтоб утренней порою
К ней светлый ангел прилетал,
Чтоб он её, назвав сестрою,
И в лоб, и в щёчки целовал.

Июнь 2013 г.

НА ВОЛГЕ

Смолк неожиданно северный ветер,
Долго стонавший, как старый клаксон.
В тихую заводь спускается вечер,
Словно несбыточный сказочный сон.
Вслед выплывает из тьмы, из тумана,
Белый, как лебедь, речной теплоход
С грустными песнями Ива Монтана,
С громким звучаньем ритмических нот.
Вот проплывает, сверкая огнями,
Вот исчезает в мерцании вод,
Струи холодные вспенив винтами,
Так и не сбив стремительный ход.
Вот отгудел, отблестал, отыскрился
Яркою вспышкой, горящей звездой,
Вот в загустевшихся сумерках скрылся
Там, за размытой прибрежной чертой.
Скрылся за далями, в синем тумане,
Лёгким видением, светлой мечтой,
Скрылся, но грустные песни Монтана
Долго звучали над сонной рекой.

Июнь 2013 г.

ВЕЧЕРНИЕ ЗВОНЫ

Тихие звонь плавут над деревней,
Роща роняет желтеющий лист,
В мареве солнном застыли деревья,
Воздух прозрачен, тягуч и душист.
Солнце скатилось за синие горы,
Трепетен отблеск живого огня,
Тихо вбирают родные просторы
Свет уходящего летнего дня.

Июль 2013 г.

ИЮЛЬСКИЙ ЗНОЙ

Июль. Жара. Полдневный зной
Завис над узкой луговиной.
Бредёт берёз печальный строй
К погосту церковки старинной.

Тропинка вьётся вдоль реки,
Дымок костра в зените тает,
По тракту прут грузовики –
Куда? Зачем? – никто не знает.

Застыл в дремоте сонный пруд,
Ни ветерка, ни дуновенья...
Грузовики всё прут и прут, –
От едкой пыли нет спасенья.

Июль 2013 г.

ГРУСТЬ ПО ЛЕТУ

*Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затянутой печали.*

К. Бальмонт

Отблестало, отшумело,
Оттуманилось давно
Лето, солнечное лето,
Что на радость нам дано.
Оттуманилось в рассветах,
Отшумело в тростниках,
Отблестало, отыскрилось
В чистых, звонких ручейках.
А теперь всё так уныло,
Ветром с лип листву смело...
Было ль лето? Было, было,
Знаю, было, да прошло.
Но всмотрись, горят берёзы
Перламутровой росой,
И ещё грохочут грозы
Над притихшую землёй.
И у низенькой сторожки
Клонят голову цветы:
Иван-чай на стройной ножке
Да любавицы кусты.

Август 2013 г.

В ДОРОГЕ

Еду долгою долгою-долгою,
Еду к родному селу,
Еду над Камою, еду над Волгою
Сквозь непогоду и мглу.

Мимо проносятся станции тихие,
Избы, извины дорог,
Рощи, пригорки, деревни безликие,
В поле – сереющий стог.

Всё затуманилось в далях окрестных,
Всё пропиталось сердечной тоской
В этих уроцищах мрачных и тесных
Нашей отчизны родной.

Еду по старой дороге железной,
Еду к родному селу.
Край мой ромашковый, край мой любезный
Вижу сквозь зыбкую мглу.

Сентябрь 2013 г.

ИДУЩЕМУ СЛЕДОМ

Не хотел говорить об этом,
Не хотел говорить совсем,
Но я знаю, чтоб быть поэтом,
Нужно быть и собой, и всем.
Нужно быть ветерком весенним,
Полыхающей в небе зарёй,
Звездопадом в бескрайней вселенной,
Виноградною гибкой лозой.

Чтобы быть настоящим поэтом,
Нужно мысли в октавы облечь,
Быть травою и солнечным светом,
Сердце в пламени чувственном сжечь.
Душу сжечь опалляющим слогом,
Заключив его в звонкий сонет,
Быть свирелью и огненным богом
Ты обязан, ты должен, поэт!

Пой щемящее чувство разлуки,
Пой друзей убывающих строй,
Пой сомненья, печали и муки,
Пой свободно, поэт молодой!
Только этой тропой, только этой,
Ты обязан по жизни пройти.
Будь, мой друг, настоящим поэтом,
Не ищи обходные пути.

Октябрь 2013 г.

НЕ ЗАБЫТЬ

О юность, юность! сон летучий...

Н. Языков

Скажи мне, ты помнишь ли рощу
И лепет лесного ручья,
Заброшенной церковки мощи
И брачную песнь соловья?

Нельзя нам уйти от былого,
От чувства, что в сердце живёт,
От хрупкого счастья земного,
От песни, что рвётся в полёт.

Октябрь 2013 г.

ВНОВЬ ПРЕДО МНОЙ

Вновь предо мной этот мир необъятный,
Ввысь устремлённый надежды росток,
Мир, словно ропот стихии невнятный,
Жизни предвечной бурливый поток.

Выйду ли в поле, иль тропкой витою
В бликах осенних неспешно бреду,
Чудится мне, что ты рядом со мною,
Вновь твоих ласк нерастраченных жду.

Жарких объятий, как в прежние годы,
Жаждет и просит больная душа...
Медленно катятся стылые воды,
Тих и спокоен разбег Иртыша.

Ноябрь 2013 г.

ИЗ ПСКОВА В МОСКВУ

Дуют осенние ветры,
Гонят сухую листву,
Поезд, дробя километры,
Мчится из Пскова в Москву.

Рощи, овраги, станицы,
Лики лесных деревень,
Сруб придорожной криницы,
Церковка, шаткий плетень.

Поезд несётся сквозь дали,
Дробно колёса стучат...
Край неизбывной печали,
Край покосившихся хат.

Солнце укрылось за тучей.
Тени спустились в траву.
Поезд, как призрак летучий,
Мчится из Пскова в Москву.

Ноябрь 2013 г.

ИЗ МОСКВЫ В ОМСК

Стучат колёса. Поезд мчится.
Мелькают избы за окном.
В открытом поле снег искрится,
И наст сверкает серебром.
Позёмка стелется, и тихо
Ложится иней на стекло.
Взбежал состав на горку лихо...
В купе уютно и тепло.

Казань проехали. Навстречу
Промчался с воем товарняк.
Сижу, под плед упрятав плечи,
Соседи спят, в вагоне – мрак.
Стучат колёса. Поезд мчится.
Небесный свод укутан мглой.
Позёмка снежная струится
Меж рельсов змейкою живой.

Декабрь 2013 г.

УКРАИНА В ОГНЕ

*Они пройдут – расплавленные годы
Народных бурь и мятежей...*

М. Волошин

Украина снова в огне:
Горят посёлки, дома и храмы.
По дорогам, по жжёной стерне,
Маршируют отпетые хамы.
В камуфляже со свастикой, в масках,
С автоматами наперевес,
Окропляют кровавою краской
Беззащитные выси небес.
Как Америка этому рада,
Вдохновляет преступную рать.
Рукоплещет Америке Рада,
Жаждет резать, душить, убивать.
Что случилось? Что с нами случилось?
Что к безумию нас привело?
Иль сознание вдруг помутилось?
Или зрение вновь подвело?
Хоть убейте, не знаю ответа,
Притомилась душа, замерла...
Ей бы чуточку божьего света
Да тропу, чтобы в рай увела.

Январь 2014 г.

КАКОЙ ПРОСТОР

Какой простор, какие дали,
Какие отблески небес,
И гладь озёр темнее стали,
И шелестящий хвоей лес.

Но нет покоя в сердце бедном,
Спасенья нет от зол и бед.
В закате сумрачном и бледном
Растаял прежней жизни след.

И нет тебя со мною рядом,
Тобой хранимого огня...
Пропитан мир смертельным ядом,
И в этом мире нет меня.

Январь 2014 г.

ПО ЗИМНЕМУ ТРАКТУ

Бреду по тракту. Наст скрипит.
Снежинки ветер вдали уносит.
Душа по прошлому скорбит
И вновь мятежных песен просит.
О чём тревожишься, душа?
Как сносишь ты ожоги терний?
Ответа нет... Вдоль Иртыша
Бреду к огням родной деревни.

Февраль 2014 г.

ВОСКРЕШЕНИЕ ДОЧЕРИ ИАИРА

И, взяв девицу за руку, говорит ей: «талифá кумý», что значит: девица, тебе говорю, встань!
Евангелист Марк

Сказал девице: «Встань!.. Пора!..»
И та от слов затрепетала,
Приподнялась и тихо встала
Живой со смертного одра.
А Он ей знак подал рукой
И жестом в круг семьи направил,
Отца Небесного восславил
Молитвой краткой и простой:
«Отец Державный, в высях сущий,
Будь нам светильником во мгле,
И всем живущим на земле
Подай по нуждам хлеб насущный.
Пусть царствие Твоё придёт
И силой Духа укрепится,
Пусть род людской в веках продлится
И путь к бессмертию найдёт».
И вновь народ пришёл в смятенье:
Кто Он – Мессия иль Пророк?
Христос же вышел за порог
И заспешил на край сelenья.
И там мгновенно растворился
Среди своих учеников,
Лишь лик Его средь облаков
На краткий миг изобразился.

Февраль 2014 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

Голубоглазая красавица-гордячка
В короткой юбочке, с распущенной косой,
Девчонка-одесситочка, морячка,
Мне машет с пристани приветливо рукой.

Мне машет с пристани живая тень былого,
Даря свет давно минувших дней,
Такого милого, такого дорогого,
Неповторимого в особости своей.

Где эти дни? Куда умчались годы?
Где ожидания? Где пылкая любовь?
Промчалось всё, как рек бурливых воды,
Промчалось всё и не вернётся вновь.

Март 2014 г.

НИНЕ

Всегда с изяществом одета,
Всегда любезна и мила,
Дитя весны, тепла и света,
Ты к нам звездой с небес сошла.

Тебя завидал, с наслажденьем
Ловлю лукавый женский взор,
Веду с тобою разговор
С невольным страхом и волненьем.

Но ты на зов не отвечаешь,
Проходишь мимо не спеша,
Как майский ландыш, хороша...
Что говорить? Ты это знаешь!

Ах, Нина! Чудное созданье!
Я так люблю тебя, поверь.
Зовёт волшебная свирель
Нас в сад тенистый на свиданье.

Апрель 2014 г.

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Сирень распустилась у кромки пруда,
Луч солнца в прохладной воде серебрится,
И громко гудят о весне провода,
И хочется заново страстно влюбиться.

И хочется полной свободы на миг,
И хочется счастья во всём без предела,
И хочется выплавить пламенный стих
Из звонких созвучий, легко и умело.

Пусть ветер качает вершины берёз.
Пусть свет предвечерний на травы ложится.
Пусть жаждет душа очистительных слёз
И крыльев, чтоб в выси небесные взмыться.

Май 2014 г.

ЖЕНЕ

*Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.*

Б. Жуковский

Отшумели дожди, отгремели весенние грозы,
Над землёю сквозит тихий утренний свет,
Наклонились к пруду в вечной скорби берёзы...
Где ты, друг мой? – скажи. На земле тебя солнечной нет.

Где жилище твоё, что назвал я воздушным чертогом?
Где те тропы, что к высям небесным ведут?
Тишина... Лишь в порядке торжественно-строгом
Облака, словно тени, неспешно плывут.

Всё исчезло, как дым, в зыбких сумерках сада.
Солнце катится вниз. Угасает полуденный свет.
Тишина и покой – долгожданная сердцу награда,
Нет иной, и надежды увидеться – нет.

Июнь 2014 г.

НА РЕКЕ

На сибирской реке навигация.
Теплоход поднимает волну.
Отцветают жасмин и акация.
Тёплый дождь шелестит по окну.

А вокруг – эта даль необъятная,
Эта душу щемящая грусть,
Эта дымка в полях предзакатная, –
Всё, что названо именем Русь.

Июль 2014 г.

ЖИЗНЬ ТЕЧЁТ

Непрочен мир, в котором мы живём,
Всё в нём подвержено закону обновления:
Весенний сад, умывшийся дождём,
И ручеёк, и птиц беспечных пенье.

Но не приемлет ум закона внешних сил,
Душа противится, и сердце отрицает, –
Нам прошлой жизни светлый образ мил, –
Всяк, живший на Земле, об этом твёрдо знает.

А жизнь течёт, и ей предела нет,
Струится время, меркнут в дымке дали,
Слагает стих мечтательный поэт,
Поёт душа витой гитарной стали.

Июль 2014 г.

ПРИХОД СЕВЕРНОЙ НОЧИ

Гаснет небо. Вечереет.
Солнце спряталось за тучу.
С поля ветер тихо веет,
Разгоняя прах летучий.

А за рощей, у болотца,
Собралась пернатых стая,
Грай их громкий в даль несётся,
Дрёмный воздух сотрясая.

Что случилось? Кто тревожит
Этих птиц громкоголосых?
Кто число их криков множит
В небе иссиня-белёсом?

Нет ответа! Ночь спустилась
На поляны и пригорки,
Тьма над рощицей сгустилась,
С поля чадом тянет горьким.

Июль 2014 г.

ШУТОЧНОЕ

Пил ты часто. Пил ты много.
Пил вино и пил коньяк,
Пил без устали в дороге
За друзей и просто так.

А теперь больной и хворый,
Как побитый пёс скулишь,
Еле сносишь уговоры,
Плохо ешь и плохо спиши.

Непутёвый служка Вакха,
Безответственный дурак,
Потрудись восстать из праха:
Воду пей, не пей коньяк.

Август 2014 г.

МОСКОВСКИЕ НЕВЕСТЫ

*Изначальней всего остального – любовь,
В песне юности первое слово – любовь.*

О. Хайям

С моста ажурного у площади Болотной,
Где зарождается из чувств союз сердец,
С волнением в груди, с тревогой мимолётной
Невесты юные уходят под венец.

В воздушной дымке свадебных нарядов
Они на мир с надеждою глядят,
Им гимн поют и Пушкин, и Асадов.
Им дарит Блок свой восхищённый взгляд.

Красавицы в одеждах белоснежных,
Пленяете вы мир несхожестью своей.
Смотрите, сколько роз и сколько лилий нежных
Пред вами разбросал всевидец Гименей.

Август 2014 г.

ХМУРАЯ ОСЕНЬ

Утро туманное, утро седое...

И. Тургенев

Пасмурно, сыро, туманно,
Мрачно и серо кругом.
Тучи плывут непрестанно
За приоткрытым окном.
Вид отрешённый и грустный:
Лес растворился во мгле,
Лист почерневший капустный
Мокнет в раскисшей земле.

Тихо... Плачущие ивы
Ветви полощут в реке,
Узкой протоки извивы
Прячут свой след в тростнике.
Осень, унылая осень
Машет устало крылом.
Неба свинцовая просинь
Тучей висит над селом.

Сентябрь 2014 г.

ОСЕННИЕ ДОЖДИ

Пятые сутки дожди над Москвой.
Город устал от ненастной погоды.
Тонет Таганка, потоп на Тверской,
Лужи в проулках Труда и Свободы.
Слякотно, сыро, премерзко кругом.
Дрожь пробирает промёрзшее тело,
Слышится ветра пронзительный стон,
Ливень стучится в окно оголтело.
Некуда деться. Ползучая мгла.
Колокол где-то гудит заунывно.
Режет Останкинской башни игла
Серые выси надсадно, надрывно.
Тусклый фонарь освещает Арбат.
Воздух пропитан тоской и угаром.
Скрылся под аркой калека-солдат,
Вслед ему – дама под зонтиком алым.
Тучи ползут над промокшой Москвой.
Сердце томится в тисках непогоды.
Гром громыхает над старой Тверской,
Пенятся стоков бурлиевые воды.

Сентябрь 2014 г.

ОСЕННИЕ КРАСКИ

Прекрасны вы, поля земли родной...

М. Лермонтов

Снова осень: желтеют берёзы,
Воздух светел, прозрачен и тих,
Словно строки тургеневской прозы,
Словно лёгкий есенинский стих.
Вечереет... Туманная дымка
Поплыла над притихшей рекой,
Убегает витая тропинка
В бездорожье, в простор полевой.
Полыхнула над рощей зарница,
Отсвет вспыхнул на дальних лугах...
Сердцу хочется в сны погрузиться,
Раствориться в безбрежных мечтах.
Раствориться в мгновеньях, забыться,
Вознести в неоглядную синь,
Чтобы солнечным светом пролиться
В подорожник, рогоз и полынь.
Вновь над миром волшебствует осень,
Дремлет заводь, умолкли леса,
Вновь над кронами елей и сосен
Предзакатно горят небеса.

Сентябрь 2014 г.

УТРО В КРЫМУ

Молча бреду по пустынной дороге,
По серпантину, средь серых холмов,
Вижу сквозь дымку над горным отрогом
Тень ускользающих вдали облаков.

Вижу, как робко над узкой долиной
Вдруг загорелся предутренний луч,
Как меж корней полутикой малины
К свету пробился искрящийся ключ.

И зажурчал, засверкал, что есть силы,
В бликах осеннего тихого дня,
Вниз пробиваясь сквозь дёрг торопливо,
Влагой прохладной призываю звения.

Дымка исчезла над пустынью горней,
Вечным повеяло с крымских полей,
Дали, раздвинувшись, стали просторней,
Солнечный луч засверкал веселей.

Сентябрь 2014 г.

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ

Я вас люблю, что делать – виноват...

А. Григорьев

Чтоб умыться прохладной,
Проточной водой,
Ты склонила свой лик
Над речною волной.
В ней увидела образ
Ты юницы нежной,
Что был краше Дианы –
Богини ночной.

Луноликая, знай,
Что тобой я пленён,
Что улыбкой призывной
И речью – прельщён.
Что мне снишься ты часто
Предутренней ранью...
Неужели я вновь
Безрассудно влюблён?

Сентябрь 2014 г.

ПО МОТИВАМ Г. ГЕЙНЕ

Ярким ожерельем
Млечный путь блестит.
Месяц серебристый
По небу скользит.
И мерцают звёзды,
Влагою дыша...
Жизнь, о жизнь шальная,
Как ты хороша!

Сентябрь 2014 г.

ДОЖДЛИВАЯ ОСЕНЬ

*Стекают с веток капли дождевые,
Как будто тихо плачет каждый лист...*
И. Тургенев

Падают капли дождя непрестанно
На пожелтевшие листья полыни,
Падают, травам поникшим желанных,
Падают в лоно безлюдной пустыни.
Что заставляет в погоду лихую
Их омывать эти мрачные дали?
Падают капли, по счастью тоскуя,
Падают кучно со вздохом печали.

Осень холодная поступью шаткой
Тихо бредёт по бескрайним просторам,
Грусть рассыпает с ладони украдкой,
Смотрит на нас вопрошающим взором.
Падают, падают капли на землю,
Стынут, искрятся в листве пожелтевшей,
Шороху капель с волнением внедля,
Следуя к дому тропой опустевшей.

Октябрь 2014 г.

ГОЛГОФА

Ещё вчера толпа признала
В Христе пророка своего,
Сегодня ж – злобою дышала,
Беснуясь, яростно кричала:
Распни его! Распни его!

А Он стоял, храня молчанье,
С тоской предсмертною в груди,
Стоял, как агнец на закланье,
На мукой выстланном пути.

Тот путь лежал через Голгофу,
Через страдания и кровь.
Он вёл в объятья к Саваофу*,
Чьё имя – Вечная любовь.

Октябрь 2014 г.

* Саваоф – одно из имён Бога, творца и хранителя всего небесного и земного.

ЗАКАТНЫЙ ОГОНЬ

Тихо закатный огонь догорает.
Солнце рассыпало искры по водам.
День уходящий в безмолвии тает,
В высях небесных, под меркнущим сводом.
Мир затаился в предчувствии ночи.
Воздух пропитан мерцающим светом.
День уходящий, прощаясь, пророчит
Счастье земное певцам и поэтам.

Странное чувство душой овладело.
Сердце охвачено жгучей печалью...
Тени ночные крадутся несмело
И исчезают за сумрачной далью.
Скрылось светило, ушло, отсверкалось.
Мир погрузился в безмолвие ночи.
Грустное чувство со мною осталось,
Чувство, что счастья, увы, не пророчит.

Октябрь 2014 г.

РАННИЕ МОРОЗЫ

Нежданно грянули морозы.
Задули ветры. Снег летит.
Покрылись инеем берёзы.
В протоке первый лёд звенит.

Бело кругом! Земное чудо!
Сильнее сердце бьётся вновь.
Что нам болезни? Что простуды? –
Огнём горит хмельная кровь.

И всё ж надолго ль это чудо?
И не повеет ли теплом?
И не размоется ль запруда
Под талым снегом и дождём?

Ноябрь 2014 г.

ХУДОЖНИКУ

*Привет, Россия – родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!*
Н. Рубцов

Глаза художника вбирают мир земной,
Чтоб воссоздать его в словах, цветах и красках
На полотне, в поэмах, в детских сказках
Иль на стекле – каймою золотой.

Взгляни на творчество, на поиск неустанный,
Уловишь в них ты вечной жизни миг,
И свет любви, что в душу к нам проник,
И край родной, твоим очам желанный.

Хорош Матис, Серванtes бесподобен,
Но русскость вольная мне ближе и милей,
Её картины глубже и добрей,
Дух творчества так лёгок, так свободен.

Нет, не прельстить меня заморской красотой,
Я сын России, русский по природе.
Себя я нахожу в простом её народе,
С ним постигаю этот мир земной.

Ноябрь 2014 г.

У ДОРОГИ

В воспоминаниях ищу я вдохновенья...

П. Вяземский

У дороги, у самого края,
Там, где травы обильно цвели,
Есть тропинка, ведущая к раю,
К светлым далям родимой земли.
Ту тропинку ты взором отыщешь
И пойдёшь вдоль неё не спеша,
Рай увидишь за сельским кладбищем,
На пологой косе Иртыша.
Там, в берёзовой роще, весною
Свищет песнь о любви соловей.
Там бродили мы часто с тобою
Вечерами в прохладе аллей.
Где то время? Где сердца томленья?
Где беспечные юные дни?
Как забытого счастья виденья,
Промелькнули пред взором они.
Промелькнули и скрылись в тумане,
В луговинах, в бескрайних лесах,
Как пугливые, быстрые лани,
Как луч света в седых небесах.
Промелькнули, и нет им возврата,
Нет им места на грешной земле.
В том, должно быть, судьба виновата,
Прочертившая путь наш во мгле.

Ноябрь 2014 г.

БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЁК

Спустись с холма на бархатный песок
И омочи в холодной влаге ноги,
И вдаль всмотрись, за отмелю пологой
Увидишь ты неяркий огонёк.
Он, словно призрак, бродит в темноте,
То набежит, то скроется за гору.
Как трудно проследить неопытному взору
Его движение по ломаной черте.

Что ж ты молчишь? Чем ум твой поглощён?
Какие пред тобой рисуются картины?
Во тьме ночной рыбацкий утлыи чёлн
Вновь режет грудь нептуновой равнины.
На мачте огонёк то тлеет, то горит,
То вспыхнет с силою, то в серой мгле растает,
А за кормой жемчужный след блестит
И в сумерках бесследно исчезает.

Декабрь 2014 г.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

*И родила Сына своего Первенца,
и спеленала Его, и положила в ясли,
потому что не было им места в гостинице.*

Евангелист Лука

Ангел небесный на землю спускался,
Белые крылья раскрыв за спиной.
Мир первозданный пред ним расстипался,
Радуя сердце живой красотой.
Ранние звёзды во тьме разгорались
Вслед за Рождественской яркой звездой.
В горном вертепе волхвы поклонялись
Богу-младенцу полночной порой.
Да, не нашлось, не сыскалось гостиной
Для Богородицы в местности той,
И родила Она первенца Сына
В тесном загоне, в пещере глухой.
И родила, и звезда указала
Место рожденья Иисуса Христа.
Славица в адрес Небес прозвучала –
Вышних хвалили людские уста.
И засиял, засверкал над землёю
Нового знания благостный свет.
Видишь, он ярко горит над тобою
Тысячи Богом дарованных лет.

7 января 2015 г.

ИИСУС ХРИСТОС

Всяк по грехам в ответе перед Богом,
Равно богач иль нищий пилигрим,
Лишь Иисус безгрешен перед ним
И сердцем праведным, и послушаньем строгим.
Вот Он идёт среди учеников
По горным тропам древней Палестины,
Идёт, любуясь стайкой облаков,
Плыvущих над цветущею равниной.

Прославивший себя служением своим
И мудростью всевидца и пророка,
Он говорит, что мир необозрим,
Но скрыт от нас во времени до срока.
Он притчами живописует жизнь,
Сыновью преданность предадресуя Богу,
Прощает грешников без желчи укоризн,
Готовя души их в небесную дорогу.

Январь 2015 г.

ОКНО

Там, в области света и мрака,
Есть в высиях глухое окно.
Созвездия Рыбы и Рака
Его присмотрели давно.
Им хочется в это оконце
Свой свет запустить в час ночной,
Чтоб выманить яркое Солнце,
Что скрылось за дальней чертой.

Но нагло заперты ставни,
Туманен бескрайний простор,
В небесные зыбкие плавни
Созвездия смотрят в упор.
Закрыто глухое оконце,
В него не проникнуть лучам, –
Там спит утомлённое Солнце,
Предавшись пленительным снам.

Январь 2015 г.

ВСЁ МОЁ

Утро... Туман... Воспалённое солнце
Смотрит на землю сквозь цепь облаков;
Низкая хатка, слепое оконце,
Банька, сараи, поленница дров.

Как всё убого, по-детски наивно,
Всё отливается медью в строку...
Рыжий петух горделиво и чинно
Криком своим разгоняет тоску.

Как всё убого, но как же прекрасно
Это простое, как вздох, бытиё!
Сгинул туман, небо чисто и ясно...
Всё это, верьте, до боли – моё.

Февраль 2015 г.

ВСЛЕД ЗА АФАНАСИЕМ ФЕТОМ

*Всё в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других.*

П. Вяземский

Она ещё дитя, она совсем ребёнок.
И голосок её и трепетен, и звонок.
И речь свободная течёт сама собой,
Как светлый ручеёк в долине пред горой.

Но минет срок, и девичья коса
Охватит стан её, как гибкая лоза,
И взор затеплится, душевный зов проснётся,
И первая любовь в груди её займётся.

Волшебный дар любви! Святой закон взросленья!
Неповторимых чувств прекрасные мгновенья!
Вы сладостны для нас, как женские уста,
И в юные, и в зрелые лета.

Март 2015 г.

ВОРОН

Снег сошёл. Земля раскрыта.
Ржавый лист кругом лежит.
Старый ворон под ракитой
Дрёмный сумрак сторожит.

Сторожит, да глаз незорок,
Мёрзнут лапы, жалок вид,
Лет, наверное, сто сорок
Прожил ворон-инвалид.

И сидит он под ракитой,
Грозно перья распушил,
Всё глядит на нас сердито.
Заклевал бы – нету сил.

Каркнул глухо в воздух стылый,
Злобно клювом лёд долбит...
Угасая, день унылый
Дымкой дали серебрит.

Апрель 2015 г.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Эх, дороги... Пыль да туман...

Л. Ошанин

Ехали строем предутренней ранью,
Узкой дорогой, вдоль быстрой реки,
Ехали кучно в ползучем тумане
Наши армейские грузовики.
«Фронту снаряды, снаряды, снаряды,
Только снаряды! – на то и война, –
Так говорил воентех Виноградов
И добавлял, – нам победа нужна».
Знаем, что фронт третий день наступает,
Груз свой стараемся в срок подвезти,
Вязнем в трясине, что лес окружает,
В глинистых топях спешим проползти.
Небо затянуто дымом и гарью,
Грязью покрыты капот и стекло,
Как тут не вспомнишь жену свою Дарью,
Как тут не вспомнишь родное село.
Вот и доехали! Все на разгрузку!
Отдых короткий и снова – в пути,
Снова колдобины, снова утруски, –
Всё это заново нужно пройти.
Сколько дорог фронтовых за плечами,
Сколько пожарищ дымится окрест.
Пушки на марше сверкают стволами,
Минули Львов, впереди – Бухарест.

Май 2015 г.

ВЕСЕННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Клейкий, лоснящийся листик берёзы,
Нежное пламя цветущей ольхи –
Всё это мир, погрузившийся в грёзы,
Всё это мир, обращённый в стихи.

В призрачной мгле тополиной аллеи
Птицы щебечут, восторг не тая.
Солнечный луч меж ветвями алеет...
Жизнь, в чём загадка и прелесть твоя?

Только зима миновала, а травы
Вновь украшают просторы земли.
Дальние рощи, луга и дубравы
Словно с полотен Куинджи сошли.

Вновь пробудились былые стремленья,
Сердце вновь жаждет восторга любви,
В пышной листве, в белой дымке цветенья
Вновь о заветном поют соловьи.

Май 2015 г.

УХОДЯЩИЙ ДЕНЬ

Тихо, так тихо закат догорает,
Бронзой потухшой мерцает река,
День уходящий в безмолвии тает,
Тают в просторах небес облака.

Вижу, как в высях, над узкой долиной,
Коршун в свободном полёте парит.
Слышу, как звонко внизу, у плотины,
Струйка воды меж камнями журчит.

Сельский пейзаж, изменяясь всечасно,
Радует сердце живой красотой...
Тени спустились. Мрак ночи всевластно
Стелет свой полог над сонной землёй.

Мир первозданный, завещанный Богом,
Мир приоткрывшийся сутью святой,
Как описать тебя чувственным слогом,
Как охватить непокорной строкой?

Июнь 2015 г.

РАЙСКИЕ КУЩИ

Любови Субботиной

Есть райские кущи на небе,
Где добрые звери живут,
Где коршун когтистый и лебедь
Друзьями друг друга зовут.
В тех кущах (давно это было)
Весёлый бродил человек.
Сам Бог наделил его силой,
Чтоб жил беззаботно свой век.
И только запретное древо
Велел обходить стороной,
В сопутницы дал ему Еву –
Красавицу с рыжей косой.
И шли они утренней ранью
Над тихой широкой рекой,
Шли вместе тропой испытанья,
Вдыхая нектар полевой.
Шли, за руки взявшись, как дети,
И ветер им лбы целовал,
А Змий хитроумные сети
Меж тем средь дерев расставлял.

Июнь 2015 г.

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Она не погибнет – знайте!

Она не погибнет, Россия.

З. Гиппиус

Читаю Пушкина...
Как стих его прекрасен!
Как речь чиста,
Как свеж и мудр язык,
Как мысль остра,
Как смысл сюжета ясен,
Как ярок и правдив,
Очерченный им миг.

Невольно думаю:
Россия не умрёт,
Пока поэт
Её живописует,
Пока душа его
Надеждами живёт
И, в вечность перейдя,
О Родине тоскует.

Июнь 2015 г.

МИМОЛЁТНОСТЬ ЖИЗНИ

Жизнь удивительна во всех своих обличьях:
В одеждах радости, под маскою беды,
В тоске по прошлому, в весёлом гаме птичьем,
В последнем отблеске угаснувшей звезды.
И нет ей дела до твоей печали.
Она с природою о вечном говорит.
Её мы свет случайно увидали,
И он исчез... Она к другим летит.

Июль 2015 г.

НЕПОГОДА

Шумит, бушует непогода:
Холодный ветер, мокрый снег,
Свинцовых туч неспешный бег
По зыбким хлябям небосвода.

Ноябрь диктует свой устав,
Свои негласные законы.
Плынут тягучей меди звоны
Поверх убранств церковных глав.

Им неуютно на земле.
Они стремятся в выси, к свету,
К теплу, к исчезнувшему лету...
Но тонут в необъятной мгле.

Ноябрь 2015 г.

ПРОЗА

МАРИНА ЦВЕТАЕВА: ЧЕЛОВЕК И ПОЭТ

Желание высказать своё суждение о личности и поэтическом творчестве Марины Ивановны Цветаевой возникло у меня несколько лет тому назад, по третьему или четвёртому прочтению сборников её стихов и поэм. Должен признаться, что впервые мне удалось встретиться с творческим наследием этой удивительной женщины лишь в начале шестидесятых годов прошлого века. Тогда в одном из литературных журналов было напечатано её коротенькое трёхстrophное стихотворение, в котором со всей силой тогда ещё молодого, но уже яркого и самобытного таланта поэтесса предрекала бессмертие своих стихотворных строк. Привожу этот стих полностью, полагая, что он вновь тронет сердце читателя удивительной чистотой и звучностью горделивого цветаевского слога:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,

Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берёт),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.

Судьба поэтессы необычна. До конца шестидесятых годов о её творчестве в советской печати упоминалось крайне редко, а её литературные труды длительное время оставались достоянием узкого круга лиц, главным образом – литературоведов. Коренной перелом во взглядах на творческое наследие поэтессы произошёл в сознании широкой массы советских читателей только в период так называемой «хрущёвской оттепели». Именно в это время возникла повторная тяга и особый интерес к поэтам Серебряного века. В центре внимания вновь оказались Александр Блок, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин, Иван Бунин, Николай Гумилёв, Андрей Белый, Сергей Есенин, Анна Ахматова и, конечно же, Марина Цветаева. Её стихи наконец-то стали общедоступными. Они активно публикуются. На слова некоторых из них пишутся романсы и песни. О Цветаевой заговорили советская пресса, радио и телевидение.

Всплеск особого интереса к творчеству поэтессы был обусловлен расширением читательских возможностей наших людей в связи со значительной демократизацией общественной жизни страны. Немалую роль в этом процессе сыграли цветаеведы, а также младшая сестра поэтессы – Анастасия и дочь Ариадна, которые, освободившись из лагерного заключения, а затем и из ссылки, приступили к популяризации имени и литературного наследия своей талантливой, незаслуженно забытой родственницы. Вскоре к этой работе подключились и специалисты, которым удалось собрать,

систематизировать и опубликовать практически все известные на тот момент литературные труды Цветаевой, изучить её богатое эпистолярное наследие, отыскать и проанализировать большое количество сохранившихся архивных документов, касающихся личной жизни поэтессы и окружающих её людей.

По мере накопления материалов, уже в семидесятые годы минувшего столетия, встал вопрос о создании в Москве музея имени Марины Цветаевой. В 1992 году такой музей в доме по Борисоглебскому переулку № 6 был наконец открыт. Адрес музея выбран не случайно. Здесь поэтесса провела один из наиболее важных и наиболее сложных отрезков своей жизни (1914–1922 годы). В этом доме она написала одиннадцать из пятнадцати, изданных при её жизни книг. Здесь, как утверждают цветаеведы, сложилось её художественное сознание, совершиены открытия в области русского стихосложения, сформировался особый стиль цветаевской прозы. В этом доме написаны сотни лирических стихов, шесть романтических пьес, пять поэм, множество прозаических произведений.

Помимо «Дома-музея» в Борисоглебском переулке несколькими годами ранее был открыт небольшой музей сестер Цветаевых в городе Александрове, где в дореволюционный период проживала с семьёй младшая сестра поэтессы Анастасия и где нередко бывала и сама Марина Цветаева. О поэтессе многое говорит и музей памяти её деда по материнской линии Александра Даниловича и его второй жены – Сусанны Дмитриевны Мейн в Тарусе. Здесь же, в Тарусе, на высоком берегу реки Оки, недалеко от величественного собора Петра и Павла, в 2006 году установлен бронзовый памятник Марине Цветаевой работы скульптора Владимира Соскиева и художника Бориса Месссерера. В декабре 2007 года памятник поэтессе работы скульптора Нины Матвеевой установлен и в Борисоглебском переулке. В этих двух бронзовых изваяниях живёт новой

жизнью душа Марины Цветаевой. Но главная жизнь её неспокойной, ищущей, дерзновенной души продолжается в оставленных ею литературных трудах: стихах, поэмах, пьесах, прозаических произведениях, переводах и эпистолярном наследии.

Остановимся на поэтической части её творчества. Хорошо известно, что Цветаева не представляла себя вне поэзии, чувствовала себя поэтом, требовала от поэта, а следовательно, и от себя абсолютного стоицизма и жертвенности в служении раз и навсегда избранному делу. В письме своей подруге, чешской общественной и литературной деятельнице Анне Тесковой в декабре 1925 года она писала: «Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес – только преображеная, т.е. – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая». Мысль о жертвенном служении литературе звучит и в дневниковых записях Цветаевой. В 1920 году она, рассуждая об общественной роли поэта, отмечала: «У ваятеля может остановиться рука (резец). У художника может остановиться рука (кисть). У музыканта может остановиться рука (смычок). У поэта может остановиться только сердце». И это потому, что будучи провидцем, «поэт видит неизваянную статую, ненаписанную картину, слышит неигранную музыку». Творчество поэта, по мнению поэтессы, – это «трепетное биеение самой жизни». Каждый его стих, каждое его слово должны быть пронизаны жизненной правдой, страданием живого человеческого сердца, болеющего за всё, что происходит вокруг.

Обращаясь к коллегам по литературному цеху, она призывала их: «Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох! Но не только жест – и форму руки, его кинувшей; не только вздох – и вырез губ, с которых он, лёгкий, слетел. Не презирайте «внешнего». Цвет ваших глаз так же ва-

жен, как их выражение; обивка дивана – не менее слов, на нём сказанных. Записывайте точнее! Нет ничего не важного!» В выполнении этих требований сама Цветаева была предельно последовательна. Она внимательно наблюдала и изучала окружающую её жизнь. В описании жизни стремилась быть правдивой и максимально точной. Она была последовательно честной и в отстаивании своего поэтического кредо, своего индивидуального творческого почерка. Достаточно сказать, что, несмотря на массу соблазнов, Цветаева не примкнула ни к одному из современных ей литературных течений, даже к символизму, который заворожил умы многих известных поэтов её эпохи. Лишь немецкий романтизм, стремящийся раскрепостить и утвердить личность человека, она пронесла через всю жизнь, оставаясь верной ему до конца своих дней.

Этот факт подтверждается, в частности, известным поэтом Владиславом Ходасевичем, который в автобиографическом очерке писал: «Мы же с Цветаевой, которая, впрочем, моложе меня, выйдя из символизма, ни к чему и ни к кому не пристали, остались навек одинокими». Сама же Цветаева в 1931 году по этому поводу говорила: « Не принадлежу ни к какому классу, ни к какой партии, ни к какой литературной группе... ». Вместе с тем, Марина Цветаева была совершенно чужда консерватизму. Она считала, что поэт «внутри себя» должен находиться в постоянном движении, постоянно эволюционировать, стремиться к высшему идеалу, то есть к высшей степени подверженности «найтию». При этом под найтием она понимала невольное вдохновение, нерушимый дух, предугадывание, видение сущности предмета, его охватывание мыслью со всеми присущими этому предмету качествами, с последующей трансформацией в точное и ёмкое слово, в яркое литературное произведение.

Цветаева боялась застоя. «Чем меньше пишешь, тем меньше хочется, между тобой и столом встаёт уже вся

невозможность... Конечно, есть пресыщение. Но есть и истощение – от отычки», – писала она Владиславу Ходасевичу в мае 1934 года, то есть тогда, когда переживала свой очередной, достаточно глубокий творческий кризис. Но даже в этот момент и в последующие за ним тяжёлые эмигрантские полуниценские 1935–1938 годы она стремилась оставаться исключительно требовательной к своему литературному творчеству. В кратком эссе «Пролог», написанном в 1938 году, она отмечала: «Не знаю, сколько мне ещё осталось жить, не знаю, буду ли когда-нибудь ещё в России, но знаю, что до последней строки буду писать сильно, что слабых стихов не дам».

Интересен подход поэтессы к себе как к творческой личности. Она неоднократно подчёркивала, что своим духовным формированием была во многом обязана книгам, влиянию других поэтов. Поэтому себя она представляла как слияние духовных начал многих из них. Она так и говорила: «Я – много поэтов, а как это во мне слилось – это уже моя тайна». Любимыми поэтами Цветаевой, как известно, были Александр Сергеевич Пушкин – абсолютный и непревзойденный гений русской поэзии, а также современные ей поэты: Александр Блок, Константин Бальмонт, австрийский поэт Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Максимилиан Волошин и Анна Ахматова – люди огромного литературного таланта. С ними она общалась, в их среде жила, с ними соперничала, от них брала лучшее, переплавляя это лучшее в горниле своей самобытной, мощной по исходной природе, поэтики. Из сказанного следует, что Цветаева была цельным, волевым, целеустремлённым, взыскательным к своему творчеству человеком. Таковой мы её и видим в значительной части её стихов и поэм.

СТИХИ

Стихи Марины Цветаевой особенны. Их никогда не спутаешь со стихами других поэтов, в том числе и поэтов её эпохи. В отличие от ею особо любимого Пушкина, стихи которого всегда всеобъемлющи и всечеловечны, стихи Цветаевой, за исключением, может быть, некоторых юношеских, носят на себе выраженный индивидуальный характер. Это почти всегда разговор со своей душой, душевное переживание, излияние своих чувств и затаённых, но всё же прорывающихся наружу, надежд и чаяний. Не случайно, что во многих своих литературных произведениях и письмах она часто упоминает свою душу, общение со своей душой, служение своей душе. В сущности, всё её творчество есть сосредоточение на душе, уход в эту душу, показ состояния этой души в самых разнообразных жизненных ситуациях:

Солнцем жилки налиты – не кровью –
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе, –

признавалась она в небольшом по объёму стихотворении, написанном в 1913 году. В 1916 году, развивая эту же мысль, пишет: «Вся моя жизнь – роман с собственной душой». И как бы резюмируя это суждение, уже в 1925 году в одном из частных писем отмечает: «Боюсь, что беда (судьба) во мне, я ничего по-настоящему, до конца, т.е. без конца, не люблю, не умею любить, кроме своей души... Мне во всём – в каждом человеке и чувстве – тесно, как во всякой комнате, будь то нора или дворец... Эта болезнь неизлечима и зовётся: душа».

Если стих Пушкина всегда ставит читателя в центр описываемого события, то в сердцевине цветаевского стиха (даже если она пишет не о себе) всегда сама Цве-

таева с её переживаниями, сетованиями, чувствованиями, очарованиями и разочарованиями. Поэтому, чтобы понять тот или иной стих поэтессы, необходимо соотнести его с конкретными этапами её жизни, с людьми, которые окружали её в тот или иной момент, с ситуациями, которые складывались вокруг неё.

Для сравнения возьмём один из наиболее известных стихов Пушкина:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Читающий эти строки человек, воспринимает их как всплеск переживаний автора по поводу долгожданной встречи с любимой женщиной. Но вот проходит несколько мгновений и в образе героини (Анны Керн) читатель начинает улавливать черты его собственной возлюбленной, пережитые им сцены встреч и расставаний с ней. Стих приобретает в его сознании универсальный характер. Он начинает переживать те же чувства, что и автор стиха, но с уходом в свой собственный жизненный опыт, в свой собственный чувственный мир. Стих Пушкина всегда лёгок, изящен и притягателен. К нему хочется вернуться вновь и вновь. Таковы почти все стихи этого гениального мастера, независимо от того, пишет ли он о сердечной страсти, о буйстве природы или о боевой сшибке гребенского казака с горцем.

А вот стих Цветаевой «Балкон» о только что пережитой ею любви:

Ах, с откровенного отвеса –
Вниз – чтобы в прах и смоль!
Земной любви недовесок
Слезой солить – доколь?

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздох: выдышаться в стих!

Стиснутое в руке комочком –
Что: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочекам
Есть имя: – Иордань.

Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надгробья
Взмыв – выдышаться в смерть!

Когда и при каких обстоятельствах написан этот стих? О ком и о чём он повествует? Желает ли читатель быть соучастником описываемого в нём действия? Ответы на эти вопросы отыскать нелегко. Однако такие ответы всё-таки можно найти, если обратиться к конкретным переживаниям поэтессы в конкретный момент её жизни. Это июнь 1922 года. Это Берлин. Это двухкомнатный номер в берлинской гостинице. Это балкон, с которого поэтесса смотрит вниз. Это навязчивая мысль о сведении счётов с жизнью после пережитого краткого, но бурного любовного романа с Абрамом Вишняком – владельцем издательства «Геликон». Это переживание плотского греха. Это чувство вины перед мужем, к которому долго стремилась и которому в очередной раз изменила. Это очередное разочарование. Это временная потеря уверенности в себе. Это попытка самооправдания и поиска спасения в стихосложении («выдышаться в стих»). В границах этого стиха (как и многих других цветаевских стихов) присутствует сама поэтесса. Места для другого человека в нём нет. Да и вряд ли бы такой человек нашёлся. Для этого ему нужно было бы оказаться в подобной же жизненной ситуации. Но такие ситуации в реальной жизни всё-таки редки.

Как свидетельствует сама Марина Цветаева, стихи она начала писать с шести лет. В 1910 году, в возрасте восемнадцати лет, выпустила свой первый поэтический сборник «Вечерний альбом». Вслед за этим альбомом, два года спустя, вышел в свет второй её сборник – «Волшебный фонарь», чуть позднее – книга «Юношеские стихи». Стихи молодой поэтессы были сразу же замечены мэтром русской поэзии, взыскательным литературным критиком Валерием Брюсовым. Он отметил реалистичность и самобытность стихов Цветаевой. Ещё более решительно приветствовали её стихи Николай Гумилёв и Максимилиан Волошин. Последний встретился с ней у неё дома и выразил ей свою полную поддержку. После встречи, под впечатлением от общения с юной поэтессой, он посвятил ей большое стихотворение, в котором есть подлинно замечательные строки:

К вам душа так радостно влекома...
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»!
(Почему “Альбом”, а не “Тетрадь”?)

.....

Ваша книга странно взволновала –
В ней сокрытое обнажено.
В ней страна, где всех путей начало,
Но куда возврата не дано.

.....

Кто вам дал такую ясность красок?
Кто вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних, новолунных снов?

Ваша книга – это весть «оттуда» –
Утренняя, благостная весть...

Я давно уж не приемлю чуда...
Но как сладко слышать: «Чудо есть»!

В этом же стихотворении подмечены и некоторые внешние черты поэтессы: выражение её глаз, особенности лица и поз.

Почему скрывает чепчик чёрный
Чистый лоб и на глазах очки?
Я заметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки.

Детский рот и простоту движений,
Связанность спокойно-скромных поз...
В вашей книге столько достижений...
Кто же вы? Простите мой вопрос.

«Вечерний альбом» вышел в свет в 1910 году и знаменовал собой многообещающее начало поэтической деятельности Марины Цветаевой. За свою относительно короткую земную жизнь поэтесса написала большое количество стихов. Часть из них, к сожалению, пропала безвозвратно вместе с архивами поэтессы, которые она оставляла у своих знакомых во Франции перед отъездом в Советский Союз. Сохранившееся поэтическое наследие поэтессы, судя по наиболее полным изданиям её сочинений, составляет около шестисот стихов. Они обычно печатаются по годам их написания: 1907-1912 (стихи из книг «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь»), 1913-1915 (стихи из книги «Юношеские стихи»), 1916-1920 (из книг «Вёрсты-1», «Вёрсты-2» и «Лебединый стан»), 1921-1923 (из книг «Стихи к Блоку» и «Ремесло»), 1923-1928 (стихи из сборника «После России») и, наконец, 1938-1941 годы – стихи последнего этапа жизненного пути поэтессы. Такова устоявшаяся хронологическая последовательность печатания стихов Цветаевой.

Однако для меня, как и для многих других ценителей таланта поэтессы, наряду с хронологией издания её работ, важны также тематика стихов, эволюция поэтического мастерства и жизненной позиции поэтессы. Принято считать, что стихи Цветаевой охватывают в основном восемь литературных тем: человеческая душа, поэты и поэзия, любовь и любовная магия, биография лирического «Я», сердечная тоска, измена и предательство, смерть и бессмертие. Думаю, что таких тем на самом деле гораздо больше. Она много писала о России, о её природе и её людях. Этой теме посвящено в общей сложности около ста стихов, то есть приблизительно одна шестая часть её стихотворного наследия. Много стихов посвящено конкретным людям (мужчинам и женщинам), которые встречались на жизненном пути поэтессы. Есть стихи-погружения в свои чувствования, в том числе и суицидальные. Таких стихов много. Они пронизывают всё творческое наследие Цветаевой, начиная с юных лет и кончая последним годом её драматической жизни.

Небольшая часть стихов связана с темой эллинского и библейского мира. Поэтессе были близки судьбы Ариадны и Тесея, Орфея и Эвридики, верховного языческого бога Зевса и его земных возлюбленных – Даны, Леды и Европы; героев Гомеровой «Илиады» – Ахилла, Приама, Елены и Ифигении; иудейских царей Саула, Давида и Соломона; Иисуса Христа и его приверженок – сестёр Марфы и Марии, Марии Магдалины, других жён-мироносиц. Имена и поступки перечисленных мифологических и исторических персонажей упоминаются во фрагментах стихов часто вскользь. Цельных стихов, посвященных этим лицам, в творчестве Цветаевой практически нет.

Значительное количество её стихов посвящено близким людям – мужу, сестре, детям, друзьям. Есть и такие стихи, которые не подпадают ни под одну из названных тем. Как правило, такие стихи единичны и

касаются конкретных жизненных ситуаций: встреч и расставаний с людьми, переживаний тоски и страха, внутренней надломленности, неуверенности в себе, душевного одиночества, особенно после ареста её ближайших родственников – сестры, мужа и дочери. Имеются и стихи «отвлечённые», «странные», «зашифрованные», как было принято говорить в литературных кругах ещё при жизни самой Цветаевой. Тайный смысл этих стихов поэтесса унесла с собой в могилу. Эти стихи – разговор с собой, вздох или вскрик по поводу чего-то пережитого и только ей одной понятного. Поэтому искать тайный смысл этих стихов и тем более истолковывать их на свой лад я не стану. Дело это неблагодарное. Пусть все эти стихи принадлежат только поэтессе Марине Цветаевой и никому иному.

Стихи о России, её природе и людях

Стихи на эту тему появились у Цветаевой уже на ранней стадии её поэтического творчества. В книге «Волшебный фонарь» она опубликовала замечательную четырёхstroфную миниатюру «На возу», в которой мастерски передала ощущение русской природы, русского раздолья, русского мироизрания:

Что за жалобная нота
Летней ночью стук телег.
Кто-то едет, для кого-то
Далеко ночлег.

Целый день шумели грабли
На откосе, на лужке.
Вожжи новые ослабли
В молодой руке.

Счастье видится воочью:
В небе звёзды, – сны внизу.
Хорошо июльской ночью
На большом возу!

Завтра снова будет круто:
Знай работай, знай молчи.
Хорошо ему, кому-то,
На возу в ночи!

В этой же книге можно отыскать и ещё множество замечательных стихов, теперь уже об окрестностях любимой ею дачной Тарусы. Вот один из них:

Ах, золотые деньки!
Где уголки потаённые,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренье,
И на жаровне варенье,
В старом саду.

К богу идут облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.

А вот следующий, не менее замечательный стих:

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока.

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

.....

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

Казалось бы, этими жизнеутверждающими юношескими стихами была проведена чёткая линия, ведущая к новым, более ярким и сильным стихам о Родине. Этого, однако, не произошло. Причина тому – глубокие изменения в мироощущениях поэтессы, связанные с началом Первой мировой войны и всеми последующими за ней драматическими событиями в России. Правда, было несколько переходных стихов 1915-1916 годов, которые всё ещё хранили на себе печать влюблённости Цветаевой в Москву, в красоты подмосковных пейзажей, в неповторимую прелесть раздолов Центральной России. В марте 1915 года она писала:

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть тёплом – пыль и дёготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, – должно быть
Выздоравливаю от зимы.

Я иду домой возможнотише.
Ненаписанных стихов – не жаль!
Стук колёс и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого, что сердце – слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе, едва нагретом...
– Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.

Чуть позже, в Троицын день 1916 года, появился прекрасный, но уже более грустный стих:

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой –

Калужской, песенной, привычной, и она
Смыает и смывает имена
Смиренных странников, во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской –

Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь – и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

В последующем грусть в стихах поэтессы только усиливается. Стихи о Родине и о Москве становятся всё более мрачными:

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придём...

И вот война! И вот страшные реалии военного времени. Эти реалии, как ураган, врываются в живую строку цветаевского стиха. Драма русской жизни становится её живым, постоянно ноющим нервом:

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов – за белой стеною – погост.
И на песке вереницы соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
Старая баба – посыпанный крупною солью
Чёрный ломоть у калитки жуёт и жуёт...

Чем прогневили тебя эти серые хаты –
Господи! – и для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошёл и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь...

Пытаясь глубже понять происходящие события, Цветаева внимательно всматривается в окружающий её мир, в русский народ, в его страдальческую судьбу. Не разделяя монархистских взглядов, она не сумела принять и революцию. Но Белое добровольческое движение искренне считала святым порывом честных людей сохранить прежнюю, милую её сердцу Россию. Свои наблюдения, чувствования и переживания этого периода поэтесса отразила в огненных строках «Лебединого стана» – стихах 1917-1920 годов. В них она не только прославляет офицеров Белой гвардии, но и вступает в диалог с царём Николаем II.

Обращаясь к белогвардейцам, пишет:

Белогвардейцы! Гордиев узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузди
Песенки русской!

Белогвардейцы! Белые звёзды!
С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Чёрные гвозди
В рёбра Антихристу!

Царя упрекает за то, что он слишком поспешно оставил свой трон:

Пал без славы
Орёл двуглавый.
– Царь! – Вы были неправы.

Помянет потомство
Ещё не раз –
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.

Вступается за наследника трона царевича Алéксия:

За Отрока – за Голубя – за Сына,
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!

Описывает разгул революционной толпы:

Ночь. – Норд-Ост. – Рёв солдат. – Рёв волн.
Разгромили винный склад. – Вдоль стен
По канавам – драгоценный поток,
И кровавая в нём пляшет луна.

И вновь славица Белому движению:

Белая гвардия, путь твой высок:
Чёрному дулу – грудь и висок.
Божье да белое твоё дело:
Белое тело твоё – в песок.

Сравнивает Белое движение с лебединым станом, а его участников – с белыми лебедями, гордыми птицами, символизирующими собой честь, красоту и верность. Вождям Белого движения Цветаева стихов не

посвящала. Есть лишь один небольшой, в девять строк стих, адресованный генералу Корнилову:

Сын казака, казак...
Так начиналась – речь.
– Родина. – Враг. – Мрак.
Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.
– Нечего есть. – Честь.

– Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня.

Не воспевала она и героев русской истории. О Петре I упоминает трижды. В двух стихах порицает его за то, что он сменил столицу Российского государства и провёл реформы, ставшие предтечей революционных событий 1917 года. В третьем – воздаёт ему должное за то, что он, обласкав арапа Абрама Ганнибала, дал возможность появиться на свет его великому потомку, лучшему и непревзойдённому поэту России Александру Пушкину.

Большое стихотворение посвящает Лжедмитрию и Марине Мнишек. С последней пытается родниться по одинаковости имён и по польской крови, которая по материнской линии, наряду с немецкой и русской (от отца), текла в ней.

Славное твоё имя –
Славно ношу.
Правит моими бурями
Марина – звезда – Юрьевна,
Солнце – среди – звёзд.

.....

Марина! Дмитрий! С миром,
Мятежники, спите милые.
Над нежной гробницей ангельской
За вас, в соборе Архангельском,
Большая свеча горит.

Вообще личные симпатии Цветаевой к тем или иным историческим событиям и персоналиям в ряде случаев могут показаться довольно странными. Полагая, что в ней «много душ», но главная её «душа – германская», она в разгар Первой мировой войны свои симпатии отдаёт не России – своей фактической Родине, а Германии, которую представляет жертвой мирового заговора:

Ты миру отдана на травлю,
И счёта нет твоим врагам!
Ну, как же я тебя оставлю,
Ну, как же я тебя предам?
И где возьму благоразумье:
«За око – око, кровь – за кровь!», –
Германия – моё безумье!
Германия – моя любовь!

Отношение к Германии изменилось лишь в 1938 году, после оккупации немцами Чехии – родины её сына Георгия:

О, дева всех румянее
Среди зелёных гор –
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!

Встарь – сказками туманила,
Днесь – танками пошла, –

с укором и негодованием обращается она к обманувшей её чувства стране.

Завершив в 1920 году тему Белого движения и называв себя «летописцем белого похода» (это в значительной мере действительно так), Цветаева в последующие годы к теме Родины возвращалась крайне редко. В 1931 году пишет стихотворение «Страна», в котором искренне сокрушаются по поводу исчезновения любимой ею имперской России:

С фонарём обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны – на карте
Нет, в пространстве – нет.

Выпита как с блюдца, –
Донышко блестит.
Можно ли вернуться
В дом, который срыт?

.....
Той, где на монетах –
Молодость моя –
Той России – нету.
– Как и той меня.

Год спустя появляется стихотворение «Родина», в котором Россия впервые именуется «чужбиной»:

Но и с калужского холма
Мне открывается она –
Даль – тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Думы и тоска по Родине не покидали Цветаеву на протяжении всего семнадцатилетнего периода её пребывания за границей. Несмотря на это, она в советскую Россию возвращаться не хотела. Об этом свидетельствует её последний заграничный стих о России, в котором слились воедино решимость не возвращаться и неизбывная горечь по утраченному:

Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно –
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошёлкою базарной
В дом и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

.....
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!

.....
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встаёт, особенно – рябина...

Возвращаться в Россию опасалась, имея печальный опыт проживания здесь в голодные и холодные 1914-1922 годы. Вернуться, однако, пришлось, что было вызвано тремя основными причинами. Во-первых, в советскую Россию в 1937 году уже выехали муж и дочь Ариадна. Во-вторых, пребывание во Франции становилось бессмысленным: эмигрантская среда, за исключение малого количества истинных друзей, Цветаеву игнорировала; не было заработка – стихи и проза не

принимались в печать. И, наконец, в-третьих, – Германия поднимала голову. В Европе забрезжила новая война, Цветаева же панически боялась войны, не из-за себя, а из-за сына, которого любила бесконечно и потерять которого считала для себя невозможным.

Все эти три обстоятельства выталкивали Цветаеву в Советский Союз, куда она прибыла 18 июня 1939 года грузопассажирским пароходом «Мария Ульянова». Вернувшись, ни одного стиха о России до конца своей жизни не написала. Да и можно ли было написать? В 1939 году были арестованы муж Сергей Эфрон и дочь Ариадна. В заключении оставалась и младшая сестра Цветаевой – Анастасия Цветаева. Жизнь обретала новые трагические черты. Что-либо писать о Родине не было ни моральных, ни нравственных сил.

Любовная лирика

Любовная лирика, как и сама любовь, в поэтическом творчестве и жизни Цветаевой занимают огромное место. Это главная её стихия, это её «тайный жар», «сверхталант», «горение души», «неизбывная потребность». При этом объект своей страсти, как она сама об этом писала, «до конца, т.е. без конца» любить не могла. Отсюда постоянный поиск идеала, «друга на всю жизнь и на каждый час», того, кто бы «всегда, даже на смертном одре (ей) радовался». Отсюда же постоянная тяга к смене партнеров по любовной игре. «Кто создан из камня, кто создан из глины, – / А я серебрюсь и сверкаю! / Мне дело – измена, мне имя – Марина, / Я – бренная pena морская», – признавалась поэтесса в одном из своих многочисленных стихов на любовную тему. Любила Цветаева много и многих, любила в свою меру, «т.е. без меры», как она отмечала в письме к одной из своих подруг. Любила очно и заочно, то есть физически и платонически, часто – эпистолярно.

Любила мужчин и женщин. Любила до конца своей жизни. В одном из последних прижизненных писем отмечала: «живая любовь... то, без чего я не живу, не я живу! Это – единственное, что вне меня, что я не властна создать и без чего меня нету».

Эта склонность Цветаевой к постоянным любовным романам приносила глубокие страдания её мужу Сергею Эфрону, ранило душу дочери Ариадны, вызывало осуждение окружающих, на какое-то время угнетало душу самой Цветаевой, но справиться с ураганом одолевающего её любовного чувства она не могла. Любила страстно, самозабвенно, требовательно, порой – истерично. Её партнёры не выдерживали «дикой и яркой Марину», её «спонтанной и необузданной любви» (по выражению Надежды Мандельштам – вдовы Осипа Мандельштама) и все, как один, уходили, «всегда уходили», как отмечала сама Цветаева. Её покинули Осип Мандельштам, Софья Парнок, Софья Голлидей, Абрам Вишняк, Александр Бахрах, двадцатилетний сотрудник пражской газеты «Дни», которому тридцатиоднолетняя Марина буквально не давала прохода, заваливая его любовными письмами с требованиями «чуда доверия, чуда понимания, чуда отрешения», «совершенной свободы», и подчинения «величайшему соблазну», который «мало кто выдерживает». Затем были Константин Родзевич, Марк Слоним и некоторые другие, утомлённые цветаевской любовной страстью попутчики.

Были и платонические любовные романы, которые могли длиться годами. В этом отношении показательны эпистолярные романы с Борисом Пастернаком и Райнером Мария Рильке. Обоим она признавалась в любви. С обоими планировала совместную жизнь, и это при том, что уже много лет была замужней женщиной и матерью. Подобное поведение приводило к удивительным парадоксам. Так, влюбившись на расстоянии в Бориса Пастернака, она стала считать его (без всяких

на то оснований) отцом своего сына Георгия и потому пыталась дать ему имя Борис. Этому воспротивился муж Марины Сергей Эффрон. После длительных споров сыну по святцам дали имя Георгий, но им Цветаева не пользовалась. Она предпочла сказочное прозвище Мур (Мурлыка), которое и употребляла все шестнадцать лет общения с ним. Всё это может показаться странным и необычным, но было именно так. Через физическое сближение с тем или иным человеком Цветаева искала выход на его душу. «Главная моя страсть – собеседничество. А физические романы необходимы потому, что – только так проникаешь человеку в душу», – подчёркивала она. Стихов о любви и любовных переживаниях у Цветаевой очень много. Любовные грёзы и страсти проснулись в ней рано, фактически – с малолетства, но свою охваченность ими она откровенно описала лишь в семнадцать лет в стихотворении «Новолуние»:

Новый месяц встал над лугом,
Над росистою межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днём – скрываю, днём – молчу.
Месяц в небе, – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Всё расскажут – твои губы!
Только днём объятья грубы,
Только днём порок смешон.

Днём томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Замечательный, сильный, завораживающий, звевающий молодой страстью стих. В нём всё прекрасно, в нём всё естественно, всё жизненно. Влюблялась Цветаева часто неожиданно. Искала свиданий без предварительных договорённостей. Так было с Петром Эфроном – старшим братом мужа, ещё одной неразделённой любовью поэтессы. В обращённых к нему стихах она повествует:

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И – помнится – тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я всё решала по пути:
Не надо – или надо – розу
Вам принести.

И всё приготовляла фразу,
Увы, забытую потом!
И вдруг – совсем нежданно – сразу!
Тот самый дом.

.....

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений!
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома,
И две руки свои, как лёд.
Я называю Вас. – Он дома,
Сейчас придёт.

.....
И было сразу обаянье.
Склонился, королевски – прост.
И было страшное сиянье
Двух тёмных звёзд.

И их, огромные, прищуря,
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря
Ещё за миг!

Щемящее чувство ожидания встречи с любимым человеком, грусть расставания, спад любовного напряжения и последующая разочарованность в случившемся – характерные состояния цветаевской души. Особенно эти состояния заметны в серии стихов под общим названием «Подруга». Они посвящены сафической, довольно длительной (полтора года) любви к поэтессе Софье Парнок. В этих стихах Цветаева буквально выворачивает себя наизнанку, показывая читателю, в том числе, и некоторые интимные стороны своей любовной связи с этой женщиной. Это довольно редкое явление в русской литературе. Столь откровенны в описании своих любовных чувствований были до неё, пожалуй, только Лев Толстой и Иван Бунин. Приведу лишь несколько стихов из этого цикла. При этом скажу, что весь этот цикл написан мастерски, грациозно и очень правдиво. Здесь и любовная страсть, и размышления о преходящей силе любовного восторга, и разочарование, и обида.

Бот некоторые из этих стихов:

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа?
Кто побеждён?

Всё передумываю снова,
Всем перемучаюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? Кто – добыча?
Всё дьявольски – наоборот?
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чьё сердце – Ваше ли, моё ли –
Летело вскачь?

И всё-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
– Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

А вот умирание любви, вот зарождающаяся отчуждённость, вот грустные размышления о том, что произошло:

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои.

.....
И ещё скажу устало,
– Слушать не спеши! –
Что твоя душа мне встала
Поперёк души.

.....
И ещё тебе скажу я:
– Всё равно – канун! –

Этот рот для поцелуя
Твоего – был юн.

Взгляд – до взгляда – смел и светел,
Сердце – лет пяти...
– Счастлив, кто тебя не встретил
На своём пути!

И наконец – разрыв. И наконец – завершение любовного романа, прерванного партнёршей:

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком
Куда-то промчались санки.

.....
Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, –
Сильнее, чем я – желанной!

Мир – весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки...
Так мчались вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд
– Не более – вслед глядела.

Разум бунтует, но память всё ещё цепко держит мгновения утраченного:

Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой

Мне губы холодил цветок.
Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой.

Но любовь не возвращается. С ней нужно прощаться:

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманяющий,
Я выпытать – куда Вам путь,
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...
– Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

И, наконец, итоги пережитого грустного любовного опыта:

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Всё, что наводит на раздумье,
Всё слишком есть.

Во мне, – все каторжные страсти
Свились в одну! –
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну.

Я знаю весь любовный шёпот,
– Ах, наизусты! –
Мой двадцатидвухлетний опыт –
Сплошная грусть.

Любовь закончилась, но жизнь продолжается.
Сердце открывается для новой любви. И тут же появляются дерзновенные, гордые, задиристые строки:

Пока молода –
Всё как с гуся вода!
Никогда никому – нет! –
Всегда – да!

И вновь заклинания, и вновь обеты, и вновь прежняя жажда любви:

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь, смущусь – рванусь.
О, милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

Не прощусь! Но жизнь переменчива, но любовь
преходяща. И вот рождаются жгучие стихи о чувстве
ревности:

Как живётся вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линию береговою
Скоро ль память отошла...

.....
Как живётся вам с простою
Женциною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед).

Как живётся вам – хлопочется –
Ёжится? Встаётся – как?

С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

.....

Как живётся вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррапы
Как живётся вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог и начисто разбит!)

Как живётся вам с стотысячной,
Вам, познавшему Лилит?

Мстительному чувству, испепеляющей язвительно-сти нет предела. Ушедшего, бросившего, изменившего (судя по времени написания стиха им мог быть Константин Родзевич, которого Цветаева, по её собственному признанию, «любила безумно» либо Марк Слоним, к которому она испытывала сильное физическое влечение и который, как и Родзевич, оставил её ради другой женщины) поэтесса стремится поразить словом, убить женским презрением, превратить в жалкое ничтожество. Точно такое же отношение и к воображаемым соперницам: Вере Александровне Гучковой, дочери известного промышленника Александра Ивановича Гучкова, ставшей любовницей Константина Родзевича или же – к новой подруге Марка Слонима, которую он обрёл после развода со своей первой женой. И та и другая были моложе Мариной более чем на десять лет. К тому же Цветаева в момент написания этого стиха была на шестом месяце беременности сыном Георгием, что, как известно, не самым лучшим образом отражается на внешнем облике любой женщины. Всё это, однако, не помешало поэтессе назвать своих конкуренток «товаром рыночным», «женщина-

ми без божества» и, наконец, – «трухой гипсовой». А какова самооценка? Она и «государыня», и скульптурный богои deal из «мраморов Каррары», и мифологическая красавица Лилит. В этом вся Цветаева: от восторга любви к глубокому разочарованию и ревности, от утраченной страсти к новому, часто спонтанному, сердечному чувству.

Завершаю этот раздел замечательным стихотворением «Мне нравится», посвящённым мужу сестры Маврикию Минцу, к которому Марина Цветаева, по-видимому, была также неравнодушна. Этот стих написан 3 мая 1915 года в городе Александрове и содержит в себе все оттенки и всю полноту грустной прелести цветаевского поэтического слога. Вот этот стих:

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжёлый шар земной
Не упливёт под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами, –
И не краснеть удущливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится ещё, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адском огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное моё, мой нежный, не
Упоминаете ни днём, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,

За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, –
За то, что вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не вами!

Как прекрасно, как душевно, как хорошо написано это стихотворение. Всякий раз, когда я его читаю, я испытываю чувство благодарности Цветаевой за её талант, за её мастерское владение словом, за её глубокое знание женского сердца. Любовная лирика была и остается одним из ценнейших разделов поэтического наследия Марины Цветаевой. Несомненно, что стихи этого раздела, наряду со стихами о Родине, составляют ей славу крупного самобытного русского поэта.

Статьи и стихи о поэтах и поэтическом искусстве

Статьи и стихи о поэтах, поэзии и поэтическом искусстве занимают в литературном творчестве Цветаевой также значительное место. Впервые она обратилась к этой теме в юношеском возрасте, отреагировав на отзыв Валерия Брюсова по поводу изданной ею книги «Вечерний альбом». Анализируя стихи этой книги, Брюсов при, в целом, положительной оценке, отметил в ней ряд недостатков, в частности, – недопустимую интимность содержания отдельных строф. «Стих г-жи Цветаевой обладает какой-то жуткой интимностью, от которой временами становится неловко, точно нечаянно заглянул в окно чужой квартиры», – писал он. В этом же отзыве Брюсов дал совет молодой поэтессе (ей было всего 18 лет) демонстрировать в своих стихах «чувства более острые и мысли более нужные». Эти замечания обидели Цветаеву, и она через год во втором своём сборнике «Волшебный фонарь» отвечает Валерию Брюсову колким стихом «Улыбнись в моё окно»:

Улыбнись в моё «окно»,
Иль к шутам меня причисли, –
Не изменишь, всё равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.
Нужно петь, что всё темно,
Что над миром сны нависли...
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

Вторая книга Цветаевой также попала в поле зрения Брюсова. На неё он отреагировал более остро, написав в своём отклике следующее: «Вторая книга г-жи Цветаевой «Волшебный фонарь», к сожалению, не оправдала наших надежд. Чрезмерная, губительная лёгкость стиха...». Это критическое замечание переполнило чашу терпения горделивой и своевольной Марины. И в следующем сборнике под названием «Из двух книг» она делает прямой и жёсткий выпад против личности самого поэта и язвительно пишет:

Я забыла, что сердце в вас – только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти – критика.

Затем было письмо Цветаевой к Брюсову, но опять-таки колкое, задиристое. Теплоты и взаимопонимания в двусторонних отношениях не возникло. Брюсов не воспринимал Цветаеву как состоявшегося поэта. Обида запала в сердце и вылилась в большую аналитическую статью о творчестве Брюсова «Герой труда». Статья вышла в свет в 1925 году в Чехии, когда поэта уже не было в живых. Эта статья, на мой взгляд, есть откровенная попытка низведения большого русского поэта в разряд слабых поэтов. Несмотря на заклинания, что её целью не является распростране-

ние «лжи о Брюсове», что она не хочет «посмертного лягания Брюсова», Цветаева не скupится на обвинения в его адрес. Она указывает на немузыкальность брюсовских стихов, на их ограниченность, сухость, статичность и «римскую сдержанность». Стихи Брюсова она называет вымученными, рождёнными не по вдохновению, а в результате «волошего труда». «Поэт ли Брюсов?..» – задаётся вопросом она. И отвечает: «Да, но не Божьей милостью. Стихотворец, творец стихов – не более». Упрекает она его и в погоне за славой, в нежелании менять стиль и формы своих стихов, в неспособности «писать по-новому».

Сравнивая Валерия Брюсова с Константином Бальмонтом, которого всю жизнь обожала и считала «поэтом по рождению», Цветаева называла Брюсова пловцом «против течения собственной неодарённости», упрекала его в «нечеловечности», то есть явно унижала человеческие достоинства поэта. Спрашивается: «Почему?» На этот вопрос есть только один ответ – обида! Причину её возникновения Цветаева излагает так: «Брюсов... чистосердечно не выносил сначала «девчонки», потом «женщины», весь смысл и назначение которой – утверждаю – в любви, а не в ненависти, в гимне, а не в эпиграмме», – писала она. И всё это после почти абсолютной влюблённости в творчество Брюсова в юные годы (16-17 лет), когда она приписывала его стихам свойство волшебности.

В своём мстительном чувстве Цветаева всегда воинственна и неудержима, как неудержима в своей любви к тем, кого искренне уважала. Таковы Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин, Борис Пастернак, Рainer Мария Рильке, Анна Ахматова (до первой и последней личной встречи с ней), а также Осип Мандельштам (до опубликования им в 1922 году критической статьи в адрес Цветаевой). Мандельштама Цветаева любила (имела с ним любовный роман) и признавала в нём большой поэтический дар. Ему посвятила нема-

ло своих лирических стихов. В них она именовала его «орлёнком», «молодым орлом», сравнивала с Державиным. Все стихотворные посвящения ему проникнуты нежностью, любованием, условным подчинением своего таланта его яркому поэтическому дарованию:

Я знаю, наш дар – неравен.
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полёт крещу Вас:
– Лети, молодой орёл!
Ты солнце стерпел, не щурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжёл?

В том же 1918 году она, обращаясь к Мандельштаму, писала:

Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала – темней твоих.

Всходили и гасли звёзды,
– Откуда такая нежность? –
Всходили и гасли огни
У самых моих очей.

.....
Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий
С ресницами – нет длинней?

Она же ещё в 1916 году предсказала поэту его трагическую гибель:

Голыми руками возьмут – ретив! упрям! –
Криком твоим всю ночь будет край звонок!
Растrepлют крылья твои по всем четырём ветрам!
Серафим! – Орлёнок!

Но любование Мандельштамом продолжалось лишь до тех пор, пока он, как говорилось выше, не выступил в 1922 году, после отъезда поэтессы за границу, с критической статьёй в адрес её стихов, написанных в Москве в 1920-1921 годах, то есть в начальный момент переломного периода её стихотворчества. Статья была резкой. В ней Мандельштам утверждал, что «худшее в литературной Москве – это женская поэзия». Далее он персонифицирует эту реплику и прямо указывает на «безвкусицу и историческую фальшь стихов Марины Цветаевой о России», на её «нестерпимую трескучую риторику», «вибрацию на самых высоких нотах, оскорбляющих слух, историческое и поэтическое чутьё».

Вполне возможно, что эта статья была прочтена Цветаевой, так как она, будучи и за границей, внимательно следила за литературной жизнью советской России. Но ответная реакция последовала лишь в 1926 году, когда до неё дошла книга Мандельштама «Шум времени». В этой книге автор выразил резко отрицательное отношение к Добровольческой армии. Эту армию он познал изнутри (некоторое время находился во врангелевской тюрьме в Крыму) в момент её полного упадка и разложения. Цветаева же по инерции продолжала считать эту армию носительницей «святых патриотических идей», не желая признавать того, что с бегством из России эта армия потерпела полный и окончательный крах. И вот появляется ответная острыя критическая статья Цветаевой «Мой ответ Осипу Мандельштаму». В ней поэтесса жестоко расправляет со своим оппонентом, обвиняя его во множестве грехов, в том числе – в предательстве, в переходе на сторону большевистской власти, в запоздалой переоценке

роли Красной армии; в трусости и нежелании самому с винтовкой в руках отстаивать свои убеждения на фронтах борьбы с Белым движением. Цветаева обрисовывает трансформацию политических убеждений Мандельштама от «империалиста до эсера», и от «эсера до коммуниста». Эту трансформацию она именует политическим приспособленчеством. В своей критике она доходит до гротеска. «Шум времени» Мандельштама, – пишет она, – оглядка, ослышка труса. Правильность фактов и подтасовка чувств. С таким по-путчиком Советскую власть не поздравляю. Он так же предаст её, как Керенского ради Ленина, в свой срок, в свой час, а именно: в секунду её падения». Завершается заметка словами: «Мой ответ Осипу Мандельштаму – мой вопрос всем и каждому: как может большой поэт быть маленьким человеком? Ответа не знаю. Мой ответ Осипу Мандельштаму – сей вопрос ему».

Такова Цветаева. В своей критике того или иного человека она беспощадна, в логике мысли – безупречна, в подборе фактов – искусна. Возможно, что в ряде случаев её собственный жизненный опыт был менее богат, чем жизненный опыт критикуемых ею людей (например, Брюсов был старше Цветаевой на двадцать лет) и поэтому могли возникать ошибочные суждения при оценке действий этих людей. Но в искренности и открытости позиции Цветаевой (пусть и ошибочной) никто и никогда усомниться не сможет. В неприятии отдельных людей Цветаева была категорична. К людям же, которых уважала, относилась с большой любовью. Александру Блоку, с которым при жизни не встречалась (была лишь дважды на его публичных выступлениях в Москве: в Политехническом музее и во Дворце искусств по улице Поварская № 52), посвятила отдельную книгу «Стихи к Блоку». В книгу вошла подборка стихотворений 1916-1921 годов. В них – сама нежность, само восхищение, сама славица в адрес великого поэта, каковым, несомненно, был Александр Блок. По

утверждению дочери Марины Цветаевой Ариадны, Блок в жизни её матери «был единственным поэтом, которого она чтила не как собрата по «струнному ремеслу», а как божество от поэзии, и которому, как божеству, поклонялась. Всех остальных ею любимых, она ощущала соратниками своими – вернее – себя ощущала собратом и соратником их». В подтверждение особого отношения Цветаевой к поэзии и личности Александра Блока привожу следующие её стихи:

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

.....
Голубоглазый
Меня слазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне под ноги перья стелет,
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Вот ещё одно пророчески-грустное стихотворение в его адрес:

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты проходишь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лицу
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твоё святое
Поцелую вечерний снег.

Прекрасное, сильное, необыкновенно трогательное стихотворение. В 1921 году Блока не стало. И вслед за его отлетевшей душой устремились грустные цветаевские строки:

Други его – не тревожьте его!
Слуги его – не тревожьте его!
Было так ясно на лице его:
Царство моё не от мира сего.

Ранняя смерть Блока (умер в 41 год) поразила Цветаеву. Она долго не верила в неё и в письме к Анне Ахматовой просила подтвердить факт случившегося. «Хочу правды о праведнике», – писала она. С самой Ахматовой Марина Цветаева общалась преимущественно эпистолярно. Единственная их встреча состоялась в июне 1941 года, перед самой войной, в квартире писателя Виктора Ардова на Большой Ордынке, дом 17, когда Ахматова приезжала в Москву хлопотать за своего вторично арестованного сына Льва Гумилёва. В ходе двух бесед, которые, по свидетельству Ахматовой, длились на протяжении семи часов, они друг

другу не понравились. Да и трудно себе представить душевное сближение двух эгоцентричных, горделивых, крайне самолюбивых женщин. Анна Ахматова не могла принять новую поэзию Цветаевой, считая её «заумной», «напыщенной» и «манерной».

Так было в реальной жизни. Но в стихах Цветаевой, обращённых к Ахматовой, её всегдашая соперница запечатлена как подруга и соратница, перед которой Цветаева преклонялась, выдающийся талант которой глубоко ценила. Она именовала её «прекраснейшей из муз». Дарила ей своё сердце, воспевала её женские достоинства: порывистость, гибкость тела, неподражаемую восточную красоту:

Ещё один огромный взмах –
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!

Что делала в тумане дней?
Ждала и пела...
Так много вздоха было в ней.
Так мало тела.

Не человечески мила
Её дремота.
От ангела и от орла
В ней было что-то.

Отмечала неповторимость поэтической строки Ахматовой, силу и красоту её поэтического голоса:

Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей –
Гордость и горечь.

Признавалась в любви к её творчеству:

Златоустой Анне – всея Руси
Искупительному глаголу, –
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжёлый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Тянулась к Ахматовой как к старшой подруге, искала её поддержки и защиты:

Ты солнце в выси мне застиши,
Все звёзды в твоей горсти!
Ах, если бы – двери настежь! –
Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.

На примере Анны Ахматовой можно говорить об особом цветаевском даре – даре искреннего восхищения талантом другого человека. Она угадала, прочувствовала и воспела в стихах и прозе литературные дарования многих своих современников, в том числе – и Константина Бальмонта. Его она противопоставляла Валерию Брюсову, подобно тому, как Пушкин противопоставлял Амадея Моцарта Антонию Сальери.

Бальмонт и Цветаева были большими друзьями. Цветаева поддерживала Бальмента в голодные 1914–1918 годы. Несмотря на скучность собственных средств, делилась с ним и его семьёй картофелем и дровами,

раздобыть которые в голодной и мёрзущей Москве было почти невозможно. Константина Бальмонта Цветаева относила к «великим» поэтам, к «поэтам-самородкам». Она отмечала открытость, искренность, свежесть, щедрость, виртуозность и жизненную силу его стихов. Обращая внимание на порывистость и импульсивность его натуры, называла его «огнём», «солнцем», «костром», видела в нём одновременно и «льва», и «тельца», и «орла», и «ангела».

Адресуясь к поэту, в ноябре 1919 года писала:

Пышно и бесстрастно вянут
Розы нашего румянца.
Лиши камзол теснее стянут:
Голодаем как испанцы.

Ничего не можем даром
Взять – скорее гору сдвинем!
И ко всем гордыням старым –
Голод: новая гордыня.

Столь же беззаветно Цветаева любила и ценила талант Бориса Пастернака. Она ставила его в один ряд с Владимиром Маяковским. В пастернаковской поэзии отмечала её углублённость в частный сюжет, в разговор поэта с самим собой. Оценивая творчество Пастернака, Цветаева указывала также и на сложность его стихов. В статье «Эпос и лирика современной России» она именует поэзию Пастернака «тайнописью» и признаётся: «Пастернака долго читать невыносимо от напряжения.., чем больше старается Пастернак свою мысль развить и уяснить, чем больше громоздит придаточных предложений, тем больше он смысл затемняет». И это действительно так, ибо на эту сторону пастернаковской поэзии обращали внимание многие его современники, в том числе и – нарком просвещения – Анатолий Луначарский. В письме к Пастернаку

он отмечал: «Вы ужасно трудный поэт... Я уже говорил Вам как-то даже публично, происходит ли это от Вашего излишнего стремления к изощрённости, которую Вы принимаете за мастерство, между тем как самое высшее мастерство есть простота». Почти то же самое говорил Борису Пастернаку и Максим Горький.

Понимая сложность и неоднозначность стихов Бориса Пастернака, Цветаева всё-таки сумела уже на раннем этапе его творчества рассмотреть в нём крупного поэта, гордилась и дорожила дружбой с ним. Пастернаку Цветаева также посвятила большое количество своих стихов. В них она выражала, прежде всего, свою разочарованность по поводу пространственной разобщённости с ним (Цветаева жила за границей, Пастернак оставался в России):

Рас-стояние: вёрсты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: вёрсты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяv,
И не знали, что это – сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рассорили – рассорíли,
Расслоили...

Через Пастернака она многократно передавала свой поклон оставленной ею России:

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...

Эпистолярная любовь, стихи и поэмы, письма и цветаевские безумные мечты о совместной с Пастернаком жизни, разочарования в этих мечтах вылились в горький стих:

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сём.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.

.....

Порознь! – даже на ложе брачном –
Порознь! – даже сцепясь в кулак –
Порознь! – на языке двузначном –
Поздно и порознь – вот наш брак!

Длительное, главным образом, эпистолярное общение с Пастернаком, углублённое изучение его поэзии, несомненно, отразились на стиле и содержании поэтического творчества самой Цветаевой. Этот стиль за годы её пребывания за границей усложнился до необычайности. От плавного, мелодичного и ритмичного стиха, который был ей свойственен до отъезда из России, она переходит к стихам с какофоничной, резкой, трудно воспринимаемой на слух звуковой окраской. Этому переходу от красивой мелодики к громкому, иногда трескучему звуку, по-видимому, в немалой степени послужило её длительное эпистолярное общение и с австрийским поэтом Райннером Мария Рильке, поэтический слог которого был также достаточно сложен. Видимо, в этом плане Цветаева много взяла и от Бальмонта, от лучших его стихов и от стихов, написанных им в присущей для него манере вычурности, которую резко критиковал Александр Блок, называя её «словесным развратом», «отвратительным бесстыдством», «нелепым вздором» и «просто галиматьёй».

От Бальмонта Цветаева, видимо, приняла и непримитивную тягу к излишним знакам препинания – тире,

многоточиям, вопросительным и восклицательным знакам. От него в какой-то мере и болезненная переоценка своей «особости». Бальмонт в своей автобиографии писал, что он имеет «спокойную убежденность, что до (него), в целом, не умели писать в России звучных стихов». Марина же Цветаева в конце своей жизни именовала себя «по природе своей – выдающимся филологом» и это при том, что специального филологического образования не имела, а имела лишь домашнее воспитание, три года учебы в детских пансионатах Лозанны и Фрейбурга, семь лет – в женских гимназиях Москвы и два месяца – на летних курсах по литературе в парижской Сорbonне. Всё остальное она постигла сама своим неуёмным трудолюбием и любознательностью.

Много своих стихов Цветаева посвятила также и Владимиру Маяковскому. Его она знала лично, много раз встречалась с ним в Москве, считала его «великим певцом великой революционной эпохи» (революцию не приняла, но относилась к ней как к реальной исторической данности). Оставалась при этом мнении, несмотря на отрицательное отношение к Маяковскому эмигрантской среды. Уже на четвёртый день своего приезда в Берлин в «Русском доме искусств» читала наряду со своими стихами стихи Маяковского. В 1926 году, во время приезда Маяковского в Париж и его выступления перед русской диаспорой, Цветаева была единственной, кто открыто приветствовал поэта. По этому поводу она в разговоре с сестрой Анастасией вспоминала: «Когда было тут, в Париже, выступление Маяковского, зал был полон. Но знаешь, как его встретили? Полным молчания. Все эти ничтожества! Ни одного аплодисмента. Тогда я встала и одна обратилась к нему, приветствовала его».

В 1928 году Цветаева написала открытое письмо Маяковскому, в котором восхищалась его могучим поэтическим талантом. Маяковский для неё, несмотря

на противоположность политических взглядов, был прежде всего поэтом, дар которого она не могла не оценить. Позднее, после трагической гибели Маяковского, Цветаева посвятила ему ряд посмертных стихов, чего парижская эмигрантская среда ей не простила. Было прекращено печатание её стихов из цикла «Лебединый стан». За четырнадцать лет пребывания во Франции ей удалось напечатать всего один сборник стихов под названием «После России». Отдельные стихи она сумела издать в периодических изданиях, но таких стихов было совсем немного.

Встать на защиту незаслуженно оскорблённого человека (а Маяковского эмигрантская среда не принимала, упрекая его в том, что он «поставил своё перо в услужение Советскому правительству») было для Цветаевой делом чести. И она это сделала, вопреки своим собственным интересам. Анализируя творчество Владимира Маяковского, Цветаева неоднократно указывала, что он, как поэт, всегда конкретен, что он – поэт темы, что его стихи – это всегда «выход в действие». Оценивая роль Маяковского в русской революции, Цветаева писала: «А я скажу, что без Маяковского Русская революция бы сильно потеряла, так же как сам Маяковский без революции». Ритмику стихов Маяковского она сравнивала с «физическими сердцебиением», с «ударами сердца». Признавая, что она и Маяковский – представители разных политических платформ, Цветаева именовала поэта «врагом», но «врагом родным» («Враг ты мой родной», – писала она в одном из своих стихотворений, посвященных ему). Искренне сокрушаясь по поводу его ранней гибели, Цветаева отмечала, что «двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил». «Кончил сильнее, чем лирическим стихотворением – лирическим выстрелом», – писала она.

Выстрел – в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.

Ещё раз не осёкся,
И, в точку попав, – усоп.
Было стало быть сердце,
Коль выстрелу следом – стоп.

Душу и пламенное сердце поэта-трибуна увидела Цветаева в Маяковском и в свой непростой кровавый век мужественно заявила об этом всем.

Цветаева и Пушкин

Мне уже приходилось говорить о том, что Цветаева с детства и на протяжении всей своей жизни преклонялась перед поэтическим гением Александра Сергеевича Пушкина, любила в нём поэта и человека. Впервые она увидела образ Пушкина на картине художника А. Наумова «Дуэль Пушкина с Дантеом», которая висела в спальне её матери Марии Александровны Мейн. Всё детство она сопереживала раненому поэту. Сопереживание породило интерес, интерес трансформировался в глубокую сердечную любовь. Она так и писала: «Пушкин меня заразил любовью». Любила она его сильно и беззаботно, но не подобострастно:

Вся его наука, –
Мощь. Светло – гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Её рассудку было свойственно оживлять сцены давно минувшего времени. Поэтому к поэтам восемнад-

цатого и девятнадцатого столетий она часто относилась как к своим современникам, вела с ними разговор, наслаждалась взаимным общением:

Пушкин! – Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.

.....

Мы помолчали бы оба – не так ли? –
Глядя, как где-то, у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонёк.

И – потому что от худшей печали
Шаг – и не больше – к игре!
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

Своё отношение к Пушкину Цветаева наиболее полно изложила в литературном эссе «Мой Пушкин», а также – в очерке о художнице Наталье Сергеевне Гончаровой. Для Цветаевой Пушкин был только её Пушкиным. Она воспринимала его как живого человека, как своего современника, как своего близкого друга. Отсюда ревностное чувство к жене Пушкина – Наталье Николаевне Гончаровой. О ней она писала: «Было в ней одно: красавица. Только – красавица, просто – красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч». Жену Пушкина Цветаева обвиняла в гибели поэта: «Гончарову, не любившую, он взял с Дантесом *in dem Kauf* (в придачу), то есть с собственной смертью».

Переживания за Пушкина вылились в цикл стихов о Пушкине («Стихи к Пушкину»). В них Цветаева воспевает особую энергетику поэта, его духовную мощь, его удивительную простоту при всеохватном универсальном уме:

Преодоленье
Косности русской –
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул...

.....
Мускул полёта,
Бега,
Борьбы.

.....
Мускул. Побегов
Мускул степных.
Шлюпки, что к брегу
Тщится сквозь вихрь.

Обвиняла царя Николая I в травле поэта:

Столь величавый
В золоте барм.
– Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора – хаял,
Рукопись – стриг,
Польского края –
Зверский мясник.

Зорче взглядися!
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай...

Несмотря на свою беспредельную любовь к Пушкину, Цветаева не наследовала его изящной поэтики. Она искала свой стиль стихотворчества, постоянно меняя ритмику и форму стихов. Чем это было вызвано? Прежде всего – душевным настроем поэтессы, её стремлением постоянно совершенствовать приёмы и

методику своего поэтического мастерства. Этот порыв, это желание постоянно менять себя, привели, на мой взгляд, к тому, что поэтика Марины Цветаевой стала приобретать всё более сложные, аллегоричные, трудно воспринимаемые читателем формы. Её строки из стиха «Поэты» в какой-то степени отражают существо произошедшей с ней метаморфозы:

Поэт – издалека заводит речь.
Поэта – далеко заводит речь.

Этапы определённой, на какое-то время избранной стилистики стихотворчества, Цветаева именовала отрезками «поэтического пути». Сам этот путь, по её мнению, не предугадывается поэтом, не предугадывается он и временем, он даётся ему по его поэтическому дару:

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности! – вот связь его! Кверх лбом –
Отчаяйтесь! Поэты затменья
Не предугаданы календарём.

.....

Поэтов путь: жжа, а не согревая,
Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом –
Твоя стезя, грибастая кривая,
Не предугадана календарём!

Позднее, уже в 1932 году, анализируя пройденный поэтический путь, она признается себе в том, что влияние времени на поэта всё-таки существует. «Служение поэта времени оно есть», – пишет Цветаева в своей статье «Поэт и время». «Главное в жизни писателя – писать... Не: успех, а: успеть», – утверждает она. Интересна цветаевская техника написания стихов. В статье «Поэт о критике» она пишет, что для неё «приказующее есть первичный, неизменный и незаменимый стих, суть предстоящая стихом. (Чаще всего

последним двустишием, к которому затем прирастает остальное). Указующее – слуховая дорога к стиху: слышу напев, слов не слышу. Слов ищу... Всё моё писание – вслушивание. Отсюда, чтобы писать дальше, – постоянные перечитывания. Не перечтя, по крайней мере, двадцати строк, не пишу ни одной. Точно мне с самого начала дана вся вещь – некая мелодическая или ритмическая картина её... Отсюда эта постоянная настороженность: так ли? не уклоняюсь ли? не дозволяю ли себе – своееволия? Верно услышать – вот моя забота. У меня нет другой». Роль поэта в формировании облика своей эпохи Цветаева оценивала очень высоко:

Поэты мы – и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

Быть поэтом и только поэтом! Быть кем-либо иным она не могла и не хотела. Говоря о своём стихотворчестве в статье «Искусство при свете совести», отмечает: «Меня вещи всегда выбирали по примете силы, и писала я их часто – почти против воли. Все мои русские вещи таковы». К таким вещам с полным правом можно отнести цветаевские стихи на суициальную тему.

Суициальные мотивы в поэтическом и эпистолярном творчестве Марины Цветаевой

Мысли о смерти стали посещать Марину Цветаеву ещё в девичестве. В своих дневниковых записях этой поры она признавалась: «Иногда, очень часто даже, совсем хочется уйти из жизни – ведь всё то же самое». Была и фактическая попытка самоубийства. По сви-

детельству сестры Анастасии, в 1910 году на спектакле Сары Бернар «Орлёнок», Марина пыталась застремиться, но пистолет дал осечку. На этот шаг её якобы подтолкнул разрыв с Владимиром Нилендером, переводчиком древнегреческого эпоса, первой серьёзной юношеской любовью Марины Цветаевой.

Постоянство мыслей о самоубийстве в какой-то мере необъяснимо, так как Марине Цветаевой от природы были даны большое жизнелюбие и большие жизненные силы. В одном из своих писем к философу Василию Розанову она писала о «безумной любви к жизни, судорожной, лихорадочной жадности жить». Цветаева протестовала против самой возможности умереть:

Слушайте! – Я не приемлю!
Это – западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня...

И, тем не менее, тема смерти постоянно входит в оборот цветаевской поэтики. В 1909 году (поэтессе 17 лет) появляется стих «Молитва»:

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

.....

Люблю и крест, и щёлк и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

1910 год, Цветаевой 18 лет, стих «Рождественская дама», обращённый к Богородице:

Серый ослик твой ступает прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни река...
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака.

В этом же году написан стих «В раю». В нём вновь звучит мотив предсмертной тоски:

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!
Вспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг, – я слёз не утаю...
Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи,
И не для встреч проснёмся мы в раю!

Прекрасные, наполненные грустью строки. Не менее красивы строки из стихотворения «Литературным прокурорам»:

Каждый миг содрогаюсь от боли,
К одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мне судьбою дано всё понять?

Вечер в детской, где с куклами сяду,
На лугу паутинную нить,
Осуждённую душу по взгляду...
Всё понять и за всех пережить!

Для того я (в проявленном – сила)
Всё родное на суд отдаю,
Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.

И так постоянные душевые раскачивания от не-
приятия смерти к призыву о её приходе. Об этом го-
ворит и стих, написанный поэтессой в 23 года:

Цветок к груди приколот.
Кто приколол – не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

.....

Но есть ещё услада:
Я жду того, кто первый
Поймёт меня, как надо –
И выстрелит в упор.

Подобный же мотив, но в более обострённой фор-
ме, повторяется и в «Стихах о Москве».

Настанет день – печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят,
– Остужены чужими пятаками –
Мои глаза, подвижные как пламя.
И – двойника нашупавший двойник –
Сквозь лёгкое лицо пропустит лик.

.....

По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредёте – вы.
И не один дорогую отстанет,
И первый ком о крышку гроба грязнет, –
И наконец-то будет разрешён
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

Печальные, но по своей поэтической, содержатель-
ной и чувственной сути – замечательные, трогатель-
ные, щемящие душу строки.

1916 год, второй год Первой мировой войны, был для Цветаевой очень трудным годом, годом разлуки с мужем, годом тяжелейших испытаний голодным и холодным бытом. Возможно, именно поэтому этот год в поэтическом творчестве поэтессы изобилует столь частым её обращением к теме о смерти. Да и во все последующие годы эта тема не оставляет её. 1920 год (Цветаевой 28 лет). Подборка стихов «Психея»:

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!
Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша?
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлёт по мою лебединую душу!

1921 год. Полное взросление. Полное осознание себя состоявшимся поэтом. И вдруг убийственная самооценка себя и своей жизни. И вдруг жестокий приговор своей страдальческой душе:

Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
.....
Дымящая под власяницей...
Скрежещущая еретица,
– Саванароловой сестра –
Душа, достойная костра.

Стихи Цветаевой в период с 1920 по 1921 год, как уже отмечалось, обретают совершенно новые формы, усложняются, но тема смерти продолжает в них жить:

Уроненные так давно
Вздымаю руки.
В пустое чёрное окно
Пустые руки
Бросаю в полуночный бой
Часов, – домой
Хочу! – Вот так: вниз головой
– С башни! – Домой!

1922 год, и вновь призыв к смерти:

Смерть, хватай меня за косы!
Подкоси румянец русый!

То же самое и в 1923 году. Стих «Мореплаватель»:

Закачай меня, звёздный чёлн!
Голова устала от волн!

Слишком долго прикальпить тщусь, –
Голова устала от чувств...

.....
Положите меж трав и хвой, –
Голова устала от войн...

Это своё желание ухода в небытие Цветаева во многих последующих стихах доводит почти до крика:

Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела
Вон хочу!
За потустороннюю границу:
К Стиксу.

На протяжении всей сознательной жизни Цветаева гнала душу, а с ней и жизнь из своего тела и лишь чувство долга перед поэзией и семьёй удерживали её

от роковой развязки. Жизнь поэтессы продолжалась, но продолжались и её раздумья о смерти. В 1936 году она писала:

Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые – как художника кистью,
Картину кончающего наконец.
Я думаю (уже никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно жёлтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине – забыт.

В этих печальных строках мы улавливаем нотки глубокой тоски и отчаяния. Но перед вызовами судьбы Цветаева ещё не сдаётся, ещё пытается противопоставить ей свою горделивую «самость»:

Отказываюсь – быть!
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей

Отказываюсь выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по течению спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

1934-1939 годы в жизни поэтессы были годами тяжелейших моральных испытаний. Наметились глубокие противоречия с мужем. Он рвался в Советскую Россию, она опасалась и не желала возвращения. Дочь Ариадна отвернулась от матери и почти полностью

потеряла духовную связь с ней. «Спасительные стихи» приходили на ум, но редко писались. По свидетельству младшей сестры Анастасии: «Усталость (Мариной) росла. Она устала ещё во Франции, где от неё отвернулись после её публичного приветствия Маяковского, — она мне писала об этом; её мало печатали. Она ещё в 1934 году задумывала уйти из жизни, но её удержал сын». Сама же Цветаева в этот период в письме к Анне Тесковой от 21 ноября 1934 года отмечала: «Мне все эти дни хочется написать своё завещание. Мне вообще хотелось бы не быть».

Вполне естественно, что такие настроения не способствовали стихотворчеству. Особенно редко писались стихи по возвращении в СССР. За два последних года её жизни было написано всего одиннадцать стихов и среди них последний — вновь на тему о смерти. Этот стих был откликом на строки талантливого, нравившегося Цветаевой, молодого поэта Арсения Тарковского. Вот этот стих:

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.
.....

Невесело и несветло
Ax! Не едите и не пьёте.
— Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счёте?

Ощущение исключённости из числа живых, сидящих за столом жизни людей, выливаются у поэтессы в горький упрёк:

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.

Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.

... Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и всё же повторяю:
– Ты стол, накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший с краю.

Наступили последние отчаянные месяцы жизни, которые были Цветаеву беспощадно. В заключении находились самые близкие люди: муж, дочь, сестра. Переживая за них и за сына, она боялась и собственного ареста. В дневнике этой поры писала: «Меня все считают мужественной. – Я не знаю человека робче себя. Боюсь – всего, по ночам опять не сплю – боюсь – слишком много стекла – одиночество –очные звуки и страхи». И вот наступает самый трагический период. В сентябре 1940 года она делает запись, свидетельствующую о том, что мысль о смерти неотступно следует за ней: «Никто не видит – не знает, – что я год уже (приблизительно) ищу глазами крюк... Я год примеряю смерть». Жизнь уходила из-под ног. Цветаева сопротивлялась, но обстоятельства оказались сильнее её. Она не хотела физической смерти. Она хотела высвобождения души из жёстких тисков бытия. Но эти тиски всё плотнее и плотнее сжимали её. «Я не хочу – умереть. Я хочу не быть», – писала она в одной из последних своих дневниковых тетрадей. Это желание Цветаевой исполнилось в августе 1941 года, но не совсем так, как она того желала в 1920 году, в свои 28 лет:

Не хочу ни любви, ни почестей;
– Опьянительны. – Не падка!
Даже яблочка мне не хочется
– Соблазнительного – с лотка...
Что-то цепью за мною волочится,
Скоро громом начнёт греметь.

– Как мне хочется,
Как мне хочется –
Потихонечку умереть!

Смерть была самонасильственной и, видимо, мучительной. Но после смерти, пусть не сразу, к ней пришли и любовь, и признание, и почести со стороны благодарных читателей, которые помнят и почитают её как противоречивого, но всё-таки очень большого русского поэта. Всего на суициdalную тему Цветаевой написано более шестидесяти стихов, что по своему объему составляет десятую часть её поэтического наследия. Все эти стихи глубоко прочувствованы и технически выполнены очень сильно.

Хронологический подход к оценке поэтического творчества Мариной Цветаевой

При оценке творческой деятельности того или иного поэта очень часто оказывается, что совокупный анализ его работ по тематическому принципу оказывается недостаточным, так как в рамках даже одной темы могут быть совершенно различные, не совпадающие ни по форме, ни по стилистике написания, стихи. Стиль и форма стихосложения обязательно меняются во времени. Поэтому чрезвычайно важно оценивать труд стихотворца хронологически. На это указывала и сама Цветаева. В очерке «Поэт о критике» она писала: «Творчество – преемственность и постепенность. Я в 1915 г. объясняю себя в 1925 г. Хронология – ключ к пониманию. – Почему у Вас такие разные стихи? – Потому что годы разные». Стихи различных этапов жизни Цветаевой порой разительно отличаются друг от друга. Плавные, изящные, музыкально звучащие стихи юношеских лет на определённом творческом этапе

перерождаются в стихи усложнённые, аллегоричные, трудно воспринимаемые, порой просто грубые и даже неэстетичные.

Как я уже отмечал, такой резкий перелом в поэтике Цветаевой произошёл на рубеже 1921-1922 годов. Это годы полного взросления поэтессы, годы обретения ею, как она сама считала, собственного литературного метода, годы наиболее плодотворного поэтического творчества. В этот период ею было написано в общей сложности более 160 различных по своему жанру стихов. Вообще вызревание Цветаевой из молодого, начинающего поэта в поэта состоявшегося произошло очень быстро. Юношеский период её творчества ограничивается 1907-1912 годами, то есть периодом с 15 до 20 лет. В последующие пять лет она становится мастером стихосложения. Ей уже посилен не только стих, но и поэма, и даже – драматическое произведение (приступает к написанию своих первых театральных пьес).

Эти пять лет (1917-1922) – это период тяжёлых моральных испытаний, но одновременно – и годы большой творческой активности, годы прощания с уходящей молодостью:

Я ж на песках похолодевших лёжа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змeya на старую взирает кожу –
Я молодость свою переросла, –

писала она. В этот период Цветаева не только обретает «взрослость», но и сбрасывает с себя «кожу» прежних стилистических приёмов «делания стихов». Обратив внимание на этот факт, автор вступительной статьи к книге «Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы» Елена Коркина справедливо отмечала: «Поэтический мир Цветаевой обесцвечивается, делается безлюдным, содержание произведений становится всё

более закрытым, стиль – эзотерическим», то есть тайным, скрытым, предназначенным только для посвящённых.

Несмотря на изменения в стилистике, выборе тем и форм стихотворчества, последующий 1923 год, по ранее набранной инерции, для Цветаевой всё ещё остаётся достаточно плодотворным. В рамках этого года ею было написано более восьмидесяти стихов. В последующие годы число стихов резко сокращается. Цветаева почти полностью переходит к написанию поэм на историческую, мифологическую и иные темы.

В период с 1925 по 1941 год она пишет не более десяти стихов в год. Подсчитано, что за последние тридцать лет своей жизни она создала не более ста стихотворений. Для столь ранее плодовитой поэтессы это, конечно же, очень мало. В 1937 году не выдаёт ни одного стиха (работает над прозаическими произведениями: «Пушкин и Пугачёв» и «Повесть о Сонечке»). Обращение к прозе вынужденное. Стихи не шли, видимо, потому, что 1937 год для Цветаевой был годом очередных серьёзных испытаний. В марте, вопреки её воле, в СССР уезжает дочь Ариадна. А осенью Францию спешно покидает её муж Сергей Эфрон, подозреваемый местными властями в участии в ряде операций НКВД на территории Французской Республики против видных представителей русских белоэмигрантских кругов. После привода самой Цветаевой в полицейский участок для дачи показаний о запрещённой деятельности мужа, она понимает, что возвращение в Советскую Россию вслед за своей семьёй становится для неё неизбежным. Всё случившееся прямо и непосредственно отразилось на творческих возможностях поэтессы. Длительное время она ничего не могла писать. И лишь в сентябре 1938 года, после вероломного нападения фашистской Германии на Чехословакию, – прервала своё молчание написанием цикла антифашистских «Стихов к Чехии». Это был

последний всплеск её могучего поэтического дара. Подобного творческого подъёма Цветаева уже не испытывала до конца своей жизни.

В чём кроется причина столь неровного проявления её поэтического таланта? Пытаясь ответить на этот вопрос, Цветаева в статье «Поэт – альпинист», посвящённой поэту Николаю Гронскому, пишет: «Вот уже двенадцать лет, и с каждым годом всё болезненней и предрешённей, идёт в эмиграции спор: может ли в эмиграции возникнуть поэт, или не может, и почему не может, а – если может, почему его нет? – спор, после двух-трёх на наших глазах разлетевшихся поэтических мыльных пузырей, постепенно сведшийся к единогласному врачебному приговору: – поэта в эмиграции быть не может, ибо нет почвы, среды, языка. Нет – корней». Эти выводы Цветаева переносила и на себя, так как, начиная с 1925 года, чувствовала значительный упадок своих творческих сил. В черновой тетради этих лет она писала: «Для других я ещё Кастальский ключ, для себя иссякла». Более полное толкование этого явления поэтесса сделала в очерке «Пролог», написанном в 1938 году. В нём она с присущей ей откровенностью отмечала: «Знаю ещё, что по сравнению с – хотя бы ещё чешской захлестнутостью лирикой (1922–1925 гг.) я иссохла, иссякла, – нищая».

Из двух приведённых признаний Цветаевой следует, что начиная с 1925 года и до конца своего жизненного пути она испытывала серьёзнейшие проблемы творческого характера. Цветаева сопротивлялась, продолжала писать поэмы и редкие для этого периода стихотворения, искала новые формы стихосложения, использовала иную ритмику и стилистическое оформление стихов, но всё это не приносило желаемых результатов. Анализируя складывающуюся ситуацию, Цветаева, наряду с уже высвеченными причинами своего творческого кризиса, видела истоки его возникновения в «выключенности из литературного круга, в

отсутствии рядом человека, который бы занялся (её) делами». Сетовала на то, что у неё нет читателя, что на её литературные вечера постоянно ходят одни и те же люди численностью не более 80 – 100 человек. Обвиняла в своих неудачах время, в котором жила.

Оценивая свой творческий неуспех во Франции (как уже отмечалось, за 14 лет пребывания в этой стране выпустила всего один сборник стихов «После России», за который, по собственному признанию, «не получила ни копейки»), писала: «Моя неудача в эмиграции в том, что я не-эмигрант, что я по духу, т.е. по воздуху и по размаху – там, туда, оттуда... Ещё – в полном отсутствии любящих мои стихи: некому прочесть, некого спросить, не с кем порадоваться». Говоря о времени, в котором жила, с горечью резюмировала: «Мало того, оно (время) меня овражило и, естественно, огромчило, мне часто пришлось говорить (орать) на его языке – его голосом, «не своим голосом», которому предпочитаю – собственный, которому – тишину». И далее: «Служение своему времени – есть заказ с отчаяния... Брак поэта с временем – насильственный брак, потому ненадёжный брак... Лучше всего послужит поэт своему времени, когда даст ему через себя сказать, сказаться».

В перечисленных признаниях много чистой правды, но много правды и в том, что одной из причин литературных неудач Цветаевой являлась, как мне представляется, её «особость». А «особость» действительно была, и проистекала она от присущих ей врождённых задиристости, гипертрофированного самолюбия и гневливости. «Взрыв гнева – это была стихия Маринина», – писала в своих воспоминаниях Анастасия Цветаева. Она же отмечала, что Марина всю свою жизнь была «бунтарём». Эти свойства проявились в характере поэтессы особенно ярко уже в гимназические годы. В свои пятнадцать лет она не признавала никаких авторитетов. Дерзила учителям и начальствующим лицам. Вследствие этого вынуждена была несколько раз

менять гимназии. Непокорна она была и по отношению к своему отцу – Ивану Владимировичу Цветаеву. Об этом свидетельствует, в частности, следующий происшедший с ней случай. Увлекаясь в свои семнадцать лет Наполеоном, Марина поместила его портрет в киот. Отец, будучи человеком верующим, увидев это, возмутился и потребовал освободить киот. Реакция дочери была неистовой. Она схватила стоящий на столе тяжёлый подсвечник и готова была им оброниться. Отец отступил и молча покинул комнату.

В молодые годы в Цветаевой проявлялись и черты жестокосердия, в частности, по отношению к своей младшей, рано умершей дочери Ирине, которую она, по словам сестёр её мужа Лили и Веры Эфрон, не любила. Одна из подруг Лили Эфрон – Магда Нахман по поводу смерти Ирины писала: «Ужасно жалко ребёнка – за два года земной жизни ничего, кроме голода, холода и побоев». То есть нелюбовь Цветаевой к своей дочери проявлялась и в физических наказаниях. Более того, уходя на довольно большой срок из дома, она привязывала дочку к ножке кровати в тёмной комнате. Нетерпимо, не по-матерински относилась она к ней. Окружающие осуждали такое поведение Цветаевой, и она это чувствовала. «С людьми мне сейчас плохо, никто меня не любит, никто – просто – не жалеет, чувствую всё, что обо мне думают, это тяжело...». У Виктории Швейцер – автора книги «Быт и бытие Марины Цветаевой» можно найти и такие строки: «До нашего времени дошли глухие рассказы о том, что душа Цветаевой не была чужда зла, что она была способна совершить зло «просто так», украсть, распорядиться по-своему тем, что дорого другому...». Безжалостна она была и к своему мужу Сергею Эфрону. Многочисленными, часто демонстративными, изменениями она превратила его жизнь в сущий ад, о чём он искренне писал своему другу – поэту Максимилиану Волошину. В письме к нему Сергей указывал на свою полную

беспомощность, на слепоту Марины, на её неспособность совладать со своими чувствами, на раздробленность её души. Свою собственную жизнь оценивал как пытку, как тягостное «одиночество вдвоём». «Вокруг меня всё отравлено», – резюмировал он. Вместе с тем, испытывая жалость к жене, ставшей его «неотъемлемой частью», признавался, что не может бросить её и остаётся «прикованным к ней» до конца дней.

Для повзрослевших детей Ариадны и Георгия она также была трудной матерью. Что касается дочери, то она, будучи 23-летней девушкой, осуждала мать, указывала на то, что та своим поведением позорит себя. Упрекала её в лживости. Поэтому Цветаева в 1935 году вынуждена была констатировать, что её «дочь – первый человек, который (её) презирал». Знаменательно, что освободившись из ссылки, Ариадна Эфрон, несмотря на уговоры своей тётки Анастасии Цветаевой, не поехала в Елабугу на поиски могилы матери, а сын Георгий после гибели поэтессы отказался сопровождать её тело на кладбище. Таким образом, попытки Марины Цветаевой духовно довлечь над детьми привели к отчуждённости. Дети тянулись к мягкому, рассудительному, более человечному отцу. Цветаева оставалась одинока и в своей собственной семье.

Отмечу, что юношеская протестность на действия матери сохранилась у Ариадны практически до момента её первого ареста, то есть – до августа 1939 года. За годы лагерного заключения и ссылки она существенно пересмотрела свои взгляды и своё отношение к ней. О многом сожалела, на многое взглянула глазами уже более взрослого и опытного человека. Но в частной переписке с друзьями всё-таки не могла не упомянуть о жёсткости материнского характера. Так, в декабре 1972 года в письме к Саломее Андронниковой по поводу судьбы брата Георгия писала: «Он был красивым и одарённым мальчиком, очень несчастным в тисках маминой тираннической любви». Перенося

материнскую жёсткость на себя, отмечала: «Снисходительная к чужим, с близких – друзей, детей – требовала как с самой себя: непомерно».

Своё нежелание ехать в Елабугу Ариадна позднее объясняла тем, что хотела сохранить в своей памяти мать живой. Поездка же туда означала бы для неё признание того факта, что мать умерла. Поведение Георгия оправдывала тем, что он был ещё совсем юн (16 лет) и попросту побоялся увидеть свою мать мёртвой. Возможно, что так оно и было. И всё-таки дети понимали и, по-своему, любили Марину Цветаеву. Дочь Ариадна доказала это тяжелейшим трудом по сбору, обработке и популяризации её творческого наследия. Вполне возможно, что без этого титанического труда Марина Цветаева и до сегодняшнего момента не была полностью открыта нашему читателю.

Пишу об этих фактах не для того, чтобы умалить личность поэтессы, а для того, чтобы отыскать глубинные причины того, почему она оказалась, как сама писала, «в диком творческом одиночестве». Одну из таких причин я уже называл. Это – оторванность от Родины, от народных корней. Имея не «германскую», а всё-таки русскую душу, за рубежом, как показал опыт, Цветаева глубоких и красивых стихов в прежнем количестве писать не могла. Вторая причина кроется в «особости» поэтессы, в её бунтарстве, в её эгоцентризме, в еёном неприятии чьей-либо критики в свой адрес. Примеры с Валерием Брюсовым и Осипом Мандельштамом на этот счёт я уже приводил. Но это касалось буквально каждого. Все, кто осмеливались критиковать её поэзию, автоматически вносились в разряд недругов, завистников, черни и дилетантов. Так, почувствовав некоторое охлаждение к себе со стороны Анны Ахматовой, Цветаева в 1940 году писала: «Да, вчера прочла – перечла – почти всю книгу Ахматовой и – старо, слабо. Часто (плохая и верная примета) совсем слабые концы, сходящие и сводящие на нет».

Приблизительно такая же реакция была и на оценку Владиславом Ходасевичем стихотворного цветаевского цикла «Стихи к Пушкину». В своей рецензии он заметил, что в ряде стихов этого цикла «слишком много полемики с почитателями Пушкина и слишком мало сказано о самом Пушкине». Одного этого было достаточно, чтобы отношения между Цветаевой и Ходасевичем на длительное время серьёзно охладели. А ведь его критика в адрес стихов Цветаевой была выдержанной и вполне доброжелательной.

Заслуживают внимания критические замечания в адрес поэтессы её старого знакомого, поэта и литературного критика Георгия Адамовича. В эмиграции первой волны он приобрёл большую известность, занимаясь рецензированием и оценкой работ русских зарубежных литераторов, в том числе и работ Маринны Цветаевой. По поводу её последних пражских и некоторых парижских произведений он вопрошал: «Что с Мариной Цветаевой? Как объяснить её последние стихотворения, – набор слов, ряд невнятных выкриков, сцепление случайных и «кое-каких» строчек... Есть страницы сплошь коробящие, почти неприемлемые. Всё разухабисто и лубочно до крайности». И это при том, что Адамович искренне уважал в Цветаевой подлинного поэта и утверждал, что ей дан «песен дивный дар» и «редкий соловийный голос». Отмечал, что многие её стихи (имеются в виду стихи допражского периода) «совершенно неотразимы и полны глубокой прелести».

Новые же стихи и поэмы Цветаевой Адамович воспринимал негативно. Их «трескучесть, визгливость и напористость» оценивал как «искусственную экзальтацию и истерию». Ему вторили и другие эмигрантские критики (Злобин, Фохт), которые усмотрели в новой стилистике стихов поэтессы «распущенность и болезненную эротику». Реакция Цветаевой была незамедлительной и резкой. Она сделала выборку цитат

Адамовича, сопроводив их язвительными комментариями, указывая на то, что и Адамовича и его сподвижников интересует не литература, а политика в литературе. Воспользовавшись своим правом негодовать («негодование – моя страсть»), она отнесла Адамовича и поддерживающих его критиков к разряду «критиков – дилетантов», «kritиков – черни».

Оценивая позицию Адамовича, я не могу, хотя бы частично, не поддержать его. Ибо многие критикуемые им заграничные стихи Цветаевой написаны именно в экзальтированном, громогласном, режущем слух стиле. Не могу, в связи со сказанным, не упомянуть также и о Корнелии Зелинском – советском литературном критике, которому Гослитиздатом в 1940 году было поручено рецензирование готовящейся к выпуску новой книги стихов Цветаевой. Рецензия была нелицеприятной. Он писал: «Истинная трагедия Марины Цветаевой заключается в том, что, обладая даром стихосложения, она в то же время не имеет что сказать людям. Поэзия Марины Цветаевой негуманистична и лишена человеческого содержания. И потому ей приходится, утоляя, видимо, свою стихотворческую потребность, громоздить сложные, зашифрованные стихотворные конструкции, внутри которых – пустота, бессодержательность...»

Что касается Зелинского, то его, в отличие от Адамовича, можно действительно обвинить в выполнении определённого политического заказа: шёл 1940 год, репрессии в стране продолжались, защищать вернувшуюся из-за рубежа эмигрантку, воспевшую Белое движение, было далеко небезопасно. При всём этом с Зелинским нельзя не согласиться в том, что ряд вещей, которые Цветаева намеревалась поместить в своей книге, действительно были трудны для восприятия советским читателем и действительно отличались существенной «зашифрованностью» своего смысла. Но его критика этим не ограничивалась. Он обвинил Цве-

таеву в словесном начётничестве и формализме. Это обвинение особенно затронуло поэтессу. На машинописном экземпляре отклонённой Гослитиздатом книги она написала Зелинскому: «Человек, смogший аттестовать такие стихи как формализм – просто бессовестный. Это я говорю – из будущего. М.Ц.». Такова натура Цветаевой. Она не могла прощать людям нанесённых ей оскорблений и обид. Осталась верной себе и на этот раз.

Но были ли сторонники у Цветаевой в 1922-1935 годах? Безусловно, были. Следует признать, что почти весь её период пребывания в Чехии (1922-1925 годы) был для неё благоприятным. Её стихи и поэмы охотно принимались в печать. Было проведено несколько творческих вечеров поэтессы с приглашением большого количества любителей русской поэзии. Неплохо начинался и первый этап её творческой деятельности в Париже. Здесь её активно поддерживали большой любитель русской словесности, литературный критик князь Дмитрий Святополк-Мирский, а также Марк Слоним – верный и искренний друг Цветаевой, редактор отдела литературной критики периодического журнала «Воля России», убеждённый и последовательный сторонник и пропагандист её поэтического творчества. На её стороне были Илья Эренбург, Борис Пастернак, Павел Антокольский и Константин Паустовский. Последний, оценивая поэтическое наследие поэтессы, писал: «Каждое слово Марины Цветаевой принадлежит русской поэзии, принадлежит народу и будущим поколениям».

Однако с остальной писательской братией, в частности, с представителями литературного эмигрантского центра у Цветаевой были в ряде случаев совсем иные отношения. К наиболее влиятельным из них – крупным русским поэтам и публицистам Дмитрию Мережковскому, Ивану Бунину и Зинаиде Гиппиус она испытывала неприязненные чувства. Цветаева их не

любила и с ними при встрече не здоровалась. «Меня – не выносят. Я прохожу – не кланяюсь. Не могу. А Бунин так высоко несёт себя – как на блюде. Сам перед собой благоговеет. Он один – «великий писатель земли Русской». Смешно!», – говорила она своей сестре Анастасии в Париже в 1927 году. То есть к творчеству Цветаевой и самой её личности представители советских и эмигрантских литературных кругов относились по-разному.

В этой связи нельзя не упомянуть вновь о том, что к творчеству Цветаевой 1922–1935 годов критически относились многие маститые поэты и литературные критики и среди них, как я уже упоминал, были Осип Мандельштам, Георгий Adamovich, Владислав Ходасевич и Анна Ахматова. Последняя, оценивая одну из новых поэм Цветаевой («Поэма Воздуха»), называла её «совсем заумной, всю из отдельных, вылитых строк, без всякой связи...». Даже Пастернак в цветаевской «гиперболичности», в конце концов, был вынужден усмотреть обыкновенную «напыщенность». А поэту Арсению Тарковскому многие стихи Цветаевой последних лет казались «написанными через силу». Считаю, что мнением столь известных иуважаемых людей нельзя до бесконечности пренебрегать. Всем, в том числе и влюблённым в Цветаеву литературоведам, следует признать тот факт, что в творчестве поэтессы были свои достоинства и свои недостатки. Признание таких недостатков нисколько не умалит значимости поэтического багажа Цветаевой, но даст возможность более правильно оценить и воспринять её творчество.

Критикуя те или иные стихи Цветаевой, я постоянно держу в памяти её статью «Поэт о критике», в которой поэтесса изложила требования к человеку-оценщику её поэтического творчества. Таких требований, помимо требования о хронологическом подходе, всего три: первое – оценщик её стихов должен быть сам поэтом, при этом он не должен писать плохих стихов;

второе – такой человек должен знать каждую её строку («Не в праве судить поэта тот, кто не читал каждой его строки»); третье – критик должен любить творчество критикуемого («Чтите и любите моё, как своё. Тогда вы мне судьи. Только в этом случае «суд поэта над поэтом – благо», – утверждала она»). Единственным же судьёй над собой Цветаева до конца своих дней признавала лишь «будущее» – очень высокую, почти недосягаемую судебную инстанцию. С учётом всех перечисленных требований, а также с учётом критических замечаний в адрес Цветаевой её маститых современников, попытаюсь оценить стихи поэтессы, вышедшие в свет в период с 1922 по 1935 год включительно. Делаю это с помощью демонстрации самих стихов. Стих из цикла «Тетрадка первая», 1922 год:

Ночные шёпота: шелка
Разбрасывающая рука.
Ночные шёпота: шелка
Разглаживающие уста.
Счета
Всех ревностей дневных –
и вспых
Всех древностей –
и стиснув челюсти –
и стих.
Спор –
в шелесте...
И лист
В стекло...
И первой птицы свист.
– Сколь чист! – И вздох.
Не тот. – Ушло.

О чём повествует этот стих? О ночных видениях? О пригрезившихся кошмарах? О спонтанном порыве писать стихотворение «стиснув челюсти»? Ответа най-

ти невозможно. Этот стих может быть понятен только самой поэтессе, пережившей какое-то только ей известное событие в предутренние часы уходящей неспокойной ночи.

Вот второй стих, написанный в июне этого же года на тему о природе:

Дерева – первый – вздрог,
Голубя – первый – ворк.
(Это не твой ли вздрог,
Гордость, не твой ли ворк,
Верность?)
– Остановись,
Светопись зорких стрел!
В тайнописи любви
Небо – какой пробел!

Хочется думать, что таинственная фабула этого стиха разгадана читателем. Для меня же, пишущего эти строки, данный стих, его содержательная, то есть смысловая сторона были и остаются тайной за семью печатями.

Вот ещё одно оригинальное стихотворение этого же года:

Моя неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров.
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственостей устав –
И вспомнить руку мою без прав
И мужественный рукав.

Не правда ли, замечательно! Особенно концовки строф: «немудрствующих концов» и «мужественный

рукав». Такое нужно было ухитриться придумать! Не могу в связи с этим обойти и стихотворение «Колыбельная», написанное поэтессой в феврале 1923 года:

Как по синей по степи
Да из звёздного ковша
Да на лоб тебе да...

— Спи,

Синь подушками глуша.
Дыши да не дунь,
Гляди да не глянь.
Волынь — криволунь,
Хвалынь — колывань.

.....
Лежи — да не двинь,
Дрожи — да не грянь.
Волынь — перелынь,
Хвалынь — завирань.

Согласитесь, удивительно хорошо! Очень хочется прочитать или даже напеть эту «Колыбельную» своему маленькому сыну илину илину. Попробуйте. Не удер-живаю.

А вот и ещё один типичный для цветаевского творчества 1922-1935 годов стих:

Влагаю.
Солгали,
Что мать и сын!
Младая
Седая
Морская
Синь.

Крив их словоряд.
День их словарю!
Пенка говорят.

Пена говорю...

.....
Пей, женоупруг!
Пей, моя тоска!
Пенковый мундштук
Женского соска
Стоит.

Очередная галактическая туманность. Непонятный, отвлечённый, зашифрованный изощрённым умом поэтессы стих.

А вот стих из серии стихов 1933-1935 годов, посвящённых личному рабочему столу поэтессы:

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шёл
Со мною по всем путям.
Меня охранял – как шрам.

.....
Так ширился, до широт –
Таких, что раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
– Меня заливал, как штранд!

Что это за стих? Зачем он написан и кому адресован? И таких странностей и отчуждённостей в заграничных стихах Цветаевой множество. Это, однако, не означает, что в рассматриваемый период она не писала сильных и содержательных стихов. Такие стихи были. К ним, в частности, отношу: «Заочность», «О путях твоих пытать не буду», «Крик станций», «Страна», «В стране, которая – одна», «Тоска по родине! Давно...», «Окно раскрыло створки», «Наконец-то встретила надобного мне», «Когда гляжу я на летящие листья» и некоторые другие. Таких стихов в поэтическом багаже Цветаевой, к счастью, немало. Именно они, наряду с более ранними стихами, и составляют подлинное наследие

поэтессы, именно они, по уже приводимому мной выражению Константина Паустовского, и «принадлежат русской поэзии, принадлежат народу и будущим поколениям». Многие из этих стихов, особенно стихов доэмигрантского периода, могут быть смело отнесены к очень сильным и даже гениальным поэтическим вешам.

Что же касается слабых, грубообработанных, окрашенных резким тональным звучанием стихов, то они тоже были и их – немало. Такова реальность, и от неё никуда не уйдёшь. Переломное, революционное время, а также влияние современных поэтов (Маяковского, Пастернака, Рильке, Бальмонта) заставили Цветаеву, как она сама отмечала, «орать не своим голосом», и этот голос был, к сожалению, часто раздражающим, а иногда и явно фальшивым. Цветаева сумела вернуться к своему прежнему поэтическому почерку лишь в 1935 году. Стихи 1935-1939 годов обретают прежнюю размеренность, содержательность и плавность. Особенно это характерно для цикла «Стихи к Чехии», в котором поэтесса выразила своё искреннее сочувствие попранному фашистской Германией чешскому народу. В них мы вновь видим прежнюю Цветаеву – мудрую, философичную, музыкальную. Очень хороши и последние её стихи, которые были написаны уже по возвращении на Родину. Их, как я уже отмечал, всего – одиннадцать, из них полностью завершено только семь.

Возникает вопрос: «Почему с возвращением на Родину Цветаева практически перестала писать стихи?» В письмах к друзьям она многократно повторяла, что «своё уже написала». Порывы к стихотворчеству были, но стихи не писались. Объяснение этого явления следует искать в двух основных причинах. Первая – страшная перегруженность бытом, переживания за родных и близких, хроническая физическая переутомлённость. Вторая – протестное состояние воинственной по своей природе души поэтессы. Вспомним её

жизненное кредо, провозглашённое в стихотворении «Ролландов рог»:

Так, наконец, усталая держаться
Сознаньем: перст и назначеньем: драться,
Под свист глупца и мещанина смех –
Одна из всех – за всех – противу всех...

Вполне возможно, что всё, что было пережито Цветаевой по возвращении на Родину, вызывало в ней протестные, обвинительные мысли в защиту безвинно осуждённых и страдающих в застенках НКВД людей. Естественно, такие мысли вносить в свои стихи она не могла, как не могла такие стихи печатать и открыто хранить (что такое обыски и аресты, она знала не понаслышке, а на опыте собственной семьи). Да и было ли место поэту Марине Цветаевой в советской литературе предвоенных лет? Жизнь показала, что этого места не было.

Чем же занималась поэтесса в Советской России с 1939 по 1941 годы? Занималась преимущественно переводами. Переводила болгарских, грузинских и еврейских поэтов, английскую балладу о Робин Гуде, немецкие народные песни, редактировала перевод калмыцкого эпоса на французский язык. Работала ответственно, упорно, тщательно. По существу, впервые зарабатывала на жизнь своим литературным трудом. Вполне возможно, что окружающая поэтессу ситуация постепенно как-то бы наладилась. Но в июне 1941 года грянула война. Война ускорила развязку. Переезд в Елабугу, боязнь за жизнь сына, отсутствие постоянной работы окончательно подкосили жизненные силы Цветаевой.

Что творилось в её душе в последние месяцы жизни, знала только она. И всё это она унесла с собой в безымянную могилу на елабужском городском кладбище, где, возможно, и сейчас растёт та сладкая зем-

ляника, о которой она когда-то писала в своём замечательном стихотворении «Прохожий»:

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед,
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаше нет...

Самонасильственной, грешной, с точки зрения православной этики, смертью оборвалась жизнь замечательной русской поэтессы Марины Цветаевой. Но стихи её живут и продолжают своё важное дело, дело воспитания и исправления наших заблудших, надломленных, нераскаянных душ.

Творческое наследие Цветаевой, как известно, не ограничивается только стихами. Ею написано большое количество поэм. В этой области, как и в области стихотворчества, поэтесса работала всю свою сознательную жизнь.

ПОЭМЫ

Всё, что сказано о качестве стихов Цветаевой, об их противоречивости и неравноценности, может быть зеркально перенесено и на поэмы. Известно, что поэтессой за годы её творчества написано в общей сложности двадцать поэм. Одна из них («Поэма о Царской семье») – утеряна. Три других («Егорушка», «Певица» и «Автобус») – не завершены. Поэма «Сибирь» незначительна по объёму и посвящена Тобольску – месту заточения царствующих особ (возможно, как считают некоторые цветаеведы, – это часть утерянной «Поэмы о Царской семье»). Оставшиеся пятнадцать: «Чародей», «Царь-Девица», «Переулочки», «Молодец», «Поэма Горы», «Поэма Конца», «Крысолов», «Поэма Лестницы», «Несбывшаяся поэма», «Попытка комнаты»,

«С Моря», «Новогоднее», «Поэма Воздуха», «Красный бычок», «Перекоп» – могут быть найдены читателем в сборниках сочинений поэтессы, опубликованных издательствами «Художественная литература», «Советский писатель» и «Эксмо-Пресс» в 1980, 1988, 1990 и 2001 годах соответственно.

К написанию первой поэмы Цветаева приступила в возрасте двадцати двух лет (1914 год). Первой её работой в этом жанре стала поэма «Чародей», посвящённая Эллису (Льву Кобылинскому) – поэту-символисту, необычайно яркому и одарённому юноше, выпускнику Московского университета, которому благоволил отец Марины – Иван Владимирович Цветаев – профессор этого же университета. Эллис открыл для Марину мир современной русской поэзии. Именно под его влиянием Цветаева в 16-17 лет полюбила «страстной и краткой любовью» стихи Валерия Брюсова. Но этим влиянием Эллиса на Марину и её младшую сестру Асю не ограничилось. Он сумел влюбить в себя ту и другую. Марине он сделал брачное предложение, но она ему в замужестве отказалась.

В литературной критике можно найти суждение о том, что поэма «Чародей» несёт на себе отпечаток «юношеской наивности». Возможно, что это так и есть, хотя данное суждение можно и оспорить. Ценность этого произведения, на мой взгляд, состоит в абсолютной искренности показа поэтессой чувств совсем ещё молоденьких девушек (одной шестнадцать, другой четырнадцать лет) к нравящемуся им оригинальному, словоохотливому, многознающему молодому человеку. Язык поэмы прекрасен. Он подлинно цветаевский, чистый и звучный. Приведу несколько абзацев из этой, на мой взгляд, замечательной поэмы. Об Эллисе – главном герое поэмы:

Он был наш ангел, был наш демон,
Наш гувернёр – наш чародей,

Наш принц и рыцарь. – Был нам всем он
Среди людей!

В нём было столько изобилий,
Что и не знаю, как начну!
Мы пламенно его любили –
Одну весну.

О чувстве ожидания встречи:

Один его звонок по зале –
И нас охватывал озноб,
И до безумия пылали
Глаза и лоб.

И как бы шевелились корни
Волос, – о, эта дрожь и жуть!
И зала делалась просторней,
И уже – грудь.

И руки сразу леденели,
И мы не чувствовали ног.
– Семь раз в течение недели
Такой звонок.

Об эмоциях и впечатлениях в ходе прогулки втроём
по Тверскому бульвару:

О как всё перескажешь ныне –
Четырнадцать – шестнадцать лет!
Идём, наш рыцарь посредине,
Наш свой – поэт.

Мы по бокам, как два привеска,
И видит каждая из нас:
Излом щеки, сухой и резкий,
Зелёный глаз.

Крутое остриё бородки,
Как злое остриё клинка,
Точёный нос и очерк чёткий
Воротничка.

Концовка поэмы:

О Эллис! – Рыцарь без измены!
Сын голубейшей из отчин!
С тобою раздвигались стены
В иную жизнь...

– Где б ни сомкнулись наши веки,
В безлюдии каких пустынь –
Ты – наш и мы – твои. Во веки
Веков. Аминь.

Замечательная, искрящаяся юношеским задором и искренностью поэма.

До отъезда из Советской России Цветаевой было написано ещё две поэмы. Первая из них – «Царь-Девица». Это фольклорно-эпическая, сказочная, окрашенная полукрестьянским и полугородским (мещанским) говорком вещь, значительно уступающая по своему качеству поэме «Чародей». Следующая, написанная в апреле 1922 года, поэма «Переулочки» посвящена А. Чаброву – музыканту и режиссёру и также относится к поэмам-сказкам. Она написана по мотивам народной былины «Добриня и Маринка». Однако Цветаева былинную Маринку – колдунью, чародейку и распутницу представила читателю как мудрую, сильную, хотя и грешную женщину. Язык поэмы сложен, резок, ломок:

А не видел ли, млад, – не вемо-што,
А не слышал ли, млад, – не знамо-што
В белохрущатых громких платьицах
В переулочках тех Игнатьевских.

.....
А звоньба-то отколъ? – Запястьице!
А урчба-то отколъ? – Заклятьице!
Попытай молодецка счастьица
В переулочках тех Игнатьевских.

Далее следуют долгие, утомительные речитативы, подобные этому:

А – и – рай!
А – и – вей!
О – би – рай!
Не – ро – бей!

Яблок – яхонт,
Яблок – злато.
Кто заахнет –
Про то знато.

И вот концовка:

В лазорь – в раззор
От зорь – до зорь
На при – вязи
Реви, заклят:
Взор туп,
Лоб крут,
Рог злат.

Сложная, трудночитаемая, оставляющая в душе чувство обманутого ожидания, поэма.

Заграничные 1922-1930 годы – это годы работы в основном только над поэмами. Стихи, то есть поэтические вещи малой литературной формы, писались, но не с прежней интенсивностью. В 1922 году в Праге Цветаева написала объёмную фольклорно-эпическую поэму «Молодец». В основе этой работы лежит сказка

Александра Афанасьева «Упырь». В поэме повествуется о любви молодой крестьянской девушки Маруси к молодцу-упырю, красивому парню в красной рубахе. В жертву своей безумной любви главная героиня приносит жизни ближайших родственников – матери и младшего брата, а затем и свою собственную жизнь. Поэма мрачна и мистична.

Почему Цветаеву увлекали картины человеческого горя, грехопадения и смерти – остаётся вечной загадкой. Язык «Молодца» сложен, громогласен, неэстетичен. В доказательство приведу три строфы этой поэмы:

Через пень-колоду – топом,
Через темь-болото – следом,
Табуном – летит – потопом,
Чугуном – гремит – железом.
Через пень-кол топает,
Воротами хлопает.
Гони, робъ,
Вперёд лбом:
Мертвец с гробом за горбом!

Мо – лись
Покрову!
Мертвец с гробом на горбу!
И –
Дом.

В 1924 году также в Праге Цветаева написала ещё две поэмы – «Поэма Горы» и «Поэма Конца». Они посвящены Константину Родзевичу – человеку интересной, трудной, романтической судьбы, с которым в 1923 году Цветаева, как уже говорилось, имела бурный и страстный любовный роман. «Поэма Горы» аллегорична. Гора – это символ любви, символ самого человека, его высоких чувств, символ духовного высокого начала. В поэме Гора действует, горюет, говорит, приказывает:

Как бы титана лапами
Кустарников и хвой,
Гора хватала за полы,
Приказывала: – стой!

.....

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ – непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудется по слезам его.

.....

Та гора была – миры!
Боги мстят своим подобиям.
Горе началось с горы.
Та гора на мне – надгробием.

Для Родзевича поэма и её главный герой – Гора, видимо, должны были напоминать Прагу и её окрестности, где он сошёлся с Цветаевой, где испытал на себе её, как она сама отмечала, «безумную любовь». Гора – это Петришин холм в Праге. Этот холм и связанные с ним воспоминания и стали толчком к написанию «Поэмы Горы». Для читателя, не знающего предыстории написания поэмы, её смысл остаётся неясным, затуманенным. И это не единственная цветаевская поэма, которая для своего понимания требует определённой предварительной подготовки.

Тематически «Поэму Горы» продолжает «Поэма Конца». Её текст более конкретен и ясен. Она обращена к конкретному человеку (Родзевичу), для которого должны быть понятны чувства и душевые переживания автора. Поэма произвела значительное впечатление и на читателей. Борис Пастернак, например, ею восхищался. Он писал: «С каким волнением её читаешь! Точно в трагедии играешь. Каждый вздох, каждый нюанс подсказан».

«Поэма Конца» написана за относительно короткий срок (с февраля по июнь 1924 года). Её сила – в

искренности и естественности описания переживаний поэтессы в связи с уходом от неё любимого человека:

В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на означенном месте,
Как судьба.

.....
В каждой реснице – вызов,
Рот сведён.
Преувеличенно низок
Был поклон.

.....
Небо дурных предвестий:
Ржавь и жесть.
Ждал на обычном месте.
Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так государыням руку,
Мёртвым так...

.....
Движение губ ловлю.
И знаю – не скажет первым.
– Не любите? – Нет, люблю.
– Не любите? – Но истерзан.

.....
Перстов барабанный бой
Растёт. (Эшафот и площадь.)
– Уедем. – А я: умрём,
Надеялась. Это проще!

.....
И – набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки.
Чарующими соседями
Бредём. Со стороны реки...

По – следний мост.
(Руки не отдам, не выну!)
Последний мост...

«Поэма Конца» сильна своей жизненной правдой, мастерским и точным описанием горького чувства расставания двух всё ещё любящих друг друга людей. Последняя сцена поэмы драматична, со слезами обоих героев, с осмейнием этих слёз «девками», которые случайно попались навстречу. «Поэма Конца» – одна из наиболее удачных и пронзительных по заключённому в ней человеческому чувству работ Марины Цветаевой. Она достойна внимания и современного читателя, так как поднятая в ней тема любви и любовной драмы вечно жива, вечно непреходяща.

Вслед за «Поэмой Конца», уже в 1925 году, из-под пера поэтессы выходит новая поэма под названием «Крысолов». Поэма посвящена немецкому поэту Генриху Гейне. В её основе лежит средневековая немецкая легенда о бродячем музыканте, согласившемся за определённое вознаграждение избавить город Гаммельн от нашествия крыс. Поэма названа лирико-сатирической, но ничего лирического и тем более уморительно-смешного вы, дорогой читатель, в ней не отыщете. Поэма написана грубым, напористым языком, мелодику которого известный литературный критик Михаил Осоргин назвал «музыкальной нелепостью». Поэма начинается с описания города Гаммельн и его жителей:

Стар и давен город Гаммельн,
Словом скромен, делом строг,
Верен в малом, верен в главном:
Гаммельн – славный городок.

Начало многообещающее, но уже через несколько строф начинаются, как отмечал тот же Осоргин, «цветаевские длинноты» о пасторе, о бургомистре, о путовицах, об огородах и т.д. и т.п.:

Пастор, – и правильно: не простак
Пастор, – не всем «осанна»!
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штанной

Пуговицы, чтобы знал – де всяк:
Пуговка – не пустяк!

И так до конца. Поэма велика по объёму, перенасыщена деталями быта, трудночитаема и потому не приносящая никакого эстетического наслаждения. Читая её, постоянно приходится держать себя в напряжении. От поэмы устаёшь, потому что мысль автора постоянно тонет во всевозможных отклонениях, пояснениях, порицаниях, восклицаниях и т.д. Не лучшая цветаевская поэма! Почему Цветаева бралась за сказочно-эпическую тематику тогда, когда перед её взором разворачивалась мировая драма революций и войн, драма русской эмигрантской среды, наконец – её личная драма, понять очень сложно. Правда, к эмигрантской теме поэтесса всё-таки обратилась в «Поэме Лестницы». Эта поэма была написана в 1926 году и явилась реакцией поэтессы на положение русских эмигрантов в Париже. Происхождение, состояние, прирождённая амбициозность продолжали оказывать влияние на занимаемое людьми положение, на их отношение друг к другу. Содержание поэмы – это сочувствие поэта обиженным жизнью людям, ненависть к богатству, протест против пагубных цивилизационных процессов, загоняющих людей на «чёрную» лестницу жизни. Поэма непроста. Её язык резок и обличающ. Читается поэма довольно легко, но при чтении притягательно-

го эстетического чувства не возникает. К повторному прочтению поэмы не тянет. Начало поэмы:

Короткая ласка
На лестнице тряской.
Короткая краска

Лица под замазкой.
Короткая – сказка:
Ни завтра, ни здравствуй.

О жителях лестницы:

Любят сласти-то
Червяки теснот!
Это – классика:
Чердаку – чеснок.

.....
Торопится папка,
Торопится кепка,
Торопится скрипка.

.....
Судоржь! Сутолочь!
Бег! Приз!
Сами ж путают:
Вверх? Вниз?

Гибель чёрной лестницы в пожаре:

Нагота ищет покрова,
Оттого так часто горят
Чердаки – часто и споро –
Час да наш в красном плаще!

Губительный быт, чёрная лестница, преобразованная автором по ходу повествования в пожарную лестницу, в конце поэмы символически уничтожается

огнём. В реальности же прежняя жизнь, в том числе и жизнь самой поэтессы на окраинах рабочего Парижа, продолжается.

1926 год для Цветаевой знаменуется написанием ещё двух, посвящённых Борису Пастернаку, небольших по объёму поэм «С Моря» и «Попытка комнаты». Обе поэмы насыщены неясными чувствованиями и эмоциями поэтессы, её мечтой о физическом сближении с адресатом поэтического послания, мечтой об общении с ним у моря, а затем и в некой шестимерной, увиденной Цветаевой во снах, комнате. Поэмы носят выраженный личностный характер. В них поэтесса говорит с Пастернаком на эзоповском языке полунамёков и полутайн. Читателю этот язык непонятен и чужд. В связи с этим возникает вопрос: «Зачем нужно было выносить данные поэмы на всеобщее обозрение?» Было бы гораздо лучше, если бы они остались частными письмами частному адресату в стихах. То же самое можно сказать и о поэме 1927 года «Новогоднее», адресованной Райнери Марии Рильке, уже ушедшему к этому моменту из жизни. Поэма полна заумностей и экстравагантных словосплетений. Приведу для примера начальные строки поэмы:

С Новым Годом – светом – краем – кровом!
Первое письмо тебе на новом
– Недоразумение, что – злачном –
(Злачном – жвачном) месте зычном...

И так далее, и так далее, и так далее. Загадочна и необъяснима душа Цветаевой. Для чего писать стихи человеку, которого ты любила и, возможно, продолжаешь любить, хотя и на расстоянии и в неземном времени, на таком тарабарском, тяжеловесном, вычурном языке? Для чего? Кстати, к Рильке обращена и «Поэма Воздуха». Её стиль и звуковое оформление приблизительно те же самые, то есть бравурные, на-

пористые, громогласные, трудновоспринимаемые на слух.

Из двух оставшихся поэм «Красный бычок» и «Перекоп», которые были написаны в 1928-1929 годах, наибольший литературный интерес представляет поэма «Перекоп», хотя обе эти вещи являются последним откликом Цветаевой на события минувшей Гражданской войны. Поэма «Красный бычок» – одна из самых небольших по объёму поэм. Она посвящена хорошему знакомому поэтессы Владимиру Завадскому, бывшему офицеру Добровольческой армии. Но о его жизни и о его деятельности в Добровольческом движении в поэме ничего не говорится. Повествуется о предсмертных снах этого человека, о виденном им в этих снах красном бычке. И лишь в последних двух строфах упоминаются имена «марковцев» и «корниловцев», но опять-таки вскользь, без показа конкретного боевого действия.

В отличие от поэмы «Красный бычок», поэма «Перекоп» вводит нас в самую гущу драматических событий кровавой борьбы за Крым, за перекопские бастионы – последний оплот Белой армии на территории России. Поэтессе удаётся сжато и правдиво описать положение офицеров и солдат Белого движения, переживаемые ими трудности продовольственного, бытового и иного порядка. Она осуждает генерала Брусилова за его переход на сторону большевиков, возвеличивает Врангеля. Представляя его читателю, пишет: «Вот он, застенков / Мститель, боёв ваятель – / В чёрной чеченке, / С рукой на рукояти / Бе – лого, пра – вого / Дела: ура-а-а!» Вводит в сюжет поэмы боевые сцены, вновь поднимает имена генералов Корнилова и Маркова в качестве живого символа последней, но уже утраченной надежды на возрождение прежней России. Поэма полна драматизма и внутреннего напряжения. Язык её резок и призываен. Но для этой поэмы он оправдан и ограничен, так как речь идёт о переломном, кровавом,

критическом моменте в истории русского государства, в истории его народа.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Помимо стихов и поэм, Цветаевой создан ряд романтических театральных произведений – «Червонный валет», «Метель», «Каменный ангел», «Приключение», «Фортуна», «Феникс», а также написаны две трагедии – «Ариадна» и «Федра». От оценки и анализа этих работ я умышленно уклоняюсь, ибо считаю это делом театральных критиков. При этом учитываю позицию самой Цветаевой, которая в присущей ей манере заявляла: «Не чту Театра, не тянусь к Театру и не считаюсь с Театром... Театр я всегда чувствую насилием. Театр – нарушение моего одиночества с Героем, одиночества с Поэтом, одиночества с мечтой – третье лицо на любовном свидании».

Отмечу лишь то, что все перечисленные театральные произведения написаны поэтессой, как мне представляется, достаточно простым и внятным языком и могли бы быть поставлены на театральной сцене. Этого, тем не менее, при жизни Цветаевой не произошло. Была лишь одна, неудавшаяся попытка поставить пьесу «Метель» на подмостках театральной студии Евгения Вахтангова в начале 1919 года. Но всё ограничилось чтением текста и предварительным распределением актёрских ролей. Дальше дело не пошло. После этого Цветаева за написание театральных драматических работ до конца своей жизни уже не бралась (возможно, из-за обиды на театр). Правда, много позднее, уже в конце прошлого столетия, театром имени Пушкина в Москве под руководством французского режиссера Лукаса Хемлеба была осуществлена постановка пьесы «Федра» о грешной любви главной героини к своему пасынку Ипполиту. По оценке зрителей и театраль-

ных критиков, из-за особо напряженной атмосферы, в которой разворачивается действие пьесы, в частности, из-за скандирования хором «трудных цветаевских строф», постановка воспринималась с трудом, хотя и было признано, что она имела некоторый успех.

Итак, мною охвачены все основные направления литературной деятельности Марины Ивановны Цветаевой, остававшейся «до предсмертной икоты» подлинным поэтом, правда, поэтом двух ипостасей – светлой, радостной, жизнеутверждающей и тёмной – скрытной, экзальтированной, противоречивой, трудно воспринимаемой. Это признавала, в частности, и сестра поэтессы – Анастасия Цветаева. В своей книге «Воспоминания» она писала: «Стихи Цветаевой подчас трудны, требуют вдумчивого распутывания хода её мыслей... Как далеки они от зачаровывающей, музикальной ворожбы. Её нагромождение ударных слогов, её тире, её бесконечные enjambement – переносы – как бы призваны вбить кол в слово, притворять читателя к смыслу, к содержанию». Если бы это было так! Многие стихи и некоторые поэмы Цветаевой (я об этом уже говорил выше) просто невозможно нормально читать, а если читаешь, то делаешь это с явным насилием над собой. Задача же поэзии, на мой взгляд, состоит не в том, чтобы заставлять читателя разгадывать поэтические шарады, вскрики и всхлипы автора, а в том, чтобы образовывать и эстетизировать его ум, приучать его слух к звонкой мелодике и хорошей ритмике правильно подобранного и умело расставленного по ткани стихотворного произведения слова. Если этого нет, то исчезает прелесть и столь нужная каждому из нас воспитательная роль поэзии.

Всмотритесь ещё раз в фольклорные поэмы Цветаевой. В них очень часто употребляется народное просторечие, грубый бытовой сленг (што, отколь, плёвка, слухать, окромя и т.д.), который она, по её собственному признанию, черпала в продуктовых очередях из

уст безграмотных бабок, мастеровых и солдат. Такой сленг, конечно же, не может украшать поэтическое произведение. Он его только портит и коробит. Отметим, что Пушкин – большой любитель народного фольклора, его собиратель и ревнивый хранитель никогда не пользовался «ядрёными» народными словечками. Облекая вещь в изящные словесные одежды («Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане» и т.д.), он делал эту вещь красивой, изящной и, главное, доходчивой при сохранении в ней подлинного народного духа. Это почерк настоящего мастера, которому не нужна подделка под народность.

Цветаевский фольклор часто груб, резок, отталкивающ. И это при том, что сама поэтесса довольно глубоко изучала феномен народности в поэзии. В статье «Эпос и лирика современной России» она писала: «Для того, чтобы быть народным поэтом, нужно дать целому народу через тебя петь. Для этого мало быть всем, нужно быть всеми...» Из современных ей поэтов к числу народных она относила лишь Александра Блока и Сергея Есенина. Владимира Маяковского к народным поэтам не причисляла, потому, что он, по её мнению, был «глашатаем одного класса, творцом пролетарского эпоса».

Цветаева много рассуждала и о славе, глубоко переживая тот факт, что во Франции её работ практически не печатали. Поэтому размышления о публичном признании и возможной славе не оставляли её на протяжении всего заграничного периода жизни. «Славу у поэта я допускаю как рекламу – в денежных целях», – провозглашала она и продолжала: «Слава – следствие, а не цель. Все великие славолюбцы – не славолюбцы, а властолюбцы... Слава – пассивна, властолюбие – действительно. Слава – лежача, «почиет на лаврах». Властолюбие – конно, и эти лавры добывает». Отсюда цветаевская напористость и боевитость, отсюда – жизненное кредо: «Писать из-за денег – низость, писать ради сла-

вы – доблесть». Вместе с тем, мысленно примеряя на себя славу, она резюмировала: «Слава! Я тебя не хотела: я б тебя не сумела нести». Что же касается денег, то она их в своей жизни в большом количестве никогда не имела и не стремилась иметь. К деньгам относилась как к необходимому злу, полагая, что «осознание неправды денег в русской душе невытравимо». Невытравимо оно было и в душе самой Мариной Цветаевой.

Своё отношение к поэзии, к стиху, к Музе поэтессы выразила во многих поэтических произведениях. Вот её рассуждения о стихе, о том, что он значит для поэта, его создавшего:

Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный,
Первенец – у колеи
На поклон ветрам – положенный.

А вот о поэтической работе и о поэтическом вдохновении:

В поте – пишущий, в поте – пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Лёгкий огнь над кудрями пляшущий, –
Дуновение вдохновения!

И тут же стих об ощущении себя поэтом, о порыве стихотворчества:

Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце – как маятник – как календарь,
Быть светской пустынницей стройного роста,
Премудрой – как всякая Божия тварь.
Знать: дух – мой сподвижник, и дух – мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и скжато, –
Как Бог повелел и друзья не велят.

Это стихотворение написано в 1918 году, в трудное, но всё ещё обнадёживающее время. Позднее, в 1925 году, интонация резко меняется. Взывая к своей Музе, поэтесса сетует:

Что, Муза моя? Жива ли ещё?
Так узник стучит к товарищу
В слух, в ямку, перстом продолбленную.

.....

Ну, Муза моя! Хоть рифму ещё!
Щекой – Илионом вспыхнувшему
К щеке: «Не крушись! Расковывает
Смерть – узы мои! До скорого ведь?»

Предсмертного ложа свадебного
Последнее перетрагиванье.

В 1931 году оценка результатов стихотворчества становится ещё более мрачной:

– Не нужен твой стих –
Как бабушкин сон.
– А мы для иных
Сновидим времён.

.....

А быть или нет
Стихам на Руси –
Потоки спроси,
Потомков спроси.

И наконец стих 1935 года с его уже почти полной безысходностью:

Двух станов не боец, а – если гость случайный –
То гость – как в глотке кость...

Была мне голова дана – по ней стучали
В два молота: гнилых – корысть и гневных – злость.

Вы с этой головы – к создателеву чуду
Терпения – моё, рабочее, прибавь –
Вы с этой головы – что требовали? Блуда.
Дивяся на ответ упорный: обезглавь!

.....

Вы с этой головы, с лба – серого гранита,
Вы требовали: нас – люби, тех – ненавидь!
Не всё ли ей равно – с какого боку битой,
С какого профиля души – глушимой быть?

.....

Бывают времена, когда голов – не надо.
Но слово низводить – до свёклы кормовой –
Честнее с головой Орфеевой – менады!
Иродиада с Иоанна головой.

Круг замкнулся. Поэзия для Цветаевой становится не спасением, а тяжёлым моральным бременем, угнетающим душу, выталкивающим эту душу за рамки земного бытия. С 1935 по 1938 год, как я уже отмечал, она почти полностью перестала писать стихи. Прежние импровизационность и лёгкость стиха исчезли. Многочисленные, не находящие выхода на читателя, поэмы утомили самого автора. Как уже говорилось, начиная с 1926 года Цветаева почти полностью перестала писать стихи и перешла на создание тяжеловесных, крупных по объёму, часто явно неудачных поэм. Почему так произошло? Причина этого, на мой взгляд, кроется, во-первых, в том, что поэтесса по природе своего характера стремилась доказать всем и, прежде всего, самой себе, что она является универсальным художником и что все виды поэтического искусства ей равно доступны.

Во-вторых, всю жизнь она была нарочито невосприимчива к критике оппонентов, была настроена против

любой такой критики и, по свойственной ей горделивой воинственности, всегда действовала этой критике вразрез. Её упрекали в бессмысленности тех или иных стихов. Она тотчас отвечала: «Есть нечто в стихах, что важнее их смысла: – их звучание». Ей указывали на то, что многие её литературные вещи теряют свою красоту из-за неоправданной ничем «велеречивости и громкости». Цветаева сразу же парирует: «Радовать читателя красивыми переплёсками слова не есть цель творчества. Моя цель, когда я сажусь за вещь, не есть радовать никого, ни себя, ни другого, а дать вещь возможно совершеннее. Радость – потом, по совершению». Ей говорили об очевидной безадресности многих её стихотворений. Её ответ: «Не для миллионов, не для единственного, не для себя. Я пишу для самой вещи. Вещь, путём меня, сама себя пишет». Держать круговую оборону и переходить в яростные контратаки Цветаева умела. А вот прислушаться к часто здоровой и справедливой критике, из-за своей гипертрофированной самовлюблённости, не могла.

В-третьих, в переориентации на создание поэм, часто неудачных, в немалой степени повинны те люди, которые всячески поддерживали в ней порыв к поэмо-деланию, славословили её, настойчиво демонстрировали свою заинтересованность в появлении всё новых и новых литературных произведений такого плана. Имена этих людей я уже называл, это: Дмитрий Свято-полк-Мирский, Марк Слоним, Райнера Мария Рильке и, конечно же, Борис Пастернак, который признавал в Цветаевой поэта «гениальных возможностей» и всячески подталкивал её к тому, чтобы она эти возможности реализовала, в том числе в своих многочисленных и, к сожалению, часто неудачных поэмах.

Таким образом, творчество Марины Цветаевой может быть поделено, как мне представляется, на две приблизительно равные по объёму, но не равные по своему значению, части. Первая из них относится

преимущественно к дозаграничному периоду жизни поэтессы и характеризуется наличием большого количества замечательных, мудрых, философичных, искрящихся большим литературным талантом работ. Вторая часть – это стихи и поэмы заграничного периода, а также часть стихов, написанных поэтессой в 1921 и 1922 годах. Качество многих этих стихов и поэм вызывает серьёзное сомнение, и потому их оценка не может быть однозначно положительной. Как человек Маяковский двенадцать лет подряд убивал в себе Маяковского поэта (слова Цветаевой), так и в самой Цветаевой поэт создатель тяжеловесных поэм на протяжении почти восемнадцати лет убивал поэта создателя блестящих стихотворных миниатюр. В конце концов, уже на излёте жизни она была вынуждена признать, что «разучилась» писать стихи. Констатация этого факта означала для неё полное и окончательное крушение жизненных устоев, окончательную утрату спасительной силы творческих ориентиров. Спустя несколько дней после этого признания она покончила с собой. («Если не смогу писать – покончу с собой», – говорила она накануне смерти). Самоубийству Марины Цветаевой сопутствовали также её трудное материальное положение, драматическая скора накануне гибели с сыном Георгием, бросившим матери перед своим уходом из дома фразу: «Ну, кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперёд ногами», а также – действия местного уполномоченного НКВД, пытавшегося завербовать поэтессу в качестве осведомителя для сбора сведений о поведении других литераторов, проживающих в эвакуации в Чистополе и Елабуге, взамен на предоставление хорошо оплачиваемой работы переводчика в лагере немецких военнопленных. Будучи морально неспособной к такому виду деятельности и понимая, что отказ обречёт её на безденежье и полуоголодное существование, Цветаева решилась покончить с жизнью. При этом она полагала, что её смерть облегчит поло-

жение сына (снимет с него налёт белогвардейщины). Её она перед самой смертью пыталась перепоручить собратьям по литературному цеху и буквально за полчаса до самоубийства, обращаясь к ним с запиской, взвывала: «Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто может отвезти его в Чистополь к Асееву... Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадёт... Не похороните живой! Хорошенько проверьте». Самому же Асееву писала: «Умоляю Вас взять Мура к себе в Чистополь – просто взять его в сыновья – и чтобы он учился. Я для него ничего больше не могу и только его гублю... Берегите моего дорогого Мура... Любите как сына – заслуживает. А меня простите – не вынесла».

Завершая очерк о жизни и творчестве поэтессы Марины Ивановны Цветаевой, хочу ещё раз сказать о неоднозначности и противоречивости литературного наследия этой безмерно талантливой, неповторимой женщины. Люблю её ранние, до 1922 года, и самые последние, с 1938 по 1941 год, стихи, с уважением отношусь к некоторым её поэмам (о них я говорил выше). Считаю, что именно эти стихи и эти поэмы составляют подлинную ценность цветаевской поэтики. Что же касается большинства абстрактных, модернистских, идущих вразрез с поэтическим природным даром Цветаевой, стихов и целого ряда поэм фольклорного и иного содержания, то принять и тем более хвалить их не могу уже только потому, что они не вызывают эстетического восторга, не приносят удовлетворения, не рождают потребности повторного прочтения.

Знаю наперёд, что фанатично влюблённые в цветаевскую поэзию люди воспримут такое утверждение неприязненно или даже враждебно. Защищая поэтессу от всякой внешней критики и порицая такую критику, её апологеты будут, как и прежде, заявлять, что у Цветаевой нет и не может быть «бессмысленных строк». Для меня такие суждения представляются

либо восторженным самообманом, либо преднамеренным и нарочитым лукавством во имя не совсем понятной цели. А истина состоит в том, что в определённой части цветаевских стихов и поэм есть множество бессмысленных и лишних строк. Да и сами такие стихи и поэмы могут быть названы лишними и ненужными. Я ни разу за всю свою жизнь не слышал их публичного чтения. К ним десятилетиями никто не прикасался и не прикасается. Их сторонятся средства массовой информации. А это – верный признак низкого качества подобных литературных творений.

Что же касается фанатичных любителей цветаевской поэзии, то я искренне рад тому, что они у неё есть, и пусть с годами их становится всё больше и больше. Но их позиция не может повлиять на моё мнение, как не может повлиять на моё мнение позиция тех людей, которые относят «Чёрный квадрат» Казимира Малевича и его портретных героев с их жёлтыми дынеобразными головами и чёрными прорезями вместо глаз к шедеврам мирового художественного искусства. Никогда картины Малевича не поставлю в один ряд с картинами Крамского, Репина, Куинджи или Брюллова. И у Цветаевой есть свои абстракции, свои «чёрные квадраты». Тот, кто хочет разуверить меня в этом, пусть докажет обратное.

Библиография

1. Анна Саакянц. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества. М., Советский писатель, 1986.
2. Марина Цветаева. Сочинения. В двух томах. М., Художественная литература, 1988.
3. Марина Цветаева. Театр. М., Искусство, 1988.
4. Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы. Л., Советский писатель, 1990.
5. Марина Цветаева. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. М., Художественная литература, 1990.
6. Марина Цветаева: Белогвардейские стихи. Таруса. Тарусский провинциал, 1990.
7. Марина Цветаева об искусстве. М., Искусство, 1991.
8. Анастасия Цветаева. Воспоминания. М., Изограф, 1995.
9. Ирма Кудрова. Гибель Марины Цветаевой. М., Независимая газета, 1995.
10. Майкл Мейкин. Марина Цветаева: поэтика усвоения. М., Дом-музей Марины Цветаевой, 1997.
11. Марина Цветаева. Благословляю Вас... М., Эксмо-Пресс, 2001.
12. Виктория Швейцер. Быт и бытиё Марины Цветаевой. М., Молодая гвардия, 2002.
13. Статья Р. Огинского: «Марина Цветаева» в книге «Женщины, любившие женщин». М., Олма-Пресс, 2002.
14. Марина Цветаева – Вадим Руднев, Письма 1933-1937 годов. М., Вагриус, 2005.
15. Елена Толстая. Очарование зла. Санкт-Петербург, Амфора, 2006.
16. Ариадна Эфрон. История жизни, история души. В трёх томах. М., Возвращение, 2008.
17. Райнера Марии Рильке. Дуинские элегии. Сонеты к Орфею. М., Скорпион, 2010.
18. Марина Цветаева. Избранное; М., Дом славянской книги, 2012.
19. Анри Труайя. Марина Цветаева. Санкт-Петербург, Амфора, 2014.

АДМИРАЛ КОЛЧАК: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Интерес к судьбе адмирала Колчака возник у меня не случайно. Он продиктован не только неординарностью личности этого человека, но и тем обстоятельством, что мои детские и юношеские годы прошли в городе Омске, в среде, в том числе и тех людей, которые были свидетелями возникновения, короткого существования и обвального крушения колчаковского военно-диктаторского режима.

К написанию очерка об адмирале Колчаке подтолкнули также и трагические события из жизни моих ближайших родственников, в первую очередь – моего деда по материнской линии Бычкова Павла Артамоновича, бывшего солдата царской армии, участника Русско-японской войны, ставшего жертвой колчаковской карательной машины, а также его жены, моей родной бабки Елизаветы Харитоновны Бычковой, вышедшей после гибели первого мужа за вдовца Михея Даниловича Рудаева, командира красного партизанского отряда, большевика, первого председателя Саргатского поселкового совета Омской губернии, вынесшего на своих плечах не только лишения Гражданской войны, но и тяготы последовавшей за ней восстановительной работы в одном из обширных,

опалённых кровавой междоусобицей, районов Западной Сибири.

В августе – сентябре 1919 года в ходе боевых действий на Восточном фронте колчаковские войска потерпели ряд крупных военных поражений, понеся большие потери в живой силе и боевой технике. Возникла острая необходимость быстрого восстановления боеспособности армии за счёт проведения широких мобилизационных мероприятий и частичной реквизиции крестьянской собственности (лошадей, мелкого скота, повозок, хлеба и т. п.) на всех подконтрольных колчаковскому режиму территориях Западной и Восточной Сибири.

Призыва в армию, фактически насильтственному, согласно специальному указу Колчака, подлежали все здоровые мужчины в возрасте от 18 до 60 лет включительно. В категорию мобилизуемых попал и мой дед Павел Артамонович Бычков. Будучи человеком грамотным, внимательно следящим (насколько это позволяли условия Омска) за событиями в центральной России, он продолжал придерживаться свойственных для многих сибиряков умеренно-монархистских взглядов. Наряду с этим, находясь под влиянием своих многочисленных друзей из числа рабочих омских мануфактур и мастерских, положительно воспринимал лозунги большевиков о земле, о свободе, о праве на труд и доступное образование. Однако сражаться на их стороне не считал для себя возможным, так как имел среди личного состава Омского военного гарнизона большое количество хороших знакомых (унтер-офицеров и младших офицеров), которые были его сослуживцами по Русско-японской войне. Поэтому с началом мобилизационных мероприятий, оценив положение колчаковщины в Сибири делом проигранным, решил временно оставить Омск и вместе со своей женой и двумя дочерьми (моей матерью Антониной и её полугодовалой сестрой Надеждой) выехать в село

Саргатское, где проживали родители совсем тогда ещё молодой моей бабки Елизаветы (село расположено в 100 километрах севернее Омска).

Как мне рассказывала родная сестра деда Александра Артамоновна Бычкова, Павел Артамонович полагал провести в Саргатском два-три месяца, рассчитывая на то, что за это время колчаковщина под нажимом наступающей Красной армии будет разгромлена. Так оно фактически потом и случилось. Однако планам деда не суждено было сбыться. В конце сентября 1919 года в Саргатское нагрянул отряд колчаковских «вербовщиков». Поскольку Павел Артамонович отказался добровольно идти в армию, его арестовали и вместе с другими отказниками отконвоировали на железнодорожную станцию Люблин, где поместили в арестантский вагон, в котором ранее перевозили тифозных больных. Через несколько суток среди арестованных возникла эпидемия. Лечением больных никто не занимался, вследствие чего большинство скончалось. Среди них был и мой дед Павел Артамонович Бычков.

Что касается Михея Даниловича Рудаева, то он, как командир активно действующего партизанского отряда, преследовался колчаковской военной контрразведкой. За сведения о его местонахождении предлагалась значительная сумма денег. Поскольку желающих завладеть этой суммой долгое время не объявлялось, каратели приняли решение об аресте его жены, имевшей к этому времени двух малолетних детей: сына Ивана и дочь Варвару. В застенках женщину подвергли телесным пыткам, но мужа она не выдала. Озверевшие колчаковцы забили её до смерти.

Уже после Гражданской войны осколки семей бывшего партизанского вожака Михея Рудаева и моей бабки Елизаветы Бычковой слились в единую дружную многодетную семью, в которой вскоре появились ещё две дочери – мои тётки Раиса и Валентина, достойные дети достойных родителей, многие годы честно прора-

бывавшие на омских городских предприятиях. В годы Великой Отечественной войны Валентина ушла на фронт и около трёх лет служила в войсках связи. Раиса работала в Омске в одном из отделов Облпотребсоюза и отвечала за поставки сельхозпродукции в сражающиеся части Красной армии.

Таким образом, режим Колчака непосредственно вторгся в судьбу моих родственников, а через них, хотя и косвенно, в мою собственную судьбу. Поэтому сам адмирал и вся его сибирская эпопея не могли не заинтересовать меня. В детские и юношеские годы этот интерес поддерживался многочисленными рассказами сестры деда Александры Артамоновны и её знакомыми – свидетелями всего того, что происходило в Омске в страшные 1919-1920 годы.

Чего-либо хорошего из их уст в адрес Колчака я не слышал. И это не потому, что они в одночасье стали абсолютными приверженцами советской власти. Всё объяснялось тем, что Колчак, как и другие вожди Белого движения, был далёк от народа, мало думал и заботился об омичах, доведя их жизнь к концу своего однолетнего правления до полной катастрофы. Это случилось, конечно, не только по его вине, но это случилось. В немалой степени катастрофе способствовал приток огромного числа беженцев из центральных регионов России. За очень короткий срок население Омска возросло со 135 тысяч до одного миллиона человек. Такую массу людей небольшой провинциальный город ни разместить, ни прокормить не мог.

С этой насущнейшей задачей, как и с задачами войны, режим Колчака, несмотря на его безмерную жестокость, справиться не смог. Все сложившиеся к этому моменту военные, политические и экономические обстоятельства были объективно против него. Поэтому этот режим так быстро и так бесславно пал. И что бы ни говорили нынешние апологеты белого адмирала, приходится констатировать, что в ходе Гражданской

войны он оказался не на своём месте. Он замахнулся на дело, к которому не был подготовлен опытом прежней жизни. Не имел надёжных советников и часто, из-за своей гордыни, игнорировал доводы преданных ему людей.

Кем же был адмирал Колчак? Что оказало главенствующее воздействие на формирование его личности? Каким он был в жизни и почему на протяжении всей своей военной карьеры так настойчиво стремился к публичному признанию и славе? Попробуем найти ответы на эти и некоторые другие вопросы, касающиеся этого интересного и, вместе с тем, очень противоречивого человека.

Происхождение и родственные связи

Существуют две основные версии происхождения семейного рода Колчаков. Первая из них связана с турецким военачальником, комендантом крепости Хотин Илмасом Колчаком-пашой, который был пленён войсками русского фельдмаршала Миниха в ходе Русско-турецкой войны 1739 года. Этот паша, которому на момент плена, как свидетельствуют сохранившиеся о нём сведения, было более 70 лет, опасаясь расправы над собой со стороны визиря за сдачу возглавляемой им крепости, перешёл на русскую службу и позднее, как русский подданный и русский дворянин, был жалован землями на юге России. Здесь от него якобы и пошёл разветвлённый род Колчаков. Следует заметить, что данная версия не подтверждена никакими документальными свидетельствами и потому многими биографами адмирала ставится под сомнение. Ввиду этого наиболее вероятной считается вторая версия происхождения данного рода, основанная на сведениях, которые сохранились в послужных дворянских списках и церковных метрических книгах. Из них

следует, что единственным, доподлинно известным родоначальником семьи адмирала Колчака является его прадед, сотник Бугского казачьего войска Лукьян Колчак, считавший себя, между прочим, русским православного верования человеком. Фамилия, которую носил Лукьян, имеет тюркские корни и в переводе на русский язык означает «боевая рукавица». Такую фамилию, начиная со средних веков, носили многие представители военных сословий, принадлежащих и к туркам, и к половцам, и к другим тюркским народностям. Поэтому связывать род адмирала Колчака с турком Колчак-пашой нет никаких оснований. Скорее всего – это лишь красавая, но недостоверная легенда.

Подлинный предок адмирала Колчака – Лукьян Колчак принадлежал к служивому мелкопоместному дворянству и имел небольшой надел земли в Херсонской губернии. Основной статьёй его доходов считалась воинская служба в казачьем войске по охране границы русского государства на реке Днестр. Проведённые исследования указывают на то, что он мог быть турецкого, половецкого или даже сербского происхождения. Сын адмирала Колчака Ростислав, предметно изучавший свою родословную, считал, что Колчаки идут от половцев, вытесненных в своё время татаро-монголами из южно-русских степей в страны Восточной и Центральной Европы, в том числе и в Молдавию, которая позднее стала частью России. Связь с турецкими корнями, в частности с Илмас-пашой, он полностью отрицает. Характерно, что и сам адмирал Колчак в биографических свидетельствах имени турецкого паша никогда не упоминал. Так что будем считать, что прямым и подлинно известным предком адмирала был казачий офицер Лукьян Колчак, потомки которого в 1843 году, во времена правления императора Николая I, специальным сенатским указом были утверждены во дворянство и внесены в списки дворян Херсонской губернии.

У Лукьяна Колчака было два сына: Иван и Фёдор. Иван после смерти отца уехал из Херсона в Одессу, где поступил на гражданскую службу и стал главой многочисленного семейства. У него было четыре дочери и три сына. Старший сын Василий, будущий отец адмирала Колчака, воспитывался в Одесской гимназии, основанной французскими эмигрантами-роалистами. В силу особенностей курса гимназии, он отлично освоил французский язык и вообще, по оценке близкого окружения, «любил всё французское».

С началом Крымской войны 1854-1855 годов Василий Колчак в возрасте 17 лет поступил в морскую артиллерию Черноморского флота и нёс службу на Малаховом кургане в должности помощника командира батареи. За проявленную храбрость был награждён солдатским Георгием. В августе 1855 года был тяжело контужен и попал в плен к французам. Пленение отбывал на Принцевых островах в Мраморном море. После войны окончил двухгодичный курс Института военных горных инженеров в Санкт-Петербурге и был направлен на уральские заводы для получения практики по металлургическому делу. После этого переведён на Петербургский Обуховский завод, где, будучи специалистом военной приёмки, занимался проверкой качества производимых на заводе орудий и снарядов. Дослужился до звания генерал-майора и в возрасте 52 лет вышел в отставку. Характеризовался как человек справедливый, волевой, сдержанный, отлично знающий своё дело. Женился он поздно, взяв в жёны Ольгу Ильиничну Посохову, дочь одесского городского головы, представительницу донского казачьего рода. Ольга Ильинична была моложе своего супруга на 18 лет, хороша собой, отличалась спокойным характером. Воспитание получила в престижном Одесском институте, характеризовалась врождённой интеллигентностью и религиозностью. Мужа уважала и любила, жила его интересами, заботилась о нём. В семье

родилось трое детей, сын Александр и две дочери: Екатерина, затем – Люба, умершая в раннем возрасте.

В детстве и юности Александр был внешне мало похож на отца. В нём преобладали черты его более ранних половецких предков. По свидетельству очевидцев, он имел смуглый оттенок кожи, чёрные выразительные глаза и чёрные же волосы. Отличался подвижностью и порывистостью. Холерический, по преимуществу, темперамент его мог на некоторое время окрашиваться депрессивными проявлениями. В такие минуты будущий адмирал погружался в себя и на какое-то время искал абсолютного одиночества, был задумчив и малоразговорчив. От отца он унаследовал сильную волю, аналитический ум, любознательность, методичность и сосредоточенность в работе.

Все остальные качества унаследовал от матери. Она много времени и сил уделяла воспитанию детей, занималась с ними музыкой, стремилась передать им свои религиозные чувства: водила в церковь, изучала с ними Библию и другую клерикальную литературу. Всё это отразилось на внутреннем мире детей, в том числе и Александра. Он в молодые годы был религиозным человеком, но к числу фанатиков веры никогда не принадлежал. По мере взросления к исполнению молитвенных и других церковных обрядов стал относиться более формально. Это произошло, видимо, из-за того, что влияние матери на него прекратилось с её ранней смертью. Она умерла в 39 лет, когда сыну было только двадцать. Отец компенсировать потерю этого влияния не мог, так как, являясь с молодых лет приверженцем «всего французского», разделяя многие французские свободолюбивые идеи и потому глубоко религиозным человеком никогда себя не считал.

От матери Александр впитал также ранимую чувствительность, склонность к самоанализу, любовь к чтению, музыкальность, наблюдательность и скрупулезнность в работе над деталями. От неё он усвоил и

простоту бытовых привычек: не гнался за богатством, не возводил удобства в главный атрибут жизни, не чурался простой, грубой, порой очень тяжёлой работы. Таким образом, от своих родителей Александр Колчак получил задатки волевого, умного, энергичного, сильного и целеустремлённого человека. Теперь эти задатки требовалось развить и отшлифовать в ходе учёбы и практической жизнедеятельности.

Учёба в гимназии и Морском училище

Александр Колчак воспитывался в семье кадрового военнослужащего. Все ближайшие родственники его отца и матери по мужской линии были военными людьми. Два родных брата Василия Ивановича – Пётр и Александр были специалистами морской артиллерии. Пётр Иванович дослужился до звания капитана 1 ранга, а Александр Иванович стал генерал-майором береговой артиллерии. Двоюродные братья Ольги Ильиничны: контр-адмирал Сергей Андреевич и генерал-майор Андрей Андреевич Посоховы также принадлежали к потомственному военному сословию и отличились в Русско-японской и Первой мировой войнах, занимая в структурах вооружённых сил царской России достаточно ответственное положение. И у Александра не было иного пути, как только стать военным человеком. К тому же и его отец Василий Иванович хотел видеть своего сына достойным продолжателем семейной военной традиции и потому воспитывал его в любви к военной профессии, всячески способствовал тому, чтобы он овладел различными научными и прикладными военными знаниями. Прививал он ему и любовь к Родине. Для этого, ещё в отроческом возрасте, брал его в морской круиз из Одессы в Севастополь, где водил по местам боевых сражений, знакомил с системой севастопольских кре-

постных укреплений, рассказывал о руководителях обороны Севастополя адмиралах Корнилове, Нахимове, Истомине. Вместе с сыном преклонялся перед их прахом в белокаменном Владимирском морском соборе, горделиво возвышавшемся над городом и его многочисленными бухтами.

Бывали встречи и с бывшими сослуживцами Василия Ивановича – матросами-бомбардирями, сражавшимися вместе с ним на батареях Малахова кургана. Эти беседы вызывали живой интерес юного слушателя, заставляя его проникнуться уважением к простому русскому воину, защитнику Отечества. Детство прошло незаметно и быстро. Закончилось домашнее воспитание под руководством отца и матери. Встал вопрос о настоящей учёбе. Семья Колчаков не была богатой и не располагала большими деньгами (жили на зарплату Василия Ивановича на служебной квартире, которую предоставил Обуховский завод), поэтому в 1885 году в возрасте 11 лет Александр начал своё обучение в Петербургской гимназии, которую посещали дети обычных чиновников, в том числе и из военного дворянского сословия. Учёба в гимназии, которая предполагала по её окончании занятие наукой или службу по гражданскому ведомству, не особенно привлекала молодого человека, мечтавшего о военном поприще. Возможно, поэтому показатели Александра в учёбе были низкими. Относительно успешно ему давались только Закон Божий и география. По русскому языку, математике и иностранным языкам его знания оценивались не выше трёх баллов. Нередко случались и двойки. Видя, что учёба сына в гимназии идёт плохо, Василий Иванович в 1888 году сумел устроить его в знаменитое петербургское Морское училище (с 1752 по 1867 год – Морской кадетский корпус). В него принимались мальчики в возрасте 12-14 лет. Курс обучения составлял шесть лет. За это время воспитанники, завершив ранее начатое среднее образование, полу-

чали высшее военно-морское. Окончив пятый курс, производились в гардемарины, а по окончании – в мичманы. Далее начиналась самостоятельная военно-морская служба.

В Морском училище Александр Колчак совершенно изменился. Дисциплина и ответственность стали для него главными критериями жизни. Учёба была сложной, а уровень преподавания традиционно высокий. Программа обучения включала ряд обязательных дисциплин: математику, физику, геометрию, астрономию и навигацию. Изучались также химия, география, русский и основные иностранные языки. В число специальных военных дисциплин входили военно-морская история, морская тактика, фортификационное дело, теория корабля, теория морской артиллерии, международное морское право, морская геодезическая съёмка, морская топография и другие. Для чтения лекций приглашались известные учёные и крупные специалисты. Они дополняли знания воспитанников теориями гидромеханики и баллистики.

Учёба была построена таким образом, чтобы у обучаемых оставалось как можно меньше свободного времени. Это время ограничивалось тремя часами, которые уходили на приведение форменной одежды в надлежащий порядок и на занятия по интересам: знакомство с новой литературой, участие в спортивных мероприятиях, обучение бальным танцам и др. С окончанием третьего курса воспитанники училища проходили практику на военных кораблях и знакомились с процессом производства артиллерийских орудий, снарядов и донных мин на Обуховском военном сталелитейном заводе. Заводскую практику Александр Колчак любил и потому, для более детального освоения производственных циклов, в годы учёбы в училище сознательно потратил на неё несколько каникулярных отпусков. Это дало ему, как он сам позд-

нее неоднократно отмечал, «массу технических знаний по артиллерийскому и минному делу».

Помимо фундаментальных знаний, за годы обучения в Морском училище Александр Колчак приобрёл вкус к воинской службе, дисциплине и лидерству. За особое прилежание в учёбе и высокие командно-волевые качества он в 1892 году был произведён в младшие унтер-офицеры, а на следующий год был назначен фельдфебелем в младшую учебную роту. Колчак для своих младших по возрасту и сроку учёбы в Морском училище соучеников оказался хорошим и авторитетным командиром. Об этом свидетельствует его бывший подчинённый, в последующем – верный сподвижник и помощник по службе на Черноморском флоте и в Сибири в годы Гражданской войны контр-адмирал Михаил Иванович Смирнов. «Фельдфебель учебной роты Александр Колчак, – отмечает он, – имел сосредоточенность взгляда живых выразительных глаз, глубокий грудной голос, образную прекрасную русскую речь, серьёзность мыслей и поступков, что вызывало глубокое к нему уважение со стороны окружающих. Уже тогда в Колчаке было заметно наличие моральной силы, которой невозможно было не повиноваться. Эта сила внушала чувство его превосходства над другими людьми».

По оценке других учащихся этой же роты, их младший командир Александр Колчак покорял всех «глубокими познаниями в морском деле, превосходно знал военно-морскую историю и все морские сражения». Анализ этих сражений позволил Колчаку уже в молодые годы прийти к оценке воинской дисциплины как к основе всякой военной победы. Он утверждал и доводил до своих младших товарищей мысль о том, что «дисциплина на военном корабле – наиважнейшее дело. Без неё – нет боевого корабля, нет слаженной команды, нет победы и славы». Обратим в этой фразе внимание на два последних слова: победа и слава.

Именно они в последующие годы станут доминирующими стимулами поведения Колчака. Именно ими он будет руководствоваться в практической деятельности на протяжении всей своей служебной карьеры.

Между тем наступил 1894 год – год завершения Колчаком учёбы в Морском училище. Он окончил его с отличием с присвоением денежной премии имени русского адмирала Петра Ивановича Рикорда. В этот момент, по оценке соучеников, молодой Колчак являл собой человека «среднего роста, стройного, худощавого брюнета с необычайным южным типом лица и орлиным носом». В свои неполные двадцать лет он добился очень важной для себя личной победы. Он достиг победы над собой, превратившись из 14-летнего подростка в хорошо подготовленного военного специалиста. По выпуску из училища Колчаку было присвоено первое офицерское звание – «мичман». Впереди его ждала трудная, интересная, многообещающая флотская служба.

Первые годы службы. Личные предпочтения

По окончании Морского училища мичман Колчак был назначен в 7-й Балтийский экипаж, в котором проходили временную службу офицеры, унтер-офицеры и матросы, ожидавшие назначения в состав команд боевых кораблей и береговых частей обороны. Здесь он нёс обычное офицерское дежурство и привлекался к работе по расследованию дисциплинарных и иных проступков матросов экипажа. Эту работу Колчак впоследствии называл «рутиной, однообразием и скучкой». Чтобы занять себя более полезным делом, он, с ведома своих непосредственных начальников, поступил на углубленные курсы штурманской подготовки в знаменитую на Балтике Кронштадтскую обсерваторию.

рию. Это ускорило его назначение на должность вахтенного офицера новейшего, только что построенного, броненосного крейсера «Рюрик». Крейсер предназначался для Тихоокеанской эскадры и потому уже вскоре вышел из Кронштадта на Дальний Восток. Монотонность и однообразие вахтенной службы оказались не по душе энергичному, не в меру требовательному к себе мичману. Со служебными обязанностями он справлялся хорошо, но уже в первом плавании пришёл к заключению, что в будущем станет заниматься только наукой. Приняв это решение, Колчак тут же на корабле начал активно изучать всю имеющуюся в его распоряжении литературу по гидрологии Тихого океана, проштудировал все корабельные лоции, приступил к самостоятельным научным наблюдениям за морскими течениями Японского и Жёлтого морей. Помимо этого, он повторно проанализировал давно привлекавшие его материалы о кругосветном путешествии выдающихся русских мореплавателей, офицеров русского военного флота Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и Михаила Петровича Лазарева. Факт открытия ими в 1820 году Антарктиды вновь поразил его воображение. Моментально возникла идея посвятить свою жизнь изучению этого материка и всех прилегающих к нему южных морей.

Прибыв во Владивосток, крейсер «Рюрик» встал на плановый профилактический ремонт, а часть его команды перешла на другие корабли. Колчак и ещё несколько его сослуживцев попали на клипер «Крейсер». На этом корабле проходили морскую практику будущие боцманы и унтер-офицеры флота. На новом месте Колчак выполнял уже знакомые ему функции вахтенного офицера. Находясь в частых плаваниях, он продолжил научные наблюдения и на основании полученных данных опубликовал свою первую статью «Наблюдения над поверхностными температурами и удельным весом морской воды, произведённые на

военных кораблях «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 года по март 1898 года». Статья вышла в свет в 1899 году и вызвала определённый интерес океанологов. Это укрепило Колчака в мысли о правильности выбранного им дальнейшего жизненного пути.

С этого момента идея углублённого изучения Антарктиды и прилегающих к ней морей настолько увлекла молодого офицера, что он стал серьёзно подумывать об оставлении военной службы и переходе на коммерческие суда с последующим предложением своих услуг какому-либо иностранному государству, которое согласилось бы финансировать его научные проекты. Эту идею он не только вынашивал в своем уме, но и активно пропагандировал среди сослуживцев. Её популяризации способствовало то обстоятельство, что командир клипера «Крейсер» капитан 1 ранга Цывинский относился к суждениям и деятельности Колчака с большим уважением. Для того, чтобы скрасить монотонность морской жизни своих подчиненных, он организовал на корабле чтение лекций по самой различной морской тематике. В этой работе он принимал личное участие и привлекал к ней других офицеров, в том числе и произведённого в 1898 году в чин лейтенанта Александра Колчака. Лаконичные доклады последнего особенно нравились слушателям. По оценке очевидцев, он говорил всегда чётко, интересно и убедительно, демонстрируя глубокие знания по разным аспектам морской науки и практики. Сам командир корабля нередко заслушивался докладами своего подчинённого, восхищаясь его эрудицией и умелой риторикой. Один из молодых офицеров команды настолько проникся идеями Колчака, что решил вслед за ним списаться на коммерческий флот и посвятить себя изучению Антарктиды.

Между тем, завершив свои плановые работы на Дальнем Востоке, клипер «Крейсер» вернулся к месту постоянной приписки – в военно-морскую базу

Балтийского флота Кронштадт. На причале корабль встречала солидная свита во главе с императором Николаем II и его дядей – великим князем Алексеем Александровичем, генерал-адмиралом, главным руководителем российского военно-морского ведомства. Лейтенант Колчак впервые в жизни имел возможность увидеть рядом с собой самого царя. Ещё на пути в Кронштадт Колчаку удалось узнать о готовящейся под руководством русского флотоводца, учёного и судостроителя адмирала Степана Осиповича Макарова арктической экспедиции на ледоколе «Ермак» для обследования российских приполярных районов. Поэтому 5 мая 1899 года, сразу же по прибытии в Кронштадт, он, захватив с собой изданную им научную статью и данную ему командиром клипера «Крейсер» служебную характеристику, направился к адмиралу с целью получения от него разрешения войти в состав готовящейся экспедиции.

Макаров принял настойчивого посетителя доброжелательно. С интересом просмотрел его научную работу и прочитал служебную характеристику, в которой были отмечены все офицерские достоинства Колчака: дисциплинированность, глубокое знание трёх иностранных языков и логий всех морей, а также истории многих европейских флотов. Несмотря на то, что Колчак по всем своим данным идеально подходил для участия в предстоящей экспедиции, его просьба, по чисто техническим причинам, была отклонена. Дело было в том, что «Ермак» уходил в плавание уже через два дня. За это короткое время даже всесильный Макаров не мог решить вопроса о переводе своего упорного просителя в состав команды ледокола. Для этого требовалось специальное разрешение Морского министра, в ведомстве которого существовали свои регламентные нормы, и в эти нормы быстрое решение вопроса о новом назначении Колчака не укладывалось. Расстроенный, но не потерявший надежду, он решил

продолжить службу на флоте и вскоре принял должность вахтенного офицера на броненосце «Петропавловск», который, как ранее и крейсер «Рюрик», должен был отправиться на Дальний Восток для усиления Тихоокеанской эскадры. С принятием новой должности у Колчака появилась возможность чаще бывать дома. Постаревший отец очень радовался встречам с сыном и, видя его бытовую неустроенность, стал намекать на необходимость женитьбы на «хорошой и умной девушке». В одном из разговоров он даже заявил, что готов такую девушку подыскать. Александр отмалчивался, но отцу в его намерении подыскать невесту не отказал.

Находясь в Петербурге, он установил контакты с Российской Академией наук, которая, как ему стало известно, приступила к подготовке ещё одной экспедиции. В августе 1899 года он уже точно знал, что такая экспедиция назначена и её возглавит известный русский полярный исследователь барон Эдуард Васильевич Толль. В сентябре 1899 года, вернувшись со своим кораблём в Кронштадт после завершения дополнительных ходовых испытаний, Колчак за две недели до убытия «Петропавловска» на Дальний Восток обратился с записками к Толлю и в Академию наук с просьбой о включении его в состав новой экспедиции. Быстрого ответа не последовало, и он был вынужден вновь уйти в длительное плавание. Через Балтику и Северное море «Петропавловск» проследовал в Атлантический океан и далее, вдоль европейского побережья – в Средиземное море. В пути, переживая очередную неудачу, Колчак задумал списаться с корабля и отправиться на англо-бурскую войну, чтобы воевать на стороне повстанцев.

Свой рапорт на списание с корабля он, к счастью, подать не успел. «Петропавловск» вошёл в греческий порт Пирей для дозаправки топливом и продовольствием. Здесь Колчака ожидал приятный сюрприз. На

его имя из российского консульства была доставлена телеграмма, в которой сообщалось, что ему предлагается должность вахтенного офицера на шхуне «Заря» экспедиции барона Толля. Колчак тотчас же дал положительный ответ и, при содействии консульского работника, пассажирским пароходом убыл в Одессу, а затем поездом – в Петербург. Прибыл он сюда 15 января 1900 года и уже на следующий день был принят начальником экспедиции бароном Толлем, который в обстоятельной беседе сориентировал своего нового сотрудника относительно его будущих обязанностей. Колчаку помимо функций вахтенного офицера предлагалось ведение научных работ по гидрографии, гидрологии, астрономии и магнитологии. По двум последним видам научных работ у лейтенанта не было достаточных практических знаний, поэтому он, по рекомендации Толля, убыл на учёбу на специальные курсы при Петербургской физической и Павловской магнитной обсерваториях. Начинался новый, один из наиболее значимых этапов жизни Колчака, который он рассматривал как обстоятельную подготовку для будущей работы по исследованию Антарктиды.

Бросок на Север

Главной целью экспедиции барона Толля являлась научно-исследовательская работа в интересах практического освоения Северного морского пути. В перечень основных задач экспедиции входило: углубленное изучение побережья Таймыра и Новосибирских островов, уточнение навигационных особенностей северных русских морей, поиск Земли Санникова, переход вдоль северного побережья России до Берингова пролива с последующим выходом в Тихий океан.

Шхуну «Заря» принимали в Ларвике – небольшом норвежском городе близ Осло. Во время приёмки суд-

на Колчак, по заданию Толля, провёл рабочую встречу с норвежским полярным исследователем Фритъофом Нансеном. От него молодой офицер получил немало полезных советов по гидрологии и организации магнитоизмерительных работ, которые были использованы затем в ходе самой экспедиции. После завершения приёмки «Заря» совершила переход из Ларвика в Петербург. К концу мая 1900 года она была полностью готова к предстоящему плаванию. 29 мая на её борт поднялась высочайшая делегация во главе с императором Николаем II. Царя сопровождали его младший брат Михаил и целый ряд представителей Академии наук и Морского министерства. Это был второй случай, когда Колчак видел царя и даже слышал его напутственные речи в адрес начальника экспедиции Толля.

Через три дня на шхуне побывал и президент Российской академии наук великий князь Константин Константинович. При его участии был утверждён окончательный список экспедиции. В него вошли: начальник экспедиции Эдуард Васильевич Толль; командир «Зари» 33-летний лейтенант Николай Николаевич Коломейцев (позднее из-за ссоры с Толлем он оставил свой пост и передал командование помощнику командира лейтенанту Фёдору Андреевичу Матисену). Третьям в списке судовой команды значился лейтенант Колчак. В состав экспедиции также вошли: врач-бактериолог Герман Эдуардович Вальтер; старший зоолог, сотрудник Зоологического музея Академии наук Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (далее по тексту – Бируля); астроном и магнитолог кандидат физико-математических наук Фридрих Георгиевич Зееберг. Экипаж судна, помимо командного состава, включал ещё 13 человек: боцмана, старшего механика, машиниста, трёх кочегаров, четырёх матросов-рулевых, двух матросов боцманской команды и повара.

Помимо основной экспедиции для решения обеспечивающих задач, была сформирована и вторая

(сухопутная) экспедиция, которую возглавил геолог Константин Адамович Воллосович. Эта экспедиция должна была по сущему выдвинуться на Север в район посёлка Казачий, что расположен в устье реки Яна. В задачу экспедиции входило создание продовольственных складов на территории Новосибирских островов для нужд членов основной экспедиции в случае их зимовки на островах. Параллельно с этим перед Воллосовичем ставился ряд научных задач по проведению геологических, зоологических и ботанических исследований. С этими задачами его группа, состоящая из 11 человек, как показало время, справилась успешно.

Выход шхуны «Заря» в плавание был назначен на 8 июня 1900 года. Но ещё до этого момента в жизни Колчака совершилось важное для него событие. Он, при содействии отца, познакомился с очень миловидной, скромной и умной девушкой Софьей Фёдоровной Омировой. Молодые люди понравились друг другу и решили создать семью. Состоялась помолвка, но свадьба была отложена на неопределённый срок из-за предстоящей полярной экспедиции, которая началась в ранее обусловленное время. 8 июня 1900 года шхуна «Заря» отошла от причала в устье Невы и взяла курс на Кронштадт. Здесь её встретил и проводил в дальнейшее плавание губернатор крепости вице-адмирал Макаров.

Спустя месяц, 11 июля 1900 года, преодолев Балтийское, Северное, Норвежское и частично Баренцево моря, «Заря» бросила якорь на рейде Кольского залива. Пополнив здесь запасы угля и продовольствия, и погрузив на борт партию ездовых собак, шхуна продолжила путь на восток к Новосибирским островам. Именно из района этих островов предполагалось начать поиск легендарной Земли Санникова, которую с мыса Высокий острова Новая Сибирь в 1810 году за широкой водной гладью наблюдал промышленник (охотник за пушным зверем) Яков Санников. С этого

момента на протяжении почти ста лет поиском загадочной земли занимались русские, шведские, норвежские, канадские и американские полярники, но она оставалась для них неразгаданной тайной, которую страстно желал раскрыть Толль. Именно по этой причине, используя имеющиеся благоприятные навигационные возможности, он неистово, вплоть до второй половины сентября 1900 года, спешил на восток. Дальнейшему движению помешала тяжёлая ледовая обстановка, и шхуна «Заря» была вынуждена встать на длительную зимнюю стоянку в бухте Колина Арчера, недалеко от Таймырской губы. Зимовка затянулась на 11 месяцев. За это время Толль предпринял ряд рабочих поездок на собачьих упряжках вдоль побережья и вглубь восточной части Таймырского полуострова с целью уточнения географического положения береговой черты, взятия проб морской воды, установления скорости и направления морских течений, изучения ледового покрытия, промеров глубин и взятия проб грунта на предмет наличия в них полезных ископаемых и останков древних животных.

Во всех этих работах активное участие принимал и Колчак. Благодаря его стараниям, было уточнено географическое положение целого ряда участков береговой линии Западного Таймыра и находящихся здесь островов. Деятельность Колчака была отмечена бароном Толлем. Он высоко оценил работу молодого учёного и в своих дневниковых записях отмечал, что Колчак, «не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии. Научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудность соединить обязанности морского офицера с деятельностью учёного». Для увековечения памяти своего гидролога, как и некоторых других членов экспедиции, Толль решил назвать ряд вновь открытых в восточной части Таймырского залива островов и бухт их именами. Один из небольших островов получил имя Кол-

чака, а прилегающие к нему бухта и пролив – имена астронома Зееберга и матроса Растворгева.

Первая зимовка завершилась лишь 12 августа 1901 года с началом общей подвижки льда. Образовавшийся мощный поток воды вынес «Зарю» с места стоянки в открытое море. Воспользовавшись этим обстоятельством, шхуна незамедлительно устремилась к острову Беннетта, самой северной точке Новосибирских островов, с которой нетерпеливый Толль хотел наконец обнаружить желанную для него Землю Санникова. Однако это намерение не увенчалось успехом из-за наличия в районе острова тяжёлых льдов. «Заря» вынуждена была вернуться на юг и встать на стоянку в закрытой от штормов бухте Нерпичья в западной части острова Котельный. Здесь с сентября 1901 года началась вторая длительная зимовка экспедиции Толля. Эту зимовку он решил всецело посвятить плановым научно-исследовательским работам и поиску Земли Санникова. Плановыми работами занимались сам Толль и все остальные члены его команды, в том числе и Колчак. Осуществлялись гидрологические, гидрографические, астрономические и магнитологические работы, устраивались продовольственные склады на Котельном, велась охота на диких оленей для пополнения запасов свежего мяса.

В декабре 1901 года экспедиция понесла первую потерю – умер тяжело заболевший, но не получивший необходимой медицинской помощи, врач-бактериолог Вальтер. От частых переохлаждений в январе 1902 года с высокой температурой слёг Колчак. У него обнаружилось воспаление надкостницы верхней челюсти. Он быстро поправился, но перенесённая болезнь отрицательно сказалась на состоянии его зубов. Выполняя указания Толля, в апреле 1902 года на северное побережье острова Котельный для поиска Земли Санникова отправился командир «Зари» лейтенант Матисен. Достигнув побережья, он по льду с двумя погон-

щиками собак на семь миль углубился в сторону моря. Затем, наткнувшись на широкую полынью, вынужден был вернуться назад. После этого из района зимовки на поиски загадочной земли засобирался сам Толль. С ним согласились идти астроном Зееберг и два погонщика собак. Путь группы лежал с острова Котельный через Благовещенский пролив на остров Новая Сибирь и далее по морю – на остров Беннетта. Осторожный Матисен пытался удержать Толля от рискованного перехода, но тот был непреклонен. «Для меня, – заявил он, – путь домой лежит только через гавань Беннетта». Повлиять на Толля не мог и Колчак, так как в это время он находился на очередных исследовательских работах в центральной части острова Котельный. Толль покинул стоянку в конце мая 1902 года. Его группа на трёх нартах, которые помимо обычных грузов, везли и лёгкую байдарку, пройдя вдоль северного побережья островов Котельный и Фаддеевский, пересекла Благовещенский пролив и 21 июня 1902 годы достигла мыса Высокий на северо-западной оконечности острова Новая Сибирь. От этой точки лежал самый короткий путь на остров Беннетта. На него группа высадилась лишь месяц спустя – 21 июля 1902 года.

Предвидя очевидный риск перехода на остров Беннетта, Толль, перед своей отправкой на него, дал ряд письменных указаний лейтенанту Матисену. Из этих указаний следовало, что в случае гибели Толля, все права начальника экспедиции автоматически переходят к нему. С началом навигации Матисену следовало на шхуне «Заря» подойти к южной оконечности острова Беннетта и снять с него находящуюся здесь научную группу. Если из-за ледовой обстановки сделать этого не удастся, то, по израсходованию судовых запасов угля до предельной нормы в 15 тонн, необходимо было немедленно отправиться на юг в порт Тикси и далее через Сибирь по железной дороге – в Петербург для доставки туда всех собранных научных материа-

лов. С приездом в Петербург надлежало организовать новую, но теперь уже спасательную экспедицию.

Выполняя указания Толля, команда «Зари» в первой половине августа 1902 года предприняла ряд попыток подойти к острову Беннетта. Сделать этого не удалось из-за наличия вокруг острова тяжёлых, непроплавимых для шхуны льдов. Из всех имеющихся на борту судна запасов угля к концу этих попыток осталось лишь 8 тонн. Стало очевидным, что снять группу Толля с Беннетта не удастся. Матисен был вынужден срочно убыть в порт Тикси. Туда «Заря» прибыла 25 августа 1902 года. Через неделю часть её экипажа отправилась в Петербург. По прибытии в столицу в декабре 1902 года, Матисен, Воллосович и Колчак были приглашены на заседание специальной комиссии по организации новой спасательной экспедиции.

В ходе заседания были заслушаны краткие научные доклады Матисена и Колчака. Затем обсудили вопрос о возможных путях спасения пропавшей группы Толля. Ввиду того, что по этому вопросу единого решения найдено не было, к нему согласились вернуться через месяц на расширенном совещании под председательством президента Академии наук великого князя Константина Константиновича. Это совещание состоялось 7 января 1903 года. На нём присутствовали Матисен и Воллосович. Колчака, по неизвестной нам причине, не пригласили. Рассматривалось два варианта спасения группы барона Толля. Первый вариант предусматривал использование шхуны «Заря», которая с открытием навигации должна была выйти из Тикси к острову Беннетта и там найти затерявшуюся группу. Второй вариант предполагал спасение Толля и его спутников с помощью ледокола «Ермак». Спасательную операцию на «Ермаке» согласился возглавить адмирал Макаров. После продолжительной дискуссии оба варианта были отклонены. По сообщению командира «Зари», стало очевидным, что, находящаяся под его командо-

ванием шхуна неспособна справиться с поставленной задачей, так как после более чем двухлетнего плавания в арктических широтах она получила ряд серьёзных повреждений и нуждалась в капитальном ремонте. Отправку «Ермака» в зону поиска пропавших людей также сочли невозможной из-за дороговизны проекта и опасения, что ледокол в районе Новосибирских островов может сесть на мель из-за того, что промеры глубин в этих местах не были завершены.

Возникла пауза, и в этот момент начальник вспомогательной экспедиции Воллосович от имени лейтенанта Колчака заявил, что к острову Беннетта можно отправиться на штатном спасательном вельботе* шхуны «Заря». Предложение, после незначительных дебатов, было единогласно принято и уже 9 января 1903 года 29-летний лейтенант Колчак был утверждён членами совещания начальником намеченной спасательной экспедиции. Спустя месяц, получив и частично израсходовав денежные суммы на формирование команды и закупку различных материальных средств, Колчак и его спутники выехали поездом в Иркутск. К месту стоянки «Зари» добрались лишь к началу апреля 1903 года. На шхуне застали прибывшего сюда немногим ранее Матисена. Академией наук ему было поручено продать шхуну какой-либо из местных пароходных компаний. Покупателей не нашлось. Оставленное экипажем судно выбросило штормом на берег, где оно простояло более 30 лет, пока не было полностью разрушено людьми и непогодой.

Колчак набрал в свою экспедицию 17 человек. Это были опытные люди, хорошо знавшие местные арктические условия. С их помощью с «Зари» был снят и погружен на нарты 500-килограммовый вельбот. Нарты потащили 30 ездовых собак. Из Тикси экспе-

* Вельбот – корабельная спасательная шестивёсельная шлюпка с одинаково заострёнными носовой и кормовой частями корпуса, имеющая как вёсельное так и парусное вооружение.

диция направилась через селение Казачье к мысу Святой нос и далее по льду, через Ляховские острова, на остров Котельный. Следуя по острову с запада на восток, добрались до Благовещенского пролива. По пути опрашивали всех попадавшихся им навстречу охотников-промысловиков о возможном обнаружении ими каких-либо следов группы Толля. На Котельном таких следов найдено не было. И лишь на острове Новая Сибирь была обнаружена записка от 11 июля 1902 года, в которой сообщалось, что Толль и его спутники отправляются с мыса Высокий на остров Беннетта.

С этого мыса вслед за группой Толля предстояло пройти и Колчаку. Из 17 членов экспедиции для дальнейшего перехода по количеству командирского и гребных мест вельбота, было отобрано только семь самых опытных, физически крепких мужчин. 130-километровый путь между мысом Высокий и южной оконечностью острова Беннетта преодолели за двое суток. Шли преимущественно по открытому морю на вёслах, при попутном ветре – под парусом. Южной оконечности острова Беннетта достигли 4 августа 1903 года. Здесь, в обусловленном месте, отыскали вторую записку Толля, в которой был описан маршрут движения его группы. Следуя этим маршрутом, вышли к месту последней стоянки Толля – небольшой охотничьей избушке, где обнаружили повреждённые измерительные приборы и геологическую коллекцию. Здесь же нашли третью и последнюю записку, которая гласила: «Отправляемся сегодня на юг. Провизии имеем на 14-20 дней. Все здоровы. 26 октября 1902 года». Движение на юг предполагало движение по открытому морю на лёгкой байдарке. Путешествие осложнялось тем, что в сентябре-ноябре месяце вокруг Новосибирских островов скапливается «шуга» – полужидкая ледяная масса, преодолеть которую на перегруженной байдарке не представлялось возможным, пеший вариант движения исключался полностью. Оценив ситуацию,

Колчак пришёл к неутешительному выводу, что Толля и его людей ему найти не удастся, так как они с большой степенью вероятности погибли в ледяной воде между островами Беннетта и Новая Сибирь. Тщательно обследовав остров Беннетта и забрав с собой часть геологической коллекции, поисковая партия Колчака отправилась в обратный путь. 11 августа 1903 года его группа добралась до берегов Новой Сибири. Обследовав этот остров и убедившись, что Толль на него не высаживался, преодолели Благовещенский пролив и 18 августа 1903 года прибыли на остров Котельный. Здесь, в ожидании постановки льда, задержались ещё на полтора месяца. На материк отправились на собачьих упряжках только во второй половине ноября. До селения Казачье добрались 7 декабря 1903 года. О возвращении на материк Колчак телеграммой известил Российскую Академию наук. В ней он кратко изложил результаты проведённой поисковой операции, отметив, что на территории обследованных им Новосибирских островов «никаких следов, указывающих на возвращение кого-либо из людей партии барона Толля не нашлось». Результаты спасательной операции были печальными. Но эта печаль была скрашена неожиданным для Колчака событием. К нему в Заполярье в разгар зимних холодов приехала невеста Софья Омирова. Её приезду он был удивлён и обрадован. С момента их помолвки прошло целых три года. Наступил момент, когда они могли осуществить свою давнюю мечту, – обвенчаться законным православным браком. Невеста Колчака, выпускница Смольного института благородных девиц, была высокообразованной, независимо мыслящей, в совершенстве владеющей несколькими иностранными языками, девушкой. Она была хороша собой и придерживалась, как в своё время и мать Александра – Ольга Ильинична, простых бытовых правил, не стремилась к роскоши, была трудолюбива и религиозна. В Казачье она добралась че-

рез всю огромную Россию на поездах, судах, а затем и на оленях – в зимнее время в очень морозную погоду.

В посёлке пробыли всего несколько дней и затем вместе с несколькими участниками спасательной экспедиции на собачьих упряжках отправились в Верхоянск и через него – в Якутск. Далее путь лежал к первой железнодорожной станции – городу Иркутску. Между тем, известие о завершении спасательной экспедиции получило в России самую широкую огласку. Под давлением общественного мнения и по ходатайству Российской академии наук, Колчак был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени. Тогда же за ним закрепилось имя Колчака-Полярного. Всё это, безусловно, льстило 29-летнему лейтенанту флота. Но он понимал, что результаты экспедиции Толля трагичны, в том числе и потому, что её основные цели не были достигнуты: не удалось пробиться к Берингову проливу и не была найдена Земля Санникова. Как выяснилось впоследствии, жертвенный поиск этой Земли Толлем оказался напрасным, так как такой земли на самом деле не существовало. На месте, где в 1810 году её видел Яков Санников, много лет спустя русскими гидрологами была обнаружена на глубине 30-40 метров от поверхности моря донная возвышенность (банка), которая могла служить основанием для многометрового ледяного покрытия с вкраплением в него намытого морем песка и гальки. Со временем это покрытие из-за потепления местного климата растаяло и к моменту прихода к нему шхуны «Заря» полностью исчезло с морской поверхности. К Берингову проливу Толль, если бы он и остался в живых, также пробиться бы не смог, потому что ходовой ресурс шхуны «Заря» к концу 1903 года был полностью исчерпан. За длительный, более чем двухгодичный период плавания в северных широтах у неё разбалансировался гребной вал, корпус начал пропускать морскую воду, плохо работали основной и вспомогательный двигатели.

Что касается Колчака, то он в ходе двух арктических экспедиций показал высокий профессионализм, систематическое стремление к расширению и углублению научных знаний, способность работать в тяжёлых условиях Севера. Ему были свойственны решительность, сильная воля и высокие организаторские способности, особенно в ходе второй, самостоятельной для него экспедиции. В ней он рисковал здоровьем, а иногда и жизнью. На Беннетте, стремясь как можно быстрее отыскать последнюю стоянку Толля, провалился под лёд и от температурного шока потерял сознание. Мог реально погибнуть, и только быстрая помощь товарищей спасла ему жизнь. Безусловным достижением Колчака являлось также то, что он правильно спланировал и успешно провёл возглавляемую им спасательную операцию. Особенно важно то, что все её участники благополучно вернулись на материк.

Годы, проведённые в двух трудных арктических экспедициях, не могли не сказаться на характере и здоровье Колчака. В ходе первой экспедиции он часто проявлял раздражительность и неуравновешенность, иногда на значительное время погружался в депрессию. Это замечали окружающие. Даже высоко ценивший его Толль отмечал, что в случае каких-либо неудач Колчак впадал в скверное, длившееся по нескольку часов, а иногда и суток, настроение. Это настроение он не умел скрывать и часто срывался на подчинённых. От этого тяготившего его настроения он иногда пытался излечиться охотой на зверей или отстрелом больных собак. Находящийся с ним в приятельских отношениях зоолог Бируля отмечал, что «лейтенант-гидрограф придиличивый к матросам, с собаками и вовсе строг, а дикого зверя и птиц рассматривал только через прорезь своего винчестера». Такие охоты зачастую носили бессмысленный и жестокий характер: убивалось сразу до десятка белых медведей или моржей, мясом и шкурами которых потом никто не пользовался.

По оценке первого командира «Зари» лейтенанта Коломейцева, Колчаку в этот период была свойственна и некоторая избирательность в подходе к служебной деятельности. «На всякую работу, не имеющую отношения к судну, – писал он, – Колчак смотрит как на неизбежное зло, и не только не желает содействовать ей, но даже относится к ней с какой-то враждебностью». Таков был Колчак. Отметим, однако, ещё раз, что в очень трудных условиях арктических экспедиций он проявил себя вполне достойно, несмотря на то, что вынужден был часто преодолевать волевым усилием усталость, недомогания и обретённые на севере болезни: мучавший его всю последующую жизнь ревматизм, хронические проблемы с зубами и лёгкими.

Участие в Русско-японской войне

В Якутск группа во главе с Колчаком прибыла 26 января 1904 года. И уже на следующий день её члены узнали, что в ночь с 26 на 27 января японский флот без объявления войны атаковал русские военные корабли, стоящие на внешнем рейде Порт-Артура*. Началась Русско-японская война. Получив это известие, Колчак принял решение убыть на Тихоокеанский флот. Для реализации своего замысла он в срочном порядке направил телеграмму на имя президента Российской Академии наук, в которой просил исключить его из состава служащих Академии и вернуть в кадры Морского министерства. Решение состоялось быстро. Но-

* Порт-Артур – незамерзающий порт на берегу Жёлтого моря, который наряду с портом Дальний и южной частью Ляодунского полуострова, в соответствии с русско-китайской конвенцией от 27 марта 1898 года, был передан в аренду России сроком на 25 лет с правом строительства здесь военно-морской крепости и прокладкой к ней харбинской ветки Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

вым местом службы лейтенанта Колчака был определён Порт-Артур.

Из Якутска продолжили движение на Иркутск. Сюда добрались лишь 26 февраля 1904 года, пробыв в пути более 20 дней. Молодых встретил отец жениха – Василий Иванович Колчак. Он прибыл сюда специально, чтобы повидаться с сыном после почти четырёхлетней разлуки. Помимо этого, по просьбе Александра, он должен был благословить его брак с Софьей Омировой. После улаживания некоторых формальностей состоялась процедура бракосочетания. 5 марта 1904 года молодожёны обвенчались в местном Морском храме святого Харалампия (в наше время храм отремонтирован и используется по прямому назначению).

В последующие пять дней Колчак передал дела экспедиции своему преемнику и составил краткий отчёт о результатах поиска пропавшей группы барона Толля, к которому приложил все имеющиеся научные материалы. Всё это он отправил в Академию наук с убывающей в Петербург группой своих бывших соратников. Сам же, простившись с отцом и молодой женой, срочно убыл в Порт-Артур.

К месту назначения Колчак прибыл вечером 18 марта 1904 года и на следующий день отправился на доклад к командующему 1-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмиралу Макарову. В разговоре с ним он попросил должность командира миноносца, что соответствовало его лейтенантскому званию. Макаров, однако, посоветовал Колчаку отдохнуть от накопившейся за время арктических странствий усталости и «пожить в человеческой обстановке на большом судне». 20 марта 1904 года Колчак приказом комфлота был назначен вахтенным начальником на лёгкий крейсер-разведчик «Аскольд». Этот быстроходный корабль выполнял разведывательные задачи в море и прикрывал действия миноносцев во время постановки ими минных заграждений. «Аскольд» входил в корабельную группу

пу, в составе которой находился броненосец «Победа», на котором в качестве командира штурманской части служил лейтенант Сергей Николаевич Тимирёв, муж Анны Тимирёвой, ставшей впоследствии гражданской женой Колчака.

31 марта 1904 года в Порт-Артуре произошло трагическое событие: на внешнем рейде на японских минах подорвался флагманский корабль броненосец «Петропавловск» (тот самый, на котором когда-то перед первой полярной экспедицией служил Колчак). Погибли командующий флотом и значительная часть команды. Из семисот человек удалось спастись лишь семидесяти трём. В этот переломный момент Колчак вновь подал рапорт о переводе в состав миноносной флотилии. 17 апреля 1904 года он был назначен на должность старшего офицера минного заградителя «Амур», а спустя четыре дня, под своё командование получил миноносец «Сердитый», входивший в состав 2-го отряда порт-артурской минной флотилии. Миноносцы этого отряда, по оценке его бывшего командира капитана 2 ранга Михаила Бубнова, «в течение осады Порт-Артура несли каторжную, мало вознаграждённую затем службу... Разводить пары приходилось несколько раз в день, порой по ничтожному поводу, потому что миноносцы были у командования на постоянных побегушках».

Подобной же оценки придерживался и упомянутый ранее лейтенант Тимирёв. В своих воспоминаниях он отмечал: «Служба миноносцев была чрезвычайно тяжела и в то же время почти безрезультативна. Отдельные самостоятельные экскурсии одного или двух миноносцев, предпринимаемые по личной инициативе командиров, не встречали никакого сочувствия со стороны адмиралов и часто вовсе отменялись. Дневные отрядные экспедиции обыкновенно кончались нелепыми артиллерийскими баталиями с неприятельскими миноносцами на дальних дистанциях, одинаково

безвредными для обеих сторон. В Артуре на миноносцы смотрели как на посыльные суда. Настоящее же назначение – неожиданные минные атаки – почти полностью игнорировалось. Всё это тем более было жаль, что набор командиров, по общему мнению, был превосходным, особенно выделялись лейтенанты Максимов, Лепко, Колчак и Плен...». Положение Колчака, как мы видим, ничем не отличалось от положения других командиров миноносцев. Он выполнял такую же обычную, малозаметную, порой очень изнурительную работу, которая диктовалась условиями военного времени. Поэтому героизировать личный вклад Колчака в борьбу с японским военно-морским флотом, как это делают некоторые его биографы (Плотников, Миллер и др.), на мой взгляд, не совсем корректно.

На боевое задание миноносцы выходили, как правило, парами. С Колчаком в качестве командира миноносной группы обычно работал лейтенант Александр Хоменко. Вместе они осуществляли плановые минные постановки в районах, где было замечено движение вражеских кораблей, вместе участвовали в тралении японских донных мин, вместе обстреливали из корабельных орудий позиции японских сухопутных сил на подступах к Порт-Артуру. На одной из выставленных Колчаком минных банок 30 ноября 1904 года недалеко от Порт-Артура подорвался и затонул новейший японский быстроходный крейсер «Такасаго». При этом погибла вся его команда: 23 офицера и 250 нижних чинов. Об этом происшествии Колчак узнал лишь в конце обороны Порт-Артура и этой победой гордился. В июне 1904 года он заболел воспалением лёгких и был помещён на месяц в порт-артурский военный госпиталь. На корабль вернулся лишь в июле 1904 года. В это время японцы приступили к блокаде артурской крепости с суши. Начались систематические обстрелы внутренней гавани, где находились корабли русской эскадры. Их деятельность против кораблей против-

ника на внешнем рейде Порт-Артура с этого момента практически прекратилась. В этих условиях Колчак решил перейти на сухопутный фронт. 18 октября 1904 года он сдал дела командира миноносца «Сердитый» и поступил в распоряжение командира артурского порта контр-адмирала Ивана Константиновича Григоровича, будущего Морского министра России и будущего покровителя Колчака. На миноносце «Сердитый» Колчак прослужил ровно шесть месяцев, за что был награждён орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Главным же его достижением за этот период можно считать установление знакомств с теми людьми, которые в последующем окажут существенное влияние на его служебную карьеру. К ним в первую очередь следует отнести уже упомянутого контр-адмирала Григоровича, командира броненосца «Севастополь» капитана 2 ранга Николая Оттовича Эссена и командира 1-го отряда порт-артурской минной флотилии лейтенанта Адриана Ивановича Непенина, которые последовательно, друг за другом, занимали, спустя десятилетие, пост командующего Балтийским флотом.

В порт-артурской эскадре Эссен прославил своё имя тем, что настойчиво добивался активизации деятельности против японского флота оставшихся в строю кораблей, в том числе и броненосца «Севастополь», для того, чтобы обеспечить приход балтийского отряда вице-адмирала Зиновия Рожественского, который был в пути на Дальневосточный театр военных действий. Ему даже было дано разрешение на выход в море с последующим движением на юг для соединения с кораблями этого отряда. В ночь на 26 ноября 1904 года Эссен вывел «Севастополь» на внешний рейд, где к нему присоединилось несколько находящихся здесь уцелевших миноносцев. Путь в Жёлтое море был открыт, но последовал приказ: «Дальнейшее движение прекратить». После этого броненосец ещё некоторое время принимал участие в постановке минных за-

граждений и отражении атак японских кораблей. В декабре 1904 года он был торпедирован одним из вражеских миноносцев и более в морских сражениях не участвовал. Перед сдачей Порт-Артура «Севастополь» был отбуксирован на большую глубину и затоплен своей командой. Командир оставил борт тонущего корабля последним.

К моменту начала войны с Японией артурская крепость была ещё не достроена. Укрепления её сухопутного фронта не были готовы и представляли собой линию долговременных фортов, земляных укреплений и отдельно стоящих батарей, промежутки между которыми были заполнены блиндажами и окопами. Вся линия была окружена вынесенным в сторону противника кольцом проволочных заграждений и минных полей. Отдельные артиллерийские батареи были также вынесены вперёд и размещались на вершинах окружающих крепость гор. К числу таких батарей относились и те, что были размещены в центральной части оборонительной линии, в вооружённом секторе Скалистых гор. В качестве командира одной из таких батарей, имеющих на вооружении 120- и 47-миллиметровые морские орудия, 2 ноября 1904 года был назначен 30-летний лейтенант Колчак. Над его батареей, на той же самой горе, размещалась ещё одна батарея из десяти 75-миллиметровых орудий. Обе батареи находились под командованием бывшего напарника Колчака по миноносному отряду лейтенанта Хоменко, также, но чуть ранее, перешедшего на сухопутный фронт. Жили в небольшом блиндаже с земляным полом, бревенчатыми стенами и маленьким камином для разогрева пищи и внутреннего обогрева. Колчак знал артиллерийское дело хорошо. Суть его боевой работы состояла в систематическом обстреле наседающих на Порт-Артур со стороны Ляодунского полуострова японских сухопутных войск. Обороной крепости Порт-Артур руководил талантливый рус-

ский генерал Роман Исидорович Кондратенко. По его указанию вокруг крепости были проведены большие фортификационные работы. Но порт-артурцам фатально не везло. 2 декабря 1904 года Кондратенко осматривал только что отремонтированный крепостной форт. В момент его нахождения в одном из казематов этого форта разорвался тяжёлый японский снаряд. Погибли сам Кондратенко и ряд сопровождавших его старших офицеров. Порт-Артур лишился своего защитника. Это была самая тяжёлая потеря после гибели адмирала Макарова.

Между тем, натиск японских войск с суходутного направления всё усиливался. Ими были предприняты последовательно четыре мощных штурма: 6 августа, 6 сентября, 30 октября и 13 ноября 1904 года. В отражении двух последних массированных атак принимал участие и Колчак. К утру 19 декабря 1904 года части противника дошли до Скалистых гор. На следующее утро они овладели русскими позициями на высотах Большого Орлиного гнезда, находящимися в двух километрах впереди от позиций батареи, на которой служил Колчак. 20 декабря он должен был начать обстреливать эти высоты, но в это время от командования крепости поступил приказ: «Первыми огня не открывать». Как выяснилось позже, на этот день было намечено подписание соглашения о капитуляции, которую должен был принять командующий осаждавшей Порт-Артур 3-й японской полевой армией генерал Ного. Данное соглашение состоялось в обход мнения Совета обороны крепости по инициативе начальника Ляодунского укрепрайона генерал-лейтенанта Стесселя и сменившего Кондратенко на посту командующего суходутной обороной Порт-Артура генерал-лейтенанта Фока.

20 декабря 1904 года соглашение о капитуляции вступило в силу, и в Порт-Артур вошли японские войска. Это произошло на 329-й день обороны кре-

ности. По оценке специалистов, Порт-Артур мог бы держаться ещё очень длительной время, так как из его 50 укреплённых фортов из строя было выведено только 20. В строю находилось около 35 тысяч готовых продолжить сражение офицеров, солдат и матросов. На вооружении фортов в хорошем техническом состоянии оставалось 610 крепостных орудий и большой арсенал снарядов. Имелось большое количество муки, хлеба, сухарей и другого продовольствия. К этому следует добавить, что крепость, до её сдачи, продолжала играть большую стратегическую роль, оттягивая на себя целую, полностью укомплектованную японскую армию. За время осады эта армия потеряла свыше 112 тысяч человек убитыми и ранеными, что требовало постоянного её пополнения всё новыми и новыми резервистами. Из-под стен Порт-Артура 3-я армия была переброшена на север, в Маньчжурсскую группировку японских войск, увеличив их численность почти на треть, что в немалой степени предопределило поражение России и на сухопутном театре военных действий. За предательство интересов России Стессель был судим и приговорён к смертной казни, которая позднее была заменена на длительное тюремное заключение. В 1909 году он был помилован.

21 декабря 1904 года, по приказу своих начальников, Колчак оставил вверенную ему батарею. В дневнике по этому поводу он оставил следующую запись: «За ночь мы кое-что уничтожили, но пушек не трогали и вообще взрывов никаких не устраивали... Около 11 часов приказано было сдать все ружья и ружейные патроны, что я и сделал... К вечеру снял посты, оставил только дневальные на батарее, и увёл команду в город». Так для Колчака закончилась первая в его жизни война. На позициях в районе Скалистых гор он провёл ровно 49 дней, а в целом в артурской кампании – восемь месяцев. Сдав дела, легко раненный в ногу и страдающий ревматизмом, Колчак слёг в русский плавучий госпит-

таль, где провёл более трёх месяцев. В апреле 1905 года японское командование перевело этот госпиталь со всем его персоналом и находящимися в нём ранеными и больными русскими военнопленными из Порт-Артура в японский город Нагасаки. Вскоре, однако, испытывая тяжёлую экономическую нагрузку по содержанию большого числа русских военнопленных, оно приняло решение отпустить их на Родину при условии, что они, в соответствии с актом о капитуляции, дадут подпись об отказе участвовать в войне против японского государства. Около 50% русских офицеров, в том числе и из начальствующего состава, такую подпись дало. Не известно, давал ли её Колчак. Эссен, например, такую подпись давать отказался и потому ещё длительное время содержался в японском плену. Колчак же с группой других пациентов военного госпиталя получил право на выезд в Россию. Уже в пути на Родину он узнал, что в мае 1905 года в Цусимском сражении была почти полностью уничтожена японским флотом 2-я русская Тихоокеанская эскадра и, прибывший с Балтики, отряд Рожественского. Россия полностью проиграла войну. 23 августа 1905 года, при посредничестве Соединённых штатов Америки, был подписан невыгодный для неё Портсмутский мирный договор. В соответствии с ним Россия признала Корейский полуостров сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с морскими базами Порт-Артур и Дальний, а также обязалась вывести свои оккупационные войска из Маньчжурии.

Военная катастрофа России в Русско-японской войне явилась следствием целого ряда неблагоприятных для неё обстоятельств. Главное из них состояло в том, что страна оказалась не подготовленной к большой войне с сильным противником. Сказалась также плохо поставленная разведывательная работа, в результате чего численность сухопутной группировки

японских войск была занижена почти на треть. Отрицательное воздействие также оказали: хроническая техническая отсталость, особенно в области производства современных порохов и корабельных дальномерных устройств; неумелое руководство войсками и флотом со стороны командного состава, несогласованность планов проведения целого ряда крупных военных операций; плохое взаимодействие между сухопутными войсками и флотом; отсутствие надёжных союзников; враждебное отношение к усилию российского влияния на Дальнем Востоке со стороны Великобритании и США, имевших здесь значительные экономические интересы и обширные рынки сбыта промышленной продукции; участие США и Англии в вооружении японской армии и флота новыми образцами оружия и военной техники. Все эти факторы работали против России, что трагически сказалось на её внутриполитической обстановке, в первую очередь – на жизненном уровне населения страны. На заводах и фабриках многих городов стало возникать забастовочное движение. Оно охватило Петербург, Батум, Ростов-на-Дону, Баку, многие города Украины и Закавказья. 9 января 1905 года многочисленная мирная демонстрация рабочих и членов их семей (жён и малолетних детей) направилась с антивоенными лозунгами и требованиями об облегчении условий труда на Дворцовую площадь, надеясь на прямую встречу с императором Николаем II. Он же предпочёл покинуть столицу, поручив поддержание порядка в городе градоначальнику. Последний направил против безоружных людей части стоячного гарнизона и казачьи конные войска. В результате на площади было убито более тысячи и ранено около двух тысяч человек. Этим безжалостным актом вера в доброго царя в русском народе была полностью и окончательно подорвана. Вслед за событиями 9 января 1905 года вспыхнуло Московское вооружённое

восстание. Началась первая русская революция 1905–1907 годов.

Как раз в это время на Родину вернулся Колчак. Занятый своим здоровьем и служебными делами, к революции он не имел никакого отношения, но стал свидетелем посыпавшегося на участников Русско-японской войны золотого дождя наград. Дело объяснялось тем, что царское правительство, опасаясь распространения революционной смуты в военной, особенно, в офицерской среде, не скучилось на такие награды. Не был обойдён ими и Колчак. В декабре 1905 года ему были пожалованы золотая сабля с надписью «За храбрость» и орден Станислава 2-й степени с мечами. В 1906 году был вручён нагрудный знак «За оборону Порт-Артура». Все эти награды он получил по ходатайству его бывшего командира капитана 2 ранга Хоменко. Наградные списки, в которые был включён Колчак, видимо, подписывал начальник артурского порта контр-адмирал Григорович. Подобным образом были награждены и многие боевые соратники Колчака, в частности – лейтенант Тимирёв, который в ходе порт-артурской обороны водил матросов в штыковые атаки на противника. Ему были также пожалованы ордена и золотая сабля с надписью «За храбрость». Награждения продолжались до полного подавления революционных выступлений, то есть до середины 1907 года. В марте 1907 года Колчаку были вручены «мечи» и «банты» к ранее полученному ордену Святого Владимира 4-й степени. «Царь, – как впоследствии писал Тимирёв, – не скучился на награды для своих верноподданных». Колчак на этом этапе, как следует из его показаний на следствии в Иркутске в 1920 году, сохранял верность монархическому режиму и не сомневался в его благе для России.

Между двумя войнами

В апреле 1905 года Колчак в составе немногочисленной группы русских пленных офицеров, находившихся на излечении в госпитале японского города Нагасаки, по изъявленному им желанию, убыл рейсовым пароходом в Шанхай, а затем через Тихий океан – в Канаду. Из Канады, опять-таки пароходом, добрался до Санкт-Петербурга, где не был уже более двух лет. Вынужденное путешествие, которое в общей сложности длилось около трёх месяцев, существенно подорвало его и без того ослабленное здоровье: резко обострился ревматизм, вновь возникли проблемы с лёгкими. Ощущая хроническое недомогание, Колчак вынужден был обратиться за медицинской помощью. Комиссия пришла к заключению, что пациент нуждается в срочном лечении. Ему была дана временная инвалидность и шестимесячный, оплачиваемый государством, отпуск, который он мог провести только на территории Российской империи.

Для лечения был избран один из южных курортов России. Туда Колчак отправился с женой Софьей Фёдоровной. Через четыре месяца, почувствовав, что здоровье его в значительной степени восстановилось, вернулся в Петербург с намерением в кратчайшие сроки завершить начатый им ранее отчёт о деятельности арктической экспедиции по поиску пропавшей на Беннетте группы барона Толля и привести в порядок научные материалы обеих полярных экспедиций. О своих планах Колчак известил президента Академии наук великого князя Константина Константиновича, и тот, при посредничестве Морского министра, помог ему перевестись в распоряжение Академии наук сроком на четыре месяца.

Состоялся соответствующий приказ, и Колчак получил возможность приступить к работе. Делал он её энергично, быстро, профессионально. В результате

уже к марта 1906 года был завершён и опубликован обстоятельный отчёт «Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряжённая Академией наук для поисков барона Толля». К этому же сроку, при содействии Картографического управления, Колчаку удалось издать три карты на основе коллективных съёмок с изображением более точного очертания западной части Таймырского полуострова и западного побережья острова Котельный. В конце марта 1906 года Колчак завершил большую научную работу «Лёд Карского и Сибирского морей», которая была высоко оценена специалистами Российской Академии наук. Работа спорилась потому, что многие её разделы были вчера не подготовлены ещё в ходе экспедиции. По этой же причине, на основании имеющихся научных материалов, удалось в краткие сроки опубликовать несколько научных статей, поясняющих действия экспедиции Толля по изучению моря Лаптевых и береговой черты северо-западного побережья России. Совместно с лейтенантом Матисеном в это же время была составлена записка для Морского штаба с предложением новых, более совершенных проектов ледокольных судов для дальнейшего исследования Северного Ледовитого океана. Все подготовленные научные материалы были представлены в Академию наук.

Незадолго до этого, 10 января 1906 года, Колчак выступил с докладом на объединённом заседании Русского Географического общества о спасательной экспедиции на остров Беннетта. Научной коллегией Академии действия экспедиции были признаны «беспримерно смелым географическим предприятием, сопряжённым с трудом и опасностью». За это предприятие и «особенно за поход на остров Беннетта», 30 января 1906 года Колчаку была присуждена Большая золотая Константиновская медаль, которой до него было награждено всего несколько человек, в том числе – Нансен и Пржевальский. В феврале 1906 года Колчак стал

действительным членом Русского Географического общества. С этого момента к нему на длительное время пришла настоящая, действительно заслуженная слава. По окончании срока прикомандирования к Академии наук Колчак перевёлся в Морской штаб на должность заведующего Статистическим отделом. Служба на этой должности, требующая учёта и анализа большого количества данных о состоянии и деятельности частей и подразделений флота, складывалась для него хорошо. Его профессионализм, ответственность и научно-аналитические способности высоко ценились командованием. У подчинённых он также пользовался уважением и авторитетом.

Выполняя служебные обязанности в Морском штабе, Колчак, как и многие другие его сослуживцы, пережившие катастрофу русского военно-морского флота в Русско-японской войне, много размышлял о проблемах воссоздания и коренного обновления всей российской флотской системы. В это время, по инициативе ряда молодых офицеров центральных флотских органов управления, был учреждён Петербургский военно-морской кружок, который занялся исследованием этих проблем. Активным членом кружка стал лейтенант Колчак. При его непосредственном участии обсуждались вопросы боевой деятельности и развития русского военного флота.

Одним из первых встал вопрос о реорганизации существующего на тот момент Морского штаба. Тщательно изучив административные структуры и функции этого управленаческого органа, члены кружка пришли к выводу, что при множественности возложенных на него кадровых, мобилизационных, хозяйственных и других задач, штаб практически не имеет возможности заниматься морской стратегией и строительством флота. Эти функции взяло на себя Морское министерство, но и оно, занятое текущими проблемами, этим наиважнейшим вопросам уделяло мало внимания.

Учитывая это, члены кружка в специально составленной записке вышли с предложением о создании на базе действующего Морского штаба нового, но теперь уже – Морского генерального штаба, который бы имел в своих структурах специальные отделы, занимающиеся разработкой стратегических и оперативных задач флота и следящие за развитием и подготовкой его корабельной группировки к войне на всех предполагаемых театрах военных действий. Записка была прочтена Морским министром и через начальника канцелярии направлена на рассмотрение императору Николаю II. Царь признал содержащиеся в записке предложения актуальными и оставил на ней письменное распоряжение: «Создать незамедлительно». Затем последовал императорский указ об образовании Морского генерального штаба с передачей ему всех основных оперативно-стратегических функций и права на разработку программ развития флота.

В апреле 1906 года, несмотря на некоторые возражения со стороны Государственной думы, все структуры Моргенштаба были согласованы и одобрены. В течение последующих двух лет были сформированы все его оперативные и вспомогательные отделы. За эти годы Колчак, оставаясь в прежней должности, за участие в разработке программ строительства флота, был дважды повышен в звании. В 1907 году ему было присвоено восстановленное на флоте звание капитан-лейтенанта. Год спустя он был произведён в капитаны 2 ранга и возглавил один из наиболее важных отделов Морского генерального штаба – Отдел по разработке стратегических задач защиты Балтики. Ему в это время исполнилось 34 года.

Заняв новый ответственный пост, Колчак вынужден был серьёзно заняться изучением состояния и развития всех основных иностранных флотов. Главное его внимание, как и внимание других аналитиков Морского министерства и Моргенштаба, было обращено на герман-

ский флот. Его состояние, программы строительства кораблей и ведущаяся боевая подготовка указывали на то, что этот флот готовится к войне. Были определены вероятные сроки её начала: 1915 год. Исходя из этого, перед Колчаком и офицерами его отдела встал вопрос о скорейшей разработке программы восстановления и коренного обновления корабельного состава Балтийского флота, так как его эскадра, почти в полном составе, погибла в Цусимском сражении в мае 1905 года.

Колчак настаивал и, при поддержке своих непосредственных начальников, проводил в жизнь идею строительства крупных линейных кораблей с мощным артиллерийским, торпедным и минным вооружением. Эту идею он упорно озвучивал на заседаниях Морского генерального штаба, Морского министерства и в комиссии по обороне государственной думы, которую возглавлял известный политический деятель, лидер влиятельной партии «Союз 17 октября», англофил, Александр Иванович Гучков. При его поддержке и при поддержке других реалистично мыслящих членов Думы, удалось принять ранее одобренные императором Николаем II Большую, а затем и Малую судостроительные программы. Вначале реализовалась Малая программа. В соответствии с её положениями с июня 1909 года на Петербургских верфях началась закладка корпусов четырёх новейших линейных кораблей для Балтийского флота с совершенно новыми системами вооружения, не уступавшими по своим качествам иностранным аналогам. В 1911 году, в рамках этой же программы, для Черноморского флота на верфях судостроительного завода в Николаеве было заложено ещё три линкора, в том числе и его будущий флагманский корабль – линкор «Императрица Мария Фёдоровна».

Наряду с этими задачами, Колчаку, как начальнику Отдела по разработке стратегических задач по защите Балтики, приходилось заниматься совершенствованием целого ряда теоретических взглядов на морскую

войну. Эти взгляды он излагал на офицерских собраниях в Морском министерстве и Морском генеральном штабе, а также на заседаниях различных научных офицерских обществ. По этой тематике им было также опубликовано две статьи в популярном на флоте журнале «Морской сборник». Кратко изложенные в докладах и статьях мысли Колчака можно свести к следующему:

- Россия как крупная морская держава должна иметь сильный флот на всех окружающих её морских акваториях, включая русские арктические моря;
- оперативная зона действий русского флота не должна ограничиваться внутренними акваториями, а распространяться до побережья противника;
- в будущей европейской войне наибольшее значение будут иметь Балтийское море, Северная Атлантика и Баренцево море с важным портом Архангельск;
- Черноморский флот будет иметь второстепенное значение. Здесь опасность для России будет исходить не столько от причерноморских держав, сколько от проникновения в Чёрное море кораблей других стран: Германии, Англии и Франции;
- для защиты своего побережья Россия должна иметь мощные военно-морские крепости, обеспеченные надёжным тыловым прикрытием сухопутных войск. Защита таких крепостей с моря должна опираться на искусную минную войну у побережья противника и своевременную постановку минных заграждений у своего собственного побережья.

Изложенные выше идеи Колчака, в принципе, были не новы. Ими руководствовались практически все флоты мира. Но они свидетельствовали о том, что Колчак в свои относительно молодые годы поднялся до понимания и практического решения важных задач военного характера по защите Российского государства от иностранного агрессора с морских направлений. При этом он, конечно же, не был стратегом-одиночкой. Он

был лишь руководителем одного из отделов Морского генерального штаба и, естественно, в своих взглядах отражал не только собственную позицию, но и позицию своих непосредственных начальников, в первую очередь – начальника Морского Генерального штаба контр-адмирала Льва Алексеевича Брусицова, родного брата известного полководца генерала Алексея Алексеевича Брусицова, организатора наступления Юго-Западного фронта против австро-венгерской армии в мае–июне 1916 года. Его мнением Колчак руководствовался и при разработке программ воссоздания и обновления корабельного состава Балтийского флота, выступая поборником преимущественного строительства тяжёлых кораблей линейного класса. В этом вопросе, как показало время и опыт двух мировых войн, он в значительной степени ошибался. Боясь потерять столь дорогостоящие корабли, воюющие морские державы в большинстве случаев использовали их в качестве плавучих батарей, причём не столько против корабельного состава противника, сколько против его сухопутных войск. Главную же роль на морских пространствах сыграли почти полностью игнорируемые Колчаком подводные лодки и зарождающаяся морская авиация. Именно они топили наибольшее количество вражеских кораблей и транспортных судов.

Между тем, к концу 1908 года ситуация с реализацией Малой судостроительной программы существенно ухудшилась. Это произошло по ряду причин экономического порядка, а также и из-за того, что с флота одновременно ушло сразу же несколько опытных руководителей. В отставку вышел Морской министр адмирал Диков, который умел находить компромисс между сухопутным и морским ведомствами в борьбе за объёмы ассигнования денежных средств. Вслед за ним в отставку ушёл и вскоре умер начальник Морского генерального штаба Брусилов. Потеряв поддержку этих влиятельных людей, капитан 2 ранга Колчак, предпо-

читавший быстрые решения и столь же быстрые действия, счёл, что дальнейшие усилия по продвижению судостроительных программ становятся бесперспективными. Сохраняя за собой пост начальника Отдела стратегической обороны Балтики, он вновь стал задумываться о переходе в Российскую академию наук. Поводом для этого послужила развернутая дискуссия в российских военных и научных кругах об ускорении планов освоения Северного морского пути, без чего Россия, как показала Русско-японская война, не могла обеспечить надёжной связи со своими восточными регионами. Как раз в это время начала готовиться новая арктическая экспедиция в составе отряда из двух военных ледокольных судов нового проекта «Вайгач» и «Таймыр»*, которые, в отличие от ледокола «Ермак», не раскалывали лёд, а раздавливали его массой своего корпуса при наползании на него наклонной носовой частью. Напомним, что в проектировании этого типа ледоколов принимали участие Колчак и его коллега по первой арктической экспедиции Матисен. Им и было предложено командование этими кораблями. Оба с предложением согласились.

В начале 1909 года построенные на Петербургском судостроительном заводе ледоколы были спущены на воду. В конце сентября 1909 года Колчак приказом Морского министра был переведён из Моргенштаба в Главное гидрографическое управление с назначением на должность командира ледокола «Вайгач». Одновременно на него были возложены функции начальника ледокольно-транспортной группы. Командиром «Таймыра» стал Матисен. План работы группы предусматривал продолжение исследований русских

* Ледоколы типа «Вайгач» и «Таймыр»: водоизмещение – 1200 тонн, длина – 54 метра, ширина – 11 метров, максимальная скорость хода – 10,5 узла. Являясь военными судами, были вооружены четырьмя пушками и двумя пулемётами. Военная команда включала четырёх офицеров и сорок нижних чинов.

северных морей, но теперь уже не с запада, а с востока на запад, от Берингова пролива до Новосибирских островов, где завершила свою деятельность экспедиция барона Толля. 28 октября 1909 года ледокольные суда вышли из Петербурга и через Балтийское и Северное моря направились к Атлантике. Далее курс лежал через Средиземное море к Суэцкому каналу и через него – к Индийскому и Тихому океану. Базовым пунктом назначения был город Владивосток. В новую экспедицию Колчака провожали жена и уже серьёзно прибаливающий отец Василий Иванович Колчак.

Благополучно пройдя воды Балтики, ледокольные суда через Кильский канал вошли в Северное море. Здесь, из-за штормовой погоды и недосмотра кочегаров, на «Таймыре» вышел из строя один из паровых котлов. Ремонт производили во французском Гавре. Он занял около двух с половиной месяцев. Следующая задержка сроком на три недели была на Цейлоне. В порту Коломбо осуществили профилактический ремонт котлов и очистили днища кораблей от ракушек. Подобная стоянка была и в порту Сингапура. Во Владивосток прибыли с большим опозданием лишь 3 июня 1910 года. Осмотрев состояние судовых механизмов, местная комиссия пришла к заключению о необходимости их срочного ремонта. Ремонтные работы заняли ещё два месяца. Во Владивостоке на «Таймыре» произошли кадровые перемены. Матисен, допустивший в Северном море аварию парового котла, был смешён и на его место пришёл новый командир. Из бухты Золотой рог в плавание на север отправились лишь 17 августа 1910 года и вскоре достигли Петропавловска-Камчатского. Через полторы недели, после пополнения запасов топлива и продовольствия, продолжили плавание к Чукотскому полуострову в бухту Провидения. В бухте вновь пополнились углём и водой и затем Беринговым проливом, минуя мыс Дежнёва, вошли в воды Северного Ледовитого океана. Пос-

ле краткой стоянки у селения Уэлен двинулись вдоль северного побережья на запад по Чукотскому морю.

На переходе весь корабельный офицерский состав занялся гидрологическими и гидрографическими работами, уточняя и нанося на карту более точное местоположение береговой линии Северной Чукотки. От Уэлена в западном направлении прошли только около 30 морских миль и натолкнулись на тяжёлые льды, преодолеть которые не смогли. Поскольку зимовка в этом районе планами экспедиции не предусматривалась, а основные исследования были запланированы на 1911 год, то было решено в кратчайшие сроки вернуться во Владивосток. 20 октября 1910 года «Вайгач» и «Таймыр» встали на якорь в бухте Золотой рог. По признанию членов не завершённой экспедиции, её научные результаты были незначительными. Тем не менее, Академия наук оценила их положительно. За проводку ледоколов из Петербурга на Дальний Восток и хорошую организацию гидрографических работ в Чукотском море Колчак был награждён орденом Святой Анны 2-й степени. Это была его последняя экспедиция в арктические широты. Более он туда уже никогда не возвращался, но идея освоения Арктики занимала его всю оставшуюся жизнь. Последние практические шаги в этом направлении он сделал, находясь в Омске на посту Верховного правителя России. Однако его попытка организовать экспедицию на Север по сибирским рекам не была реализована.

С прибытием ледокольных судов «Вайгач» и «Таймыр» во Владивосток, Колчак неожиданно получил телеграмму из Морского министерства с предложением срочно вернуться в Петербург и продолжить работу над выполнением ранее начатых программ военного судостроения. Сдав ледокольный транспорт «Вайгач» новому командиру, он, не без сожаления, так как надеялся на серьёзные успехи экспедиции в 1911 году, убыл в Петербург. К этому моменту в руководящих

органах военно-морского флота России произошли значительные кадровые изменения. Морским министром стал хорошо известный Колчаку по Порт-Артуру вице-адмирал Григорович, а начальником Морского Генерального штаба – вице-адмирал Ливен. Оба выступали за скорейшее претворение в жизнь всех судостроительных программ. С их приходом ассигнования на строительство новых кораблей существенно возросли. В апреле 1911 года в нелёгкой полемике с представителями различных думских комитетов была одобрена «Программа усиленного судостроения Балтийского флота на 1911-1915 годы». В соответствии с ней за предстоящие четыре года должно было быть построено 4 линейных корабля, 4 лёгких крейсера, 36 миноносцев и 12 подводных лодок. Ознакомившись с этой программой, император Николай II назвал её «отлично выполненной» и просил выразить благодарность всем, кто был причастен к её разработке.

Вернувшись в распоряжение Моргенштаба, Колчак занял должность руководителя 1-го оперативного отдела, в функции которого входило решение задач по подготовке Балтики к предстоящей войне. Требовалось разработать план такой войны, исходя из состояния и перспектив развития Балтийского флота и его береговых баз. К июню 1912 года этот план Морским генеральным штабом был разработан и одобрен императором Николаем II. В соответствии с ним, учитывая слабость русского флота по сравнению с германским, активных действий российских военно-морских сил на Балтике не предусматривалось. Перед флотом ставилась задача по отражению возможных попыток корабельных группировок противника прорваться к Петербургу и другим российским военно-морским базам. Защита этих баз с моря должна была обеспечиваться полосой морских минных заграждений, а с суши – оборонительными действиями сухопутных войск. Оборонительный характер плана войны на Бал-

тике был навязан великим князем Николаем Николаевичем, дядей императора и будущим Верховным главнокомандующим русских вооружённых сил, который недолюбливал самостоятельно мыслящее флотское командование и чинил ему, где возможно, препятствия. Колчак, как и многие другие его сослуживцы, выступал за более активные действия флота, в том числе и на подступах к основным военно-морским базам и портам противника. Мнение этой группы флотских офицеров было фактически проигнорировано, хотя его разделяли многие представители высшего флотского командного звена, в том числе – командующий Балтийским флотом вице-адмирал Эссен. В начале 1912 года из-за нехватки денежных средств темпы строительства военных кораблей вновь замедлились. Всё это привело к тому, что нетерпеливый по своей натуре Колчак почувствовал очередное разочарование в штабной работе и стал подыскивать для себя место службы в каком-либо боевом корабельном соединении. Его мечтой была – минная дивизия. Узнав об этом, вице-адмирал Эссен предложил Колчаку командование миноносцем «Уссуриец». Колчак дал согласие и в апреле 1912 года для принятия корабля выехал из Петербурга в Либаву (Лиепаю). В ноябре 1912 года сюда же перебралась и его жена Софья Фёдоровна с двухлетним сыном Ростиславом.

Отслужив на «Уссурийце» ровно год, в мае 1913 года Колчак был назначен командиром эсминца «Пограничник», который использовался адмиралом Эссеном в качестве посыльного корабля. В июне 1913 года этот эсминец принял участие в учебно-показательных минных постановках. За учениями с борта императорской яхты «Штандарт» наблюдал Николай II. За успешные действия в ходе учения всем командирам участвующих в нём кораблей было объявлено «монаршее благование», а командиру «Пограничника» капитану 2 ранга Колчаку, по ходатайству командающего минной

дивизией, было присвоено звание капитана 1 ранга. В марте 1914 года на эсминец «Пограничник» был назначен другой командир. Колчак же приказом по флоту стал флаг-капитаном по оперативной части в штабе вице-адмирала Эссена. Под его начало перешла группа штабных офицеров в количестве 15 человек, которые были призваны заниматься разработкой планов боевой подготовки Балтфлота к будущей войне. Такие планы предусматривали согласование действий флота с военной доктриной государства, а также с планами Генерального штаба и Ставки по использованию сухопутных сил, выделенных для защиты военно-морских крепостей. Помимо этого, в данные планы входила подготовка к войне всех составных частей собственно флота: его линейных кораблей, крейсеров, миноносцев, подводных лодок, морской авиации, береговой обороны, радиосвязи, а также тыловых частей, ответственных за снабжение флота всеми необходимыми для его боеготовности средствами.

Задачи оперативному отделу флотаставил его командующий, один из лучших флотоводцев Первой мировой войны, вице-адмирал Эссен. Именно он, опираясь на опыт Русско-японской войны, пришёл к выводу, что сдержать более сильный германский флот на Балтике может только правильно организованная минная война. Поэтому ещё накануне Первой мировой усилиями командующего флотом, при активном участии офицеров его штаба, в том числе и Колчака, были созданы необходимые запасы донных мин, разработаны детальные планы их применения с участием заранее выделенных для этого корабельных сил. Все эти приготовления оказались исключительно важными. Накануне боевых действий, когда разрыв с Германией и Австрией стал неизбежным, адмирал Эссен, не имея официального разрешения со стороны высшего военного руководства страны, на свой страх и риск отдал приказ о начале минных постановок. В момент, когда они уже начались,

поступили указания Главнокомандующего вооружёнными силами России великого князя Николая Николаевича и Морского министра Григоровича, которые гласили: «Ставьте минные заграждения». 17 июля 1914 года Балтийский флот был отмобилизован и приведён в полную боевую готовность. 18 июля 1914 года Германия и Австрия объявили России войну.

Первая мировая война. Служба на Балтике

15 июня 1914 года в Боснии на одной из центральных улиц Сараева был убит прибывший сюда с официальным визитом наследник австрийского престола 50-летний эрцгерцог Франц Фердинанд. Убийство было совершено членом боснийской национал-освободительной организации «Млада Босна», гимналистом Гаврилом Принципом. Выстрел в Сараево дал повод Австро-Венгрии и её союзнице Германии, давно готовящихся к большой европейской войне, такую войну развязать. Боевые действия начались 17 июля 1914 года бомбардировками Белграда. Россия, считавшая себя покровительницей всех славянских народов, не могла не отреагировать на действия австрийских войск и в тот же день объявила мобилизацию четырёх своих военных округов: Киевского, Одесского, Московского и Казанского. В боевую готовность были приведены также Балтийский и Черноморский флоты. Реакцией Германии на военные приготовления России стало заявление германского императора Вильгельма о том, что, в случае, если российское руководство не откажется от мобилизационных мероприятий, то ему будет объявлена война. Срок ультиматума истекал в полдень 19 июля 1914 года.

В ответ на германский ультиматум Россия объявила о разрыве дипломатических и всех иных отношений с

Германией и Австро-Венгрией. 20 июля 1914 года был издан царский манифест о начале войны. Под давлением общественности столица была переименована с немецкого Санкт-Петербург на русское – Петроград. На стороне балканских стран и России выступили Франция (22 июля) и Великобритания (23 июля), которые вместе с ней объединились в тройственный военно-политический союз Антанта. К этому союзу вскоре присоединились еще 16 государств. В 1917 году членом союза стали Соединенные Штаты Америки. Антанте противостоял военный блок государств центрального союза, в который, помимо Германии и Австро-Венгрии, входили Турция и Болгария.

Начавшуюся войну флаг-капитан по оперативной части Балтийского флота Колчак, по его собственному признанию, встретил с большой радостью. В своих письменных свидетельствах он отмечал: «Я эту войну не только предвидел, но и желал, как единственное средство решения германо-славянского вопроса... Начало войны было одним из самых счастливых и лучших дней моей жизни». Столь явно выраженная милитаристская позиция Колчака явилась следствием серьёзнейших подвижек в его мировоззрении, ставших результатом приобретённого опыта в Русско-японской войне, а также углубленного изучения военного искусства как российского, так и целого ряда иностранных государств. Особено много внимания он уделял работам немецких военных теоретиков.

К началу Первой мировой войны ему исполнилось 40 лет. Колчак, по свидетельству окружающих, стал суров, решителен, циничен, самолюбив и жесток. Последнему качеству, которое он целенаправленно культивировал в себе на протяжении нескольких последних лет, в немалой степени способствовало то обстоятельство, что, соприкасаясь в ходе Русско-японской войны с японскими военнослужащими, он был поражён их пренебрежительным отношением к жиз-

ни и смерти, их самурайским духом. Подобный дух он хотел привить и себе. Именно в эти годы Колчак начинает постигать японскую философию и морально-этическое учение самураев «Бусидо», предопределяющее поведение мужчины-воина как на поле боя, так и в обыденной жизни. Под влиянием этого учения в его душе начинают происходить серьёзные морально-нравственные изменения, он всё чаще высказывает сомнения в ценностях христианства, всё реже обращается к молитве и Богу. Эти изменения были отмечены многими его сослуживцами. О них с горечью писала в своих письмах и жена Колчака Софья Фёдоровна. Касаясь этого вопроса, отдельные биографы адмирала склоняются к мнению, что к концу своей жизни он превратился в абсолютного язычника, единственным божеством которого стала «вооружённая сила», о которой он так много и так часто говорил с началом Мировой войны. Поэтому не случайно и то, что при расстреле в Иркутске он отказался наложить на себя крестное знамение. К тому моменту Колчак мог полностью разочароваться в христианстве и, быть может, даже возложить вину на Бога за все неудачи, которые преследовали его на трудном, сложном и кровавом жизненном пути. Пока же он упорно продолжал утверждать, что «война выше справедливости, выше личного счастья, выше самой жизни». С таким настроением Колчак и вступил в желанную для него Перовую мировую войну.

После завершения масштабных минных постановок на подступах к Финскому заливу, предотвращающих прорыв кораблей германского флота к Кронштадту и Петрограду, Балтийский флот сосредоточился в Гельсингфорсе (Хельсинки). Вскоре выяснилось, что германская эскадра на Балтике имеет в своём составе только лёгкие крейсера, миноносцы, минные заградители и тральщики, укомплектованные преимущественно бывшими резервистами. Основные же корабельные

силы Германии были выведены в Северное море для противодействия более мощному английскому флоту. Осознав эту реальность, командующий Балтфлотом вице-адмирал Эссен принял решение расширить зону действий своих сил, приблизив их к военно-морским базам и портам противника. Этой идее, в очередной раз, воспротивился великий князь Николай Николаевич, считавший, что флот должен ограничить свои действия артиллерийской поддержкой сухопутных армий, действующих на приморских направлениях.

Возникла коллизия, разрешать которую было поручено Колчаку. Он срочно выехал в Ставку Верховного главнокомандующего, находившуюся в городе Барановичи. Встреча с великим князем, несмотря на красноречие Колчака, не дала ожидаемых результатов. Николай Николаевич в категорической форме запретил использовать новые линейные корабли, указав на то, что они находятся в прямом подчинении самого императора. Остальному флоту разрешалось действовать преимущественно в зоне Финского залива под защитой минных заграждений. Эссен воспринял эти указания бесстрастно и, вопреки указаниям великого князя, приказал штабу готовить планы использования вверенного ему флота в центральной и западной частях Балтийского моря. Разработка данных планов почти всецело была возложена на оперативную часть, которую возглавлял Колчак. При планировании предстоящих морских операций он и его штабная группа исходили из наличного корабельного состава Балтфлота, который в 1914-1915 годах включал: 1-ю и 2-ю бригаду тяжёлых линейных кораблей (по четыре корабля в каждой); 1-ю бригаду крейсеров (шесть кораблей), миноносную дивизию, состоящую из семи отдельных дивизионов, имеющих на вооружении 36 кораблей до-военной постройки и четыре эсминца типа «Новик» постройки 1915 года. Помимо этого в состав флота входили: подводная дивизия, дивизия траления, отряд

минных заградителей, отряд транспортных судов и воздушная дивизия, самолёты которой (около 10 единиц) вели воздушную разведку с целью установления местоположения вражеских корабельных групп.

В соответствии с разработанными и утверждёнными адмиралом Эссеном планами, Балтийский флот начал постепенно активизировать боевую деятельность. В конце октября 1914 года на подступах к Мемелю (Клайпеде) были выставлены донные мины. Эту операцию в ночное время успешно осуществила 1-я бригада крейсеров. Она же в конце декабря 1914 года, уйдя далеко на запад, установила минную банку у датского острова Борнхольм на трассах движения германских судов к Кильскому каналу. В феврале 1915 года Колчак упросил Эссена позволить ему возглавить один из отрядов миноносцев для постановки мин на подступах к Данцигу (Гданьску). Действия отряда прикрывала группа крейсеров. Операция прошла успешно. Под прикрытием штормовой погоды и при очень плохой видимости отряд миноносцев выставил у Данцига на проторленном немцами фарватере 140 мин. За эту операцию Колчак был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами.

Во время награждения в разговоре с Эссеном он высказал мысль, что хотел бы возглавить минную дивизию. Корабли этой дивизии базировались в акватории Рижского залива, определённая их часть – в Ревеле (Таллине). Дивизией командовал талантливый,уважаемый на флоте, но уже имевший проблемы со здоровьем контр-адмирал Пётр Львович Трухачёв. Благодаря его усилиям минная дивизия вслед за 1-й бригадой крейсеров приобрела славу одного из самых результативных боевых соединений Балфлота. Эссен мысль Колчака принял к сведению, но помочь ему не смог, так как 8 мая 1915 года, сильно простудившись на морском переходе из Гельсингфорса в Ревель, слёг с воспалением лёгких. Несмотря на усилия врачей и личное

участие в судьбе адмирала императора Николая II, его жизнь спасти не удалось. Эссен скончался, как констатировала врачебная комиссия, от острой сердечной недостаточности. На посту комфлота его сменил бывший командующий минной обороной Балтийского моря вице-адмирал Василий Александрович Канин. Он хорошо знал Колчака по совместной планирующей работе в штабе Балтфлота, высоко ценил его деловые качества и потому, зная пристрастие Колчака к минной дивизии, не препятствовал ему участвовать в её боевой деятельности.

В августе 1915 года в высшем военном руководстве страны произошли важные изменения. Из-за ряда неудач на русско-германском фронте великий князь Николай Николаевич был смещён с поста Верховного главнокомандующего и переведён на командование Кавказским фронтом. Его место занял сам император Николай II. Начальником штаба его Ставки стал генерал от инfanterии Михаил Васильевич Алексеев. С их приходом решение многих кадровых вопросов и в армии, и на флоте значительно упростилось. В сентябре 1915 года командующий минной дивизией Трухачёв, на выходе в море, поскользнулся на трапе своего флагманского корабля, получил серьёзную травму руки и был вынужден лечь на лечение в госпиталь. Специальным приказом комфлота Колчак был временно назначен на его должность. К этой должности он страстно стремился, считая её, как сам признавался, «венцом своих желаний».

В период с 4 сентября до 11 ноября 1915 года, как свидетельствует в своих мемуарах капитан 1 ранга Тимирёв, «Колчак развёл на минной дивизии самую кипучую деятельность». Первым делом он съездил в Ригу для встречи с командующим 12-й армией Северного фронта генералом Радко-Дмитриевым для согласования совместных действий по сдерживанию сухопутных войск противника, рвущихся к Риге и Виндаве (Вентспилсу). По договорённости с командармом

Колчак подвёл к заданной точке побережья группу миноносцев, поддержаных линкором «Слава», и на-нёс по наступающим немецким колоннам внезапный артиллерийский удар. Наступательный порыв противника резко уменьшился. Это позволило нашим войскам перегруппироваться и перейти на короткое время в контрнаступление. 9 октября 1915 года Колчак в преддиктумное время провёл в тылу немецких войск небольшую десантно-диверсионную операцию. Ею он руководил сам, находясь на борту миноносца «Сибирский стрелок». Десант численностью 536 человек с двух канонерских лодок был незаметно высажен на берег. С моря высадка прикрывалась кораблями миноносной группы и линкором «Слава».

Десантникам в результате успешных действий удалось уничтожить маяк, наблюдательный пункт, несколько сторожевых постов и до 40 солдат противника. После вылазки все члены десантной группы (при четырёх раненых) благополучно вернулись к своим. За эффективный артобстрел немецких войск и успешно проведённую диверсионную операцию Колчак, по представлению командующего 12-й армией генерала Радко-Дмитриева, был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. Об этом он был извещён телеграммой. Награда последовала лично от Николая II.

11 ноября 1915 года вернулся контр-адмирал Трухачёв. Краткий срок командования минной дивизией завершился, и Колчак убыл на службу в штаб флота, где вновь занялся планирующей оперативной работой. Однако уже спустя месяц, в декабре 1915 года, Трухачёв стал острее ощущать признаки тяжёлого заболевания (рак желудка) и был переведён на более спокойную должность начальника 1-й бригады крейсеров. На минную дивизию в качестве её командующего был назначен капитан 1 ранга Колчак.

Сдав дела своему помощнику по оперативному отделу талантливому штабисту старшему флаг-офицеру

Черкасскому, он выехал в Ревель, где к декабрю 1915 года была сосредоточена значительная часть кораблей его дивизии. Зима 1916 года оказалась очень холодной, и вся находящаяся здесь миноносная группировка вмёрзла в лёд. С началом весны 1916 года немцы вновь возобновили наступление на Ригу. Колчак, будучи не только командующим минной дивизией, но и начальником обороны Рижского залива, по воспоминаниям уже не раз упоминаемого нами капитана 1 ранга Тимирёва, «сумел вновь развить максимум своей деятельности». В его распоряжении для артобстрелов левого фланга наступающих немецких сухопутных войск находились не только миноносцы, но и выделенные для этих целей линкор «Слава», крейсера «Адмирал Макаров» и «Диана». Под их прикрытием группа миноносцев, которой командовал сам Колчак, выставила мелководные мины вдоль захваченного противником побережья для того, чтобы лишить его возможности подвоза военных грузов со стороны моря.

За активную и умелую деятельность на посту командующего минной дивизией Колчак 10 апреля 1916 года приказом по морскому ведомству был произведён в контр-адмиралы. Уже в этом звании 31 мая 1916 года он принял участие в морском бою против каравана немецких транспортных судов и кораблей охраны, участвовавших в доставке из портов Швеции железной руды в Германию. Миноносная группа, которой командовал Колчак состояла из трёх быстроходных эсминцев. Все они входили в состав корабельного поискового отряда, руководимого контр-адмиралом Трухачёвым. В распоряжении последнего было три крейсера.

Быстроходные миноносцы, выполняя задачи по поиску вражеских кораблей, шли впереди отряда и потому именно их команды обнаружили первыми вражеский караван из 13-и транспортных судов. Не дожидаясь подхода крейсеров, миноносцы по приказу

Колчака устремились в атаку. В скоротечном бою было потоплено пять транспортов, один лёгкий крейсер и два вооружённых транспорта противника. Остальные срочно ретировались в государственные воды нейтральной Швеции. Трухачёв на помощь миноносной группе подойти не успел, хотя с его кораблей уже были слышны артиллерийские выстрелы. Успешно проведённая операция русского корабельного отряда вынудила Германию на время отказаться от перевозки грузов из Швеции. После этого боя, о котором стало известно высшему руководству флота и лично императору, Колчак приступил к подготовке плана активизации деятельности вверенных ему морских сил в акватории Рижского залива. Однако эти начинания не были завершены. 28 июня 1916 года Высочайшим указом царя Колчак был назначен командующим Черноморским флотом, и ему было присвоено очередное воинское звание вице-адмирал. Об этом Колчак был извещён контр-адмиралом Непениным, исполняющим обязанности командующего морской обороной Ревеля. По оставленным воспоминаниям капитана 1 ранга Тимирёва, Колчак о своём новом назначении якобы ничего заранее не знал. Существует, однако, другая, более точная, на наш взгляд, версия этого события, но о ней читатель узнает несколько позже.

Завершая повествование об этом важном этапе жизнедеятельности Колчака, хочется отметить, что Балтийский флот действовал, благодаря умелому руководству адмиралов Эссена и Канина, наступательно и очень активно. Вследствие чего германские потери в боевых кораблях, в том числе и крупных, превосходили русские в 3,4 раза, а по торговым и транспортным судам – в 5,2 раза.

В этих успехах есть заслуга и минной дивизии. Её высокая боевая готовность, прекрасная манёвренная слаженность и профессионализм личного состава были следствием отличной работы предшественников Колчака, в особенности адмирала Трухачёва. Колчак

же командовал дивизией относительно недолго: с 4 сентября по 11 ноября 1915 года (в период замещения больного Трухачёва) и с декабря 1915 по июнь 1916 года. Учитывая «ледовое стояние» большей части кораблей в Ревеле зимой 1915-1916 годов, а также то, что навигация в 1916 году открылась лишь во второй половине апреля, то можно считать, что это командование длилось чуть более четырёх месяцев. Колчак в этот период проявил себя очень хорошо. Вот как описывает его боевую работу в море один из подчинённых ему офицеров: «На эскадренном миноносце «Сибирский стрелок» расположился походный штаб Колчака, в сторожевой цепи кораблей, прямо на минном поле. Минны зловеще колышутся под килем миноносца... Тихо на корабле. Каждый занят своим делом. Но не спокойно на душе у Колчака. Он хмурится и, сидя в каюте над картой, расчерченной минными полями, по обыкновению двигает губами. Вдруг, как вихрь, вылетает наверх. Взвиваются сигналы, и через несколько минут миноносцы, разрезая воду и бороздя волны ещё не убранными якорями, несутся неведомо куда. Всем жутко от такой прыти и захватывающе интересно. Что задумал Колчак? Оправдается ли и на этот раз вера окружающих в его дар предвидения?»

Миноносцы стремительно идут опасным курсом: вплотную к минным банкам и страшным рифам. В наступающих сумерках выходят в открытое море. На мостике головного миноносца – худощавая, несколько сутулая фигура командующего, с орлиным носом, в глубоко надвинутой на голову фуражке. С других судов пристально наблюдают за этой фигурой, ловят каждое её движение. Чёрный силуэт сначала почти неподвижен, повороты его размеренны и несколько даже угловаты. Внезапно фигура словно взрывается, начинает нервно жестикулировать, мелькает то на одном, то на другом крыле мостика. Не переставая, дёргаются сигнальные фалы, один за другим на всех реях

взмётываются ввысь сигналы. Их лаконичным языком излагается цельный план, и, со спуском последнего сигнала, миноносцы стремительно разлетаются, каждый по своему назначению... Колчак продолжает путь с полудивизионом особого назначения. Курс ведёт к Виндаве. Невольно замирает сердце. Корабли уже в водах противника. Вдруг – краткий однобуквенный сигнал: «Меньше ход» и сейчас же другой: «Вижу противника на румбе 180». Флагманский миноносец стремительно разворачивается, и резкий выстрел из орудия ошеломляет своей внезапностью... и все сразу видят врага: немецкий дозорный крейсер с тщательно закрытыми огнями тихо и мирно покачивается на волнах, спокойно отдав якорь.

Всем становится ясно – адмирал завёл полудивизион в самый тыл врага... Через несколько секунд после выстрела командного орудия открывает огонь весь отряд... Внезапно у германского крейсера что-то вспыхивает. Через несколько минут огненные языки уже лижут мостик, надстройки, мачты... На головном миноносце поворачивается торпедный аппарат, и через несколько секунд в воду с громким всплеском падает длинная стальная сигара... Оглушительно стонущее «а-ах», огненные обломки разлетаются во все стороны. Через полторы минуты всё кончено, на море тишина. Поднимают с воды нескольких уцелевших и указанным Колчаком курсом быстро и беспрепятственно уходят домой – к своим минным полям... По возвращении в базу на «Сибирском стрелке» поднимают сигнал: «Кораблям, вернувшимся с моря, адмирал изъявляет своё удовольствие. Команда имеет время обедать».

Таков был боевой почерк Колчака. В море, как подчёркивают очевидцы, он всегда был «спокоен и бодр», действовал смело, решительно и, как правило, очень результативно. Но служить с ним, по мнению многих его сослуживцев, было очень трудно. Характер его к этому времени ещё более ухудшился. Он стал раз-

дражителен, придиличив, капризен и зол. В своём гневе часто наводил на подчинённых подлинный страх. Даже по отношению к старшим по службе, внешне сохраняя к ним необходимую субординацию, при произнесении слов: «Почтейнейше докладываю Вашему превосходительству...» – начинал громко ударять кулаком по столу.

С подчинёнными офицерами и, тем более, с матросами обращался ещё более грубо. Один из эпизодов такой грубости отметил в своих воспоминаниях бывший командир миноносца «Страшный» капитан 2 ранга Старк. Он пишет: «В средине марта начальник дивизии Колчак приехал к нам осмотреть работы. Пестрота работ его удивила, а так как он и раньше, вероятно, был в плохом настроении, то начал на всех орать. Ко мне он пришёл к одному из последних. В радиотелеграфной рубке он увидел телеграфиста с обвязанной щекой и тут же закричал, что это не военный человек, а баба, и, узнав, что он старший телеграфист, приказал разжаловать в рядовые. Тут я вмешался и всё ещё спокойным голосом сказал, что у этого человека болят зубы, и лишать его звания мы не имеем права, так как он имеет Георгиевскую медаль и потому, согласно статусу, он может быть лишён своего звания только по приговору суда. После моих слов, ни с кем не попрощавшись, Колчак уехал».

По инициативе Старка, разговор с Колчаком продолжился два часа спустя на флагманском судне. Старк заявил, что поведение адмирала плохо сказывается на боевом духе экипажа. В ходе разговора собеседники громко кричали друг на друга. В конце концов Колчак попросил разговор прервать. Через два дня он сделал смотр всему дивизиону миноносцев и поблагодарил команды за трудную боевую работу. Перед уходом со «Страшного», отозвал Старка в сторону и заявил: «Знаете, Юрий Карлович, после нашего разговора я много думал... Вы были правы». Озлобленность, раздражи-

тельность, уверование в свою исключительность были характерны для Колчака. Он пытался эти свойства своей личности смягчить, но не мог, и они были присущи ему всю оставшуюся жизнь. По этому поводу один из его сослуживцев сказал: «Сдерживающие тормоза у него плохо работали». Другой же был ещё более категоричен и утверждал, что Колчак «совершенно не знает людской психологии», что «деятельность его спорадична, очень редко обоснованна и почти всегда всем крайне неприятна», что «его рассеянность, легко-мыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов», что «такой человек, как он, не может оказать благотворное влияние на общий ход событий».

Одной из основных причин всех перечисленных негативных свойств, было, по-видимому, хроническое душевное одиночество Колчака. У него всю жизнь не было сердечно близких друзей. Он был скрытен, никогда не доверялся полностью людям и во всех своих делах почти всегда опирался только на свои личные силы. Это порождало большие психические нагрузки, резкие перепады настроения, взрывы природного холерического темперамента и частое погружение в депрессию. Но это же толкало его упорно идти вперёд и добиваться любой ценой поставленных целей. На Балтике одной из таких целей он достиг, получив известность талантливого флотоводца России.

Таким образом, в конце июня 1916 года завершился ещё один из важных и самых удачных периодов военной карьеры Колчака. Это был его подлинно звёздный час. Этот период он сам называл «одним из самых счастливых и лучших дней жизни». Перед отъездом на Черноморский флот Колчак письменно попрощался с личным составом любимой им минной дивизии. В послании он отмечал: «Великую милость и доверие, оказанное мне Государем Императором, я прежде всего отношу к минной дивизии и тем судам, входящим

в состав сил Рижского залива, которыми я имел честь и счастье командовать... Лицо я никогда не желал бы командовать лучшей боевой частью, чем минная дивизия, с её блестящим офицерским составом, с отменными командами, с её постоянным военным направлением духа». Уже на следующий день Колчак, в соответствии с действующим служебным протоколом, убыл в сопровождении старшего флаг-офицера морского управления Ставки капитана 1 ранга Александра Дмитриевича Бубнова в Могилёв на приём к начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии Михаилу Васильевичу Алексееву.

Приняв адмирала в своём рабочем кабинете, Алексеев достаточно подробно ознакомил его с положением дел на всех действующих фронтах. Особое внимание было уделено Румынскому фронту и вопросу о черноморских проливах. В общих чертах была поставлена задача готовить флот к их захвату. Переход Босфора и Дарданелл под контроль России был одним из главных условий участия России в войне. В тайных договорах с союзниками (Англией и Францией) эти условия были согласованы и одобрены. В соответствии с ними, Стамбул, проливы и прилегающие к ним прибрежные территории должны были перейти под российскую юрисдикцию. Операция по захвату проливной зоны намечалась на март 1917 года. Планами Ставки предусматривалось движение российских войск из Румынии вдоль западного побережья Чёрного моря, форсирование Босфора и развёртывание совместно с армией генерала Николая Николаевича Юденича, наступающей на Стамбул с востока, действий по захвату всей проливной зоны. Черноморскому флоту отводилась роль по содействию этой операции посредством высадки со стороны моря крупного десанта с целью подавления турецких средств береговой обороны и выхода к Стамбулу с северного направления. После получения инструкций от генерала Алексеева Колчак

был приглашён на завтрак к императору. На нём помимо высших чинов Ставки присутствовали начальники военных миссий союзнических стран, в том числе и французский генерал Пьер Жанен, который позднее сыграет в судьбе адмирала самую зловещую роль.

Позавтракав, Николай II пригласил Колчака пройтись с ним по саду, где тепло поздравил с новым назначением. Аудиенция длилась около часа. Царь был внимателен, любезен и прост в общении. Разговор вновь коснулся подготовки флота к проведению Босфорской операции. Предполагая существенное усложнение положения группировки русских войск в связи с вступлением в войну Румынии, император не исключал, что захват Стамбула и проливной зоны придётся осуществлять только силами морского десанта. В заключение беседы он вручил Колчаку образ Николая Чудотворца и напутствовал словами: «Бог вам в помощь. Примите это от меня как благословение». Николай II произвёл на адмирала самое благоприятное впечатление. Ему понравились его мягкость, доброжелательность, спокойствие, интеллигентность и глубокое знание всех обсуждавшихся вопросов. Пробыв в Ставке всего один день (4 июля 1916 года), Колчак вечером того же дня в сопровождении своего флаг-капитана по оперативной части Михаила Ивановича Смирнова выехал в Севастополь. Перед отправкой к новому месту службы ему «за боевую деятельность на Балтийском театре военных действий» Высочайшим указом был пожалован орден Святого Станислава 1-й степени.

Флот, который Колчаку предстояло принять, насчитывал около 40 тысяч человек личного состава (офицеры, унтер-офицеры, матросы и солдаты береговых частей) и более 400 военных, транспортных и вспомогательных судов, включая 7 линейных кораблей, 2 крейсера, 20 миноносцев и 11 подводных лодок. Помимо этого, в распоряжении командующего была эскадрилья разведывательных самолётов, базирующаяся на

аэродроме Кача, близ Севастополя. Начинался новый, не менее сложный этап в жизни самого молодого на русском военном флоте вице-адмирала Колчака. Но прежде чем приступить к его описанию, обратим внимание читателя на личную жизнь адмирала.

Личная жизнь адмирала Колчака

К моменту прибытия на Черноморский флот Колчак находился в браке со своей супругой уже двенадцать лет. Мы расстались с этой замечательной, много перестрадавшей в своей жизни женщиной после её венчания и скромной свадьбы с Александром Колчаком в Иркутске. Оба венчались первым браком. Жениху было 29, невесте – 27 лет. Напомним, знакомство Александра со своей невестой состоялось в 1899 году, за год до убытия в первую полярную экспедицию. В начале общения с ней Колчак, вопреки своим скептическим ожиданиям, обнаружил в Софье Федоровне человека умного, самостоятельно мыслящего, рационального, лишённого какого-либо женского жеманства и манерности. Она была женственна и очень серьёзна.

Будучи выпускницей Смольного института благородных девиц, Софья получила прекрасное гуманистическое образование, в совершенстве владела английским, французским и немецким языками, могла изъясняться на польском и итальянском, хорошо музицировала, увлекалась живописью. Родилась она в семье Федора Васильевича Омирова, действительного статского советника, управляющего Каменец-Подольской казённой палатой, и его жены – Дарьи Федоровны. В семье родителей было двенадцать детей. Среди них Софья была одиннадцатой. Родители умерли рано, и заботу о детях взяли на себя родственники. Софью в 13-летнем возрасте им удалось устроить в Смольный институт, над которым шефствовала сама царская семья.

Хорошо осознавая своё сиротское положение, девушка училась очень старательно. Суровые условия института отшлифовали её характер и способствовали формированию правильного христианского мировоззрения. Всю свою жизнь она была скромна в бытовых запросах и всё зло мирской жизни видела в безудержной погоне человека за материальными ценностями. Её жизненным девизом были слова Петра I: «Кому деньги дороже чести, оставь службу». Подобных же взглядов на этом этапе жизни придерживался воспитанный своими родителями в духе разумной христианской сдержанности и её будущий муж Александр Колчак. Поэтому душевно они сошлись очень быстро, но создать семью смогли только спустя пять лет. В связи со сказанным возникает вопрос: почему период жениховства Колчака задержался на столь длительный срок. На этот счёт в известной нам литературе есть три объяснения. Во-первых, три с половиной из названных пяти лет были заполнены полярными экспедициями Колчака. Во-вторых, многие близкие к Колчаку люди, в том числе и уже упомянутый его друг и покровитель капитан 1 ранга (впоследствии контр-адмирал) Александр Бубнов, считали Колчака вечным скитальцем, совершенно не пригодным для семейной жизни. В-третьих, до вступления в брак, в свои мичманские и лейтенантские годы, он был избалован женским вниманием и несколькими любовными связями. Отмечено также, что во время длительных заграничных плаваний на военных кораблях вдоль побережий Китая, Японии, Малайзии, Африки и Западной Европы, Колчак, как и многие другие корабельные офицеры, пользовался услугами так называемых «береговых женщин», попросту – простиуток. Поэтому ещё до помолвки с Софьей он привык к личной свободе и расставаться с ней не спешил. Спешила невеста, длительно дожидавшаяся своего женского счастья. Однако, как показала последующая жизнь, в браке с Колчаком она этого счастья не обрела.

Первый, наиболее длительный период их совместной жизни начался лишь в июне 1905 года, когда Колчак после более чем двухлетнего отсутствия вернулся из японского плена в Петербург. Вместе провели первые четыре месяца на южном курорте. Затем её муж безвылазно работал над отчётами полярных экспедиций и в Морском штабе в качестве начальника Статистического отдела. Возвращался со службы, как правило, поздно и, поужинав, тотчас же садился за штудирование трудов военных теоретиков, в частности – Хельмута Мольтке, идеолога германского милитаризма, сторонника идеи неизбежности войн и их «цивилизующего» влияния на человеческое общество. Внимание к жене со стороны Колчака было минимальным. В конце-концов она возненавидела Мольтке и даже грозилась облить его книги керосином и сжечь. Такие же отношения продолжались и с переходом Колчака на должность начальника Отдела по разработке стратегических задач защиты Балтики.

В Петербурге жили на съёмной квартире на окраине города. Квартира была небольшой, но, по словам Софьи Федоровны, уютной и даже изящной. На самом деле, их жилище было более чем скромным, но Софья не роптала и сознательно избегала каких-либо бытовых излишеств. В дневниковых записях этого периода она отмечала: «Надо мириться со сравнительной бедностью и огорчаться нечего, если не хватает того или другого». Первый ребёнок в семье – дочь Татьяна появилась лишь в январе 1908 года, но, не прожив и двух недель, умерла. Это тяжело отразилось на Софье Федоровне, которая очень болезненно перенесла смерть своего первенца. В октябре 1909 года Колчак, фактически по собственной инициативе, отправился на военном ледоколе «Вайгач» в длительное плавание вокруг Европы, Северной Африки и Юго-Восточной Азии во Владивосток и далее на Север, в Чукотское море. Софья Федоровна вновь на

длительный срок осталась одна. В Петербург её муж вернулся лишь зимой 1910 года, когда родившемуся без него второму ребёнку, сыну Ростиславу, исполнилось девять месяцев. С трудными обязанностями матери Софья Федоровна справлялась сама. Изредка на помочь ей приходила сестра Колчака Екатерина, находящаяся замужем за военным инженером Обуховского завода Николаем Николаевичем Крыжановским. В последующем положение Софьи Федоровны практически не менялось. Переидя в апреле 1912 года в штаб Балтийского флота и одновременно получив под командование миноносец «Уссурийск», Колчак убыл в Либаву. Семья осталась в Петербурге на прежней квартире. Все семейные проблемы вновь легли на плечи не отличавшейся крепким здоровьем супруги. Просьбу забрать её с сыном к себе Колчак выполнять не спешил, ссылаясь на близость Либавы к германской границе и исходящей в связи с этим опасности для города и его жителей.

Корабли минной дивизии, базирующиеся на Либаву, часто заходили в Ревель, где завершалось строительство новой военно-морской базы. В отличие от Либавы, Ревель был столичным городом, со своей особой культурной и социальной жизнью. Бывая здесь, Колчак не отказывал себе в удовольствии посещатьочные рестораны и клубы, часто бывал на офицерских вечеринках, где знакомился и развлекался с молодыми женщинами. Слухи об этом доходили до Софьи Федоровны. Она ревновала мужа и в письмах упрекала его в неверности. «За кем же ты ухаживаешь в Ревеле на вечере? – спрашивала она. – Удивительный человек, не можешь жить без дам в отсутствие жены! Надеюсь, что о существовании последней ты ещё не забыл». Воссоединение супружеского состоялось лишь в начале зимы 1912 года, спустя семь месяцев после убытия Колчака из Петербурга. К этому моменту в семье появился второй ребёнок, дочь Маргарита, родившаяся 30 ноября

того же 1912 года. В это самое время Колчак перешёл на посыльное судно адмирала Эссена – эсминец «Пограничник» и почти не бывал дома. Молодая жена, конечно же, страдала и пыталась смягчить остроту разлуки с мужем перепиской. В посланиях к нему она сообщала о своём положении, о своих чувствах к нему, о детях, их здоровье и шалостях. Жаловалась на недостаток средств, на необходимость штопать и перешибать детскую одежду.

В Либаве Софья Федоровна жила с детьми на казенной квартире до самого начала Первой мировой войны. Город находился в прифронтовой полосе, и с началом боевых действий подвергся артиллерийским обстрелам противника. Под канонаду немецких орудий семьи русских офицеров и местных чиновников были срочно эвакуированы вглубь страны. Софье Федоровне с двумя детьми, сыном четырёх лет и дочерью полутора лет, удалось, бросив все пожитки, уехать вместе с ними. Поселилась она в Гатчине в скромном деревянном двухэтажном доме с печным отоплением. Здесь в 1915 году от сильной простуды, которую не смог вылечить местный врач, умерла двухлетняя Маргарита. Муж на похороны приехать не смог. В этот момент он вступил во временное командование минной дивизией и продолжал исполнять обязанности флаг-капитана по оперативной части штаба командующего Балтфлотом.

Со смертью дочери на руках у Софии Федоровны остался только четырёхлетний сын Ростислав, и она поклялась посвятить ему всю оставшуюся жизнь. Потом был Гельсингфорс, где базировался маневренный штаб Эссена и где Колчак как флаг-капитан по оперативной части разрабатывал планы предстоящих морских операций. Здесь Софья Федоровна проживала в номере городской гостиницы, которую оплачивало Морское казначейство. С переходом штабного корабля в Ревель и без того редкие встречи с мужем почти

полностью прекратились. То же самое было и в период командования Колчаком минной дивизией. Характер отношений в семье Колчака не менялся вплоть до его назначения на пост командующего Черноморским флотом. Об этом назначении, по собственному признанию Софии Фёдоровны, она узнала одной из последних, когда Колчак прибыл на один день в Гатчину, чтобы повидаться с семьёй и сестрой перед отъездом в Царскую Ставку, а затем в Севастополь. Семья последовала за ним лишь в начале октября 1916 года и поселилась в адмиральском доме, недалеко от штаба Черноморского флота. Уже в этот момент София Фёдоровна точно знала о завязавшейся любовной связи мужа с Анной Васильевной Тимирёвой, которой во всех изданных работах о Колчаке отведено одно из первостепенных мест. И это не случайно, так как она действительно сыграла в жизни адмирала очень значимую и важную роль.

Анна Васильевна Тимирёва (в девичестве Сафонова) родилась в Кисловодске 5 июля 1893 года в семье известного пианиста, дирижера, музыкального педагога, директора Московской и Нью-Йоркской консерваторий Василия Ильича Сафонова. Дед Анны Васильевны по отцовской линии – Илья Иванович Сафонов дослужился до звания генерал-лейтенанта Терского казачества. Был храбр, предприимчив и, как писала о нём сама Анна Тимирёва: «Казак что надо – кусок сукна разрубал шашкой на лету. Лицом – ряб, нрава весёлого и общительного». Бабушка Анна Илларионовна Сафонова была также из казачьего рода, имела только начальное образование, но обладала острым умом и большим природным вкусом. Любила русскую литературу и много читала. Дед с бабушкой жили в Кисловодске и много времени уделяли воспитанию внуков. Особенно любили Анну, за её добрый и отзывчивый характер, за врождённую девичью красоту. Семья деда, по словам Анны Тимирёвой, была патриархальной,

религиозной и монархической, придерживающейся старообрядческой веры. Этой веры придерживался и отец Анны – Василий Ильич Сафонов.

Мать Анны Васильевны, Варвара Ивановна, дочь Ивана Алексеевича Вышнеградского, предпринимателя, ученого, директора Петербургского технологического института, была профессиональной певицей. Окончила Петербургскую консерваторию и обладала прекрасным голосом. В первые годы после замужества занималась концертной деятельностью, но будучи многодетной, была вынуждена эту деятельность оставить. Всего у Василия Ильича и Варвары Ивановны Сафоновых было десять детей. Анна была шестой. Воспитываясь в семье известного музыканта, она, как и другие дети Сафоновых, с малолетства приучалась к игре на музыкальных инструментах, пению романсов и народных песен.

В 1906 году семья переехала в Петербург. Здесь Анна окончила женскую гимназию княгини Оболенской и курсы частной художественной студии. По окончании гимназии Анна Васильевна в совершенстве владела французским и немецким языками, хорошо рисовала, почти профессионально музиковала. Специального образования не имела, так как девочек из дворянских семей готовили, как правило, только для будущей семейной жизни в качестве образцовых жён и матерей. В 1911 году в возрасте 18 лет Анна Васильевна вышла замуж за своего троюродного брата Сергея Николаевича Тимирёва, блестящего морского офицера, героя Порт-Артура, однокашника Колчака по Морскому училищу. В октябре 1914 года у них родился сын Владимир, в будущем – талантливый художник, которого в 1938 году из-за переписки с отцом, находящимся в эмиграции, расстреляли на Бутовском полигоне. Тело его не найдено, но стела в память о нём установлена на фамильном могильнике Сафоновых на Ваганьковском кладбище в Москве.

Сразу же после рождения сына капитан 1 ранга Тимирёв принял должность флаг-капитана по распорядительной части штаба Балтийского флота. Поскольку этот штаб находился в Гельсингфорсе, то в январе 1915 года он убыл туда поездом. Провожая мужа, Анна Васильевна впервые в своей жизни увидела Колчака. Он этим же поездом направлялся в штаб Эссена для приятия должности флаг-капитана по оперативной части. Вспоминая этот эпизод, Анна Васильевна впоследствии писала: «Когда я провожала мужа на вокзале, мимо нас стремительно прошёл невысокий, широко-плечий офицер. Муж сказал мне: «Ты знаешь, кто это? Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции». У меня осталось только впечатление стремительной походки, энергичного шага».

Личное знакомство Анны Васильевны с Колчаком состоялось зимой этого же года, когда она приехала к мужу, чтобы «осмотреться и подготовить свой переезд с ребёнком». Первая встреча состоялась на квартире одного из общих знакомых. Уже на первой встрече Колчак привлёк её внимание как интересный и много знающий рассказчик. Выяснилось также, что оба они имеют общее пристрастие к музыке. Потом были другие встречи, и молодая женщина (ей было всего 22 года) почувствовала, что понравившийся ей офицер проявляет к ней особый интерес. Вскоре между ними возникла взаимная симпатия. Переломный момент, как в последующем вспоминала сама Анна Васильевна, наступил осенью 1915 года. Был поздний вечер. В Гельсингфорсе действовало затмение. Анна Васильевна спешила одна, в почти полной темноте, в сторону своего дома. Вдруг из вечернего мрака перед ней выросла знакомая фигура Колчака. Разговаривали не более двух минут. Условились встречаться в общей дружеской компании и разошлись. И в этот момент она подумала: «А вот с ним я ничего бы не боялась».

К этому следует добавить, что в Гельсингфорсе между Колчаками и Тимирёвыми сложились хорошие межсемейные отношения. Софья Федоровна, как более старшая, многому учила свою молоденькую 22-летнюю подругу. Вместе занимались детьми. Много общались в ходе дружеских встреч с семьями других офицеров. Но уже тогда женским чутьём Софья ощущала в Анне соперницу. До неё доходили слухи об ухаживании за ней её мужа, тем более, что на всех общих вечерах Анна почему-то всегда оказывалась сидящей рядом с Колчаком. Умная и сдержанная Софья Федоровна всё понимала и тогда же одной из своих близких подруг сказала: «Вот увидите, что Александр Васильевич разойдётся со мной и женится на Анне Васильевне». Вскоре в семье Колчака серьёзно заболела дочь Маргарита, и Софья Федоровна была вынуждена на некоторое время уехать в Гатчину. Дочь, как уже известно читателю, спасти не удалось, и, вернувшись в Гельсингфорс, Софья Фёдоровна под воздействием пепрежитого горя стала смотреть на любовные приключения супруга почти безучастно.

Все биографы Колчака единодушно утверждают, что к своим 42 годам он был достаточно опытным ловеласом. Даже в период ухаживания за Анной Васильевной он мог переключать внимание и на других женщин, посещающих, как и он сам, офицерские вечера в Гельсингфорсе, а затем в Ревеле. По поводу одного из таких ухаживаний Анна Васильевна в деликатной форме была вынуждена сделать замечание Колчаку, и он, по её оценке, «отнесся к этому замечанию с пониманием». Тем не менее, находясь на Черноморском флоте, Колчак, ведя активную переписку с Тимирёвой, переписывался и с другими женщинами, в частности – с Марией Семеновной Ивановой, женой командира линкора «Севастополь» капитана 1 ранга Леонида Леонидовича Иванова. В архивах Колчака сохранилось её письмо, содержащее следующие женские сентенции:

«Увидимся ли мы когда-нибудь или наша встреча промелькнула как волшебная сказка (для меня), чтобы не повториться вновь».

Во всей этой истории удивляет не то, что Колчак, забыв о жене и семейных обязанностях, увлекался другими женщинами, а то, что он увлекался жёнами морских офицеров, что в русском флоте с петровских времён считалось делом недостойным и аморальным. В своей любви к Колчаку Анна Васильевна призналась первой в Ревеле, во время прогулки по парку Кадриорг. В ответ на её слова: «Я вас люблю», он ответил: «Я вас больше чем люблю». Чуть ранее она подарила ему свою фотографию, где была изображена в русском наряде. Эту фотографию он держал на рабочем столе в своей каюте на штабном корабле Черноморского флота «Георгий Победоносец».

Перед отъездом на Черноморский флот Колчак, несмотря на острую занятость по передаче дел минной дивизии, несколько раз встречался с Анной Васильевной. Во время одной из таких встреч он попросил разрешения поддерживать с ней переписку. Она разрешила. Переписка началась с письма Колчака, которое матрос Черноморского флота передал Анне Васильевне на пригородной даче, где она отдыхала с сыном Володей. За время пребывания на Черноморском флоте Колчак написал ей очень большое количество писем, некоторые из которых доходили до 40 страниц рукописного текста. В них он описывал текущее положение флота, взаимоотношения с подчинёнными, свои чувства по отношению к Анне Васильевне. Она ему отвечала более короткими письмами, в которых неизменно выражала свою моральную поддержку.

Подлинники писем Колчака, по свидетельству Анны Васильевны, не сохранились. Имеются лишь 38 черновиков за период с февраля 1917 по апрель 1918 года. Они были изъяты у адмирала в момент его ареста в Иркутске. Среди них оказались и письма Анны

Васильевны. Их всего восемь. Первое датировано 13 октября 1916 года. Оно, как и все другие, пронизано искренней любовью к Колчаку. К нему она обращается со словами: милый Александр Васильевич, далёкая любовь моя, Сашенька, милый Сашенька, и т.п. В конце писем всегда следовали заверения в том, что она его любит, хочет видеть, желает получать от него гораздо больше письменных посланий. Все её письма содержательны, умны и изящны. В некоторых случаях в них просматривается и чисто женское начало: сообщение о покупке новой шубки, о весенних цветах, о надежде на скорую встречу и даже о тех или иных женских недомоганиях. Анна Васильевна в эту пору была ещё совсем молода. Ей едва исполнилось 23 года. В Колчаке она видела не только своего возлюбленного, но и старшего, более мудрого товарища. Она была младше его на 19 лет. Во время службы на Черноморском флоте Колчак поддерживал с Анной Тимирёвой только эпистолярную связь. Новая очная встреча состоялась лишь после девятимесячной разлуки, когда Колчак был вызван в Петроград на заседание Совета министров Временного правительства для доклада о состоянии руководимого им флота.

Первая мировая война. Командование Черноморским флотом

Известно, что формальной причиной назначения Колчака на пост командующего Черноморским флотом явилось недовольство Григоровича деятельностью вице-адмирала Эбергарда, который, по мнению Морского министра, руководил этим флотом недостаточно эффективно, вследствие чего турецкие надводные корабли и немецкие подводные лодки беспрепятственно действовали на всей акватории Чёрного моря. Только весной 1916 года ими было потоплено

30 пароходов, что составляло 25% всех судов русской черноморской транспортной флотилии. Понесённые потери осложняли доставку боевой техники, продовольствия и резервных войск на Кавказский фронт, которым с августа 1915 года командовал властный и требовательный великий князь Николай Николаевич. Особо большой урон русскому флоту и его береговым базам (Севастополю, Новороссийску и Одессе) нанесли турецкие крейсера немецкой постройки «Гебен» и «Бреслау». Они имели мощное артиллерийское вооружение и высокую скорость хода. Нейтрализация деятельности этих крейсеров, как и всего вражеского флота в Черноморском бассейне, становилась крайне необходимой.

Несмотря на некоторые недостатки Эбергарда, император Николай II считал его неплохим флотским руководителем и потому не сразу согласился с доводами Григоровича. Но тут неожиданно в дело вмешались представители английского посольства и английской военной миссии. В результате, командование Черноморским флотом всё-таки было возложено на Колчака. К месту новой службы он прибыл 8 июля 1916 года и сразу же отправился на штабной корабль «Георгий Победоносец», где его ждал адмирал Эбергард. Началась передача дел, которая длилась всего десять часов. К исходу дня произошла смена командующих, о чём было доложено в Морское министерство и Морской генеральный штаб. Колчак поднял свой флаг на новейшем по тому времени линкоре «Императрица Мария» и уже на утро следующего дня в сопровождении крейсера «Память Меркурия» и дивизиона эсминцев вышел в море на перехват вражеского крейсера «Бреслау», следовавшего привычным курсом на Новороссийск. Отряд шёл на предельной скорости и через несколько часов засёк дым из труб вражеского корабля. Сблизившись с «Бреслау» на расстояние 90 кабельтов (около 1,7 км), линкор открыл навесной огонь. Один

из последних залпов накрыл вражеский крейсер и на-
нёс ему ряд повреждений. Уничтожить «Бреслау» не
удалось. Пользуясь преимуществом в скорости хода и
прикрываясь дымовой завесой, он оторвался от пого-
ни и спешно ушёл в сторону Босфора.

Вернувшись в Севастополь, Колчак тотчас же занял-
ся ревизией состояния и боевой готовности вверенно-
го ему флота. Выяснилось, что большинство кораблей
нуждалось в срочном ремонте. Экипажи крейсеров
и многих эсминцев не имели нужной подготовки в
совместном маневрировании и ведении синхронных
артиллерийских стрельб. На кораблях и в береговых
службах наблюдалось систематическое нарушение во-
инской дисциплины. За устранение этих недостатков
новый командующий взялся с присущей ему энерги-
ей и настойчивостью. Начинания не встретили, одна-
ко, полной поддержки на флоте, в том числе и среди
ряда флагманских специалистов. Сильно раздосадо-
вал Колчака начальник минной бригады, на которого
он возлагал особые надежды. Главный минёр флота
не только не поддержал командующего в планах ве-
дения минной войны, но в докладной записке на его
имя назвал идею постановки минных заграждений у
берегов Турции и Болгарии «бесполезной, вредной и
рискованной».

Избавиться от подобных специалистов Колчак не
мог, так как в большинстве случаев на свои посты они
назначались высочайшим царским указом. Поэтому
пришлось, к неудовольствию многих подчинённых,
прибегнуть к ряду кадровых перестановок. Эта рабо-
та требовала непосредственных личных контактов с
людьми и, по свидетельству очевидцев, зачастую со-
провождалась со стороны Колчака криками, руганью
и разносами, в том числе и в адрес некоторых коман-
диров кораблей. Многие из них были недовольны дей-
ствиями командующего и искренне желали ему «сло-
мать шею» на новом посту. Тем не менее, энергичный

и волевой Колчак сумел взять ситуацию под свой контроль, и боевая готовность корабельного состава стала заметно повышаться. Главной стратегической задачей Черноморского флота адмирал считал достижение полного превосходства над флотом противника. По его мнению, решить эту задачу могли только массовые минные постановки у основных черноморских портов Турции и Болгарии. Комплексный план таких постановок был разработан оперативной частью штаба флота, которой руководил капитан 1 ранга Смирнов. Реализация плана началась в сентябре 1916 года. Минные постановки проводились в прибрежной водной полосе с таким расчётом, чтобы сохранялась возможность обстрела вражеских береговых укреплений русской дальнобойной корабельной артиллерией.

Для охраны минных заграждений и наблюдения за действиями противника выделялись специальные дозорные корабельные группы, которые несли боевое дежурство в районах, прилегающих к Босфору и болгарским портам Бургас и Варна. Обычно в состав таких групп входили линкор, крейсер и несколько миноносцев. Непосредственно у входа в Босфорский пролив постоянно дежурила одна подводная лодка. Результаты минных постановок не заставили себя долго ждать. Вскоре на подходе к Босфору со стороны Чёрного моря на минах подорвался линейный крейсер «Гебен». Его с трудом отбуксировали внутрь пролива и в дальнейшем участия в боевых действиях он уже не принимал. Всего на выставленных минах в районах Босфора, Бургаса и Варны было выведено из строя, помимо крейсера «Гебен», шесть немецких подводных лодок, более десяти турецких и болгарских миноносцев и канонерских лодок. У черноморского побережья Турции на минах подорвались около пятнадцати турецких транспортных судов и парусных шхун. Параллельно с этим, крейсерами Черноморского флота вёлся систематический обстрел турецких портов Зонгулдак,

Эрегли, Самсун и Синоп. Вследствие этого, возможности турок по снабжению южной группировки своих сухопутных войск боеприпасами, людскими резервами и продовольствием резко снизились.

Таким образом, к концу 1916 года первая стратегическая задача Черноморского флота была почти полностью выполнена: военные и гражданские суда вражеских причерноморских держав и Германии лишились возможности свободного плавания в акватории Чёрного моря. Эти успехи дались Колчаку нелегко. Как отмечали его сослуживцы, он в этот период «стал выглядеть гораздо старше своих лет, его крупный нос приобрёл хищное выражение, заметно усилилась сутулость». Хроническая усталость порождала нервные срывы. Колчак почти полностью перестал щадить своих подчинённых. Иногда его раздражительность приобретала трагикомичные формы. В порыве гнева он мог сорвать с себя форменную фуражку, бросал её на палубу и начинал нервно топтать ногами, исторгая брань (в том числе и нецензурную) в адрес окружающих его офицеров и матросов. Подчинённые терпели и прощали Колчаку эти выходки только потому, что видели в нём человека, который ради успехов флота не щадил и самого себя.

Успешное командование Черноморским флотом продолжалось для нового командующего всего три месяца. Утром 7 октября 1916 года на флагманском линкоре «Императрица Мария» произошёл пожар и серия мощных взрывов, вследствие чего корабль получил несколько крупных пробоин и, несмотря на отчаянные усилия команды по его спасению, перевернулся и затонул на внутреннем рейде Севастопольской бухты. Командующий принимал личное участие в спасении флагманского корабля и сошёл с него только тогда, когда тот дал опасный крен на борт. Последнюю агонию своего любимца, одного из мощнейших кораблей русского флота, Колчак наблюдал с палубы разъ-

ездного катера. Картина гибели линкора потрясла адмирала, но все, кто видел его в этот момент, единодушно отмечали, что он «не потерял самообладания, был сдержан и разумно распорядителен». Для разбирательства случившегося в Севастополь на несколько дней прибыла правительенная комиссия во главе с Морским министром адмиралом Григоровичем, который проявил сдержанность и выразил Колчаку сочувствие. На следующий день после случившейся катастрофы поступила телеграмма от монарха со словами: «Скорблю о тяжёлой потере, но твёрдо уверен, что Вы и доблестный Черноморский флот мужественно перенесёте это испытание».

В ходе работы комиссии было названо три возможных причины гибели корабля:

- самовозгорание пороховых зарядов;
- небрежное обращение личного состава с огнём и порохом;
- диверсия.

К окончательному выводу комиссия не пришла. Сам же Колчак считал, что причиной гибели «Марии» могла быть только диверсия. Правда, это своё мнение до высших инстанций он не довёл, а озвучил его всего раз в частном разговоре с одним из членов комиссии, которого хорошо знал по прежней службе на Балтике. В своём же официальном письменном отчёте Колчак указал на несовершенство пороха и его способность к самовозгоранию при определённом механическом воздействии. Истинную причину происшествия удалось установить лишь много лет спустя уже советским чекистам. Они арестовали группу немецких агентов, внедрённых Германией на судостроительный завод в Николаеве, где и был построен линкор «Императрица Мария». Корабль был новый и на нём осенью 1916 года всё ещё велись заводские доводочные работы. Одному из членов диверсионной группы, электрику по специальности, имеющему доступ на линкор, удалось

осуществить настройку электрооборудования в пороховых погребах таким образом, чтобы при больших нагрузках в электросетях возникало короткое замыкание. В качестве дублирующих средств на корабль были принесены и механические взрыватели. Сделать это не представляло никакого труда, так как за деятельностью рабочих бригад никто серьёзно не следил. В результате линкор был взорван в нужный для германской разведки момент. Данный факт свидетельствовал о плохо поставленной на Черноморском флоте контрразведывательной работе, что было прямым упущением его командующего, то есть адмирала Колчака. Согласно российскому законодательству, за подобную халатность он должен был незамедлительно пойти под суд. На его защиту встал Григорович, которому удалось убедить императора отложить судебный процесс до окончания войны. Тучи над головой адмирала временно рассеялись, но гибель флагмана он продолжал переживать как личную драму.

Беда, как известно, не приходит одна. Вскоре на минах у берегов Румынии подорвался и затонул миноносец «Беспощадный». Затем случилась авария на линкоре «Екатерина Великая». При входе в Севастопольскую бухту корабль зацепил винтами боновые заграждения, дал задний ход и сел на отмель вблизи Константиновского равелина. «Екатерину» с мели удалось снять, но случившееся серьёзно сказалось на душевном состоянии Колчака. Он практически потерял сон и, из-за опасения повторения подобных трагедий на других кораблях, будучи и без того редким гостем в своей семье, почти совсем перестал сходить на берег. Приходя же домой, устраивал скандалы, срываая накопившийся гнев на жене. Софья Фёдоровна, обладая сильным характером, пыталась погасить агрессивность мужа, но добиться успеха в этом так и не смогла. Колчак почти полностью душевно отделился от неё и мало интересовался судьбой сына. Полагая себя ответственным за не-

удачи на флоте, он подал прошение об отставке, но она не была принята. Адмиралу было указано продолжить постановку мин на маршрутах движения вражеских кораблей и активизировать подготовку флота к проведению Босфорской операции. Эти указания, продиктованные почти в категорической форме, отрезвили Колчака, и он спустя некоторое время вновь начал уверенно командовать флотом. Положительно на него подействовали и ободряющие письма Анны Тимирёвой, которая, узнав о случившемся, всячески стремилась поддержать и успокоить любимого человека. Колчак внутренне мобилизовался и уже к концу осени 1916 года сумел подготовить флот к захвату Черноморских проливов. На имя генерала Алексеева был направлен детально разработанный план десантной операции, но этот план, к величайшему огорчению адмирала, был неожиданно отвергнут. Алексеев считал, что флотский десант без поддержки сухопутных войск, наступающих со стороны Болгарии, обречён на провал. Захват Босфора, о котором так мечтал Колчак, был отложен в очередной раз, теперь уже до апреля 1917 года.

Вслед за этой, крайне неприятной для Колчака новостью, в штаб флота стали приходить очень тревожные вести из столицы. К концу 1916 года обстановка в Петрограде резко ухудшилась. Особой остроты она достигла в январе-феврале 1917 года. Город охватили забастовки рабочих Путиловского, Обуховского и других заводов. Их поддержали солдаты расквартированных в столице запасных батальонов гвардейских полков. Выступления проходили под лозунгами: «Долой монархию!», «Долой империалистическую войну!», «Да здравствует демократическая Россия!». В разгар этих событий Колчак был срочно вызван в Батум на беседу к командующему Кавказским фронтом великому князю Николаю Николаевичу. Он прибыл туда на миноносце «Пронзительный» 27 февраля 1917 года. Встреча состоялась на следующий день. Обсуждались

вопросы активизации морских перевозок с использованием захваченного русскими войсками турецкого порта Трабзон. По некоторым сведениям, в ходе беседы с Колчаком великий князь пытался в осторожной форме выяснить мнение адмирала о способности императора Николая II справиться с возникшим политическим кризисом. При этом делался намёк на возможную замену Николая II на более дееспособную личность, под которой, конечно же, понимался сам Николай Николаевич. Колчак на слова великого князя якобы дал уклончивый ответ, понимая их скрытый и опасный для личного благополучия характер.

Вечером того же дня адмирал получил телеграмму из Морского генерального штаба, в которой сообщалось, что Петроград полностью захвачен взбунтовавшимися рабочими и солдатами. Воспользовавшись этим обстоятельством, Колчак, нанеся прощальный визит великому князю, срочно убыл из Батума в Севастополь. По пути с борта миноносца он отдал приказ о приостановке всех видов почтовой и телеграфной связи Крыма с другими регионами России. События, между тем, развивались с молниеносной быстротой. Уже 2 марта 1917 года Колчак по каналам Моргенштаба был извещён о том, что в Пскове под жёстким нажимом членов только что созданного Временного правительства, известного читателю конституционного монархиста Гучкова и националиста Шульгина, а также представителя высшей военной верхушки страны командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского, император Николай II отрёкся от престола в пользу своего младшего брата Михаила.

Серьёзнейшее влияние на это решение оказало также совместное обращение представителей высшего военного командования России в лице начальника штаба Ставки генерала Алексеева и командующих фронтами генералов Брусилова (Юго-Западный фронт), Эверта (Западный фронт), Сахарова (Румын-

ский фронт) и великого князя Николая Николаевича (Кавказский фронт), в котором они просили царя «во имя спасения страны» оставить свой пост. Такое единодушие командующих фронтами было достигнуто в ходе предварительной телеграфной переписки Алексеева с каждым из них. Своё мнение они изложили в ответных телеграммах, где высказались за отстранение действующего монарха от власти. Колчак Алексеев не считал значимой военной фигурой и потому направил в его адрес лишь копии телеграмм всех перечисленных командующих. Колчак в своём ответном послании, не упоминая имени монарха, выразил «полное согласие с позицией высшего генералитета страны». Этим посланием он, как и все остальные представители российской военной верхушки, предал Николая II, проложив тем самым путь к неизбежному крушению имперской самодержавной власти.

Между тем, ожидания заговорщиков, в первую очередь конституционного монархиста Гучкова, не оправдались. Все его попытки уговорить великого князя Михаила занять царский трон не дали положительных результатов. Великий князь последовал советам министра юстиции Временного правительства Александра Фёдоровича Керенского, который убедил его не возлагать на себя обязанности монарха до конца текущего 1917 года, так как именно в этот момент должно было быть созвано всенародное Учредительное собрание с целью рассмотрения вопросов о новой государственной власти.* Таким образом, столь же-

* Учредительное собрание было созвано лишь в январе 1918 года, когда власть в стране перешла в руки большевиков. Расстановка политических сил внутри собрания, председателем которого был избран теоретик и вождь партии эсеров Виктор Чернов (в последующем его жизненный путь пересечётся с жизненным путём Колчака), оказалась не в пользу ленинской партии (большевики – 25%, эсеры и меньшевики – 62%, кадеты и другие буржуазные партии – 13%) и потому было решено это собрание на первом же его заседании закрыть.

ланной англофилу Гучкову конституционно-монархической формы правления в России, при которой бы монарх играл декоративно-представительскую роль, не случилось.

Что же привело Гучкова, бывшего председателя Государственной думы, крупного промышленника и политика к тому, что он столь сильно возненавидел Императора Николая II и сделал всё возможное, чтобы отстранить его от власти? Ответ на этот вопрос для нас чрезвычайно важен потому, что он напрямую связан с последующими этапами жизни Колчака, с пониманием того, как царский адмирал в одночасье превратился из верноподданного монархиста в ярого республиканца и демократа.

Остановимся на этой стороне вопроса более подробно и возвратимся к личности Александра Гучкова, ненавистника царского самодержавия и сторонника установления в России конституционно-монархического режима по особо нравящемуся ему английскому образцу. Истоки глубокой неприязни Гучкова к Николаю II связаны с тем, что после трагической гибели премьер-министра страны Петра Столыпина он хотел занять его пост, чтобы продолжить уже начавшиеся экономические реформы. Узнав об этом, император бросил реплику: «Ну, ещё и этот купчишка лезет». Императрица же в отношении Гучкова была ещё более категорична, она его просто ненавидела и в своих письмах супругу писала, что этого человека «нужно бы повесить или устроить тяжёлое железнодорожное несчастье, которое бы прервало его жизнь». Особенно же беспокоило Гучкова известие о том, что в июне-июле 1916 года состоялись тайные, инициированные царём, контакты русских дипломатов с представителями Германии по поиску условий заключения сепаратного мира. Для русского промышленного капитала, к которому принадлежал Гучков, это было бы страшным ударом, так как на поставках вооружения, боеприпа-

сов и обмундирования для воюющей русской армии зарабатывались миллиардные прибыли.

Об отношении царствующих особ к себе Гучков отлично знал и, руководствуясь чувством мести, поставил целью своей жизни лишить действующего монарха царского престола. О том, как была достигнута эта цель, исчерпывающе подробно описано в интереснейшей исследовательской работе Виктора Кобылина «Анатомия измены. Истоки антимонархического заговора», вышедшей в свет в Санкт-Петербурге в 1998 году. Нам нет необходимости полностью воспроизводить материалы этой уникальной работы. Укажем лишь на то, что организованный Гучковым антимонархический заговор преследовал самые кардинальные цели: арест царицы с последующим её убийством или заточением в монастырь. В отношении Николая II также предусматривались арест и возможное убийство. Левые силы (большевики, меньшевики, трудовики, эсеры и др.) никакого участия в запланированном антимонархическом заговоре на этом историческом этапе не принимали. Заговор был подготовлен, а затем и осуществлён исключительно правыми силами при активной поддержке Великобритании.

При этом следует учитывать, что Гучков, помимо занимаемых им высоких государственных постов, был также председателем влиятельной масонской Военной ложи. С помощью её членов он сумел создать вокруг императора плотное кольцо заговорщиков, о которых Николай II даже не догадывался. К концу 1916 года все наиболее важные посты в Царской Ставке занимали люди Гучкова: начальник штаба Ставки – генерал Алексеев, его первый помощник – генерал Клембовский, квартирмейстер Ставки – генерал Лукомский, заместитель Алексеева по оперативной части – генерал Гурко, а также сочувствующие Алексееву генералы Брусилов и Рузский. Прямыми сторонниками Гучкова и Алексеева были также командующие фронтами ге-

нералы Сахаров и Эверт. При такой расстановке заговорщических сил судьба Николая II была предрешена.

Гучков имел колоссальное влияние и на флотскую верхушку, в том числе и на Морского министра Григоровича, так как занимал во властных структурах государства две наиважнейшие должности. Он одновременно был главой Центрального военно-промышленного комитета и членом Особого совещания по обороне. От него напрямую зависело боевое и техническое оснащение флота. Что касается Колчака, то его Гучков заприметил ещё в 1906-1908 годах, когда тот занимался проблемами строительства обновлённого российского флота и в думских комитетах упорно отстаивал Большую и Малую судостроительные программы. Именно там состоялись первые контакты этих двух людей. Колчак понравился Гучкову личными качествами: сильной волей, цепким практическим умом, умением хорошо и доказательно отстаивать своё мнение. Поэтому он решил сделать на него ставку и принять в его судьбе самое активное участие, рассчитывая, что тот будет верным сторонником и исполнителем ряда просьб, в том числе и особого характера.

В конечном итоге, между этими людьми сложились хорошие личные и деловые отношения. Чтобы повысить роль и влияние Колчака в высших структурах российского флота, Гучков, при безусловном согласии самого Колчака, начал способствовать его продвижению по службе. Поскольку Гучков из-за неприязненных отношений с императором, не имел к нему регулярного доступа, то для выдвижения нужных ему офицеров, в том числе и Колчака, прибегал к услугам своего хорошего знакомого, резидента английской военной разведки в России, руководителя английской военной миссии при Царской Ставке полковника Самуэля Хора. Хор в свою очередь как прекрасный военный дипломат (позднее стал министром иностранных дел Великобритании) пользовался особым доверием

посла Англии в России Джорджа Бьюкенена. Именно Бьюкенен, по просьбе Хора, имея постоянный рабочий контакт с русским монархом, способствовал назначению Колчака на минную дивизию с присвоением звания контр-адмирала, а затем – на Черноморский флот с присвоением звания вице-адмирала. Помощь в этих назначениях оказывал Колчаку и находящийся в дружбе с Гучковым старший офицер морского отдела Ставки капитан 1 ранга Бубнов.

Факт участия англичан в назначении Колчака на высшие командные посты в структуре военно-морских сил России породил среди его биографов целый ряд противоречивых спекуляций. Некоторые западные исследователи, опираясь на документы английских и американских архивов, указывали на то, что Колчак в период своего временного командования минной дивизией был завербован английской разведкой в качестве её платного агента. При вербовке, по их мнению, был использован весьма весомый компромат, а именно: пристрастие Колчака к кокаину. Но в России времён царствования Николая II этот наркотик считался лекарственным средством и свободно продавался во всех государственных и частных аптеках. О том, что Колчак был завербован англичанами, утверждает в своей статье «Адмирал Колчак: жертва или злодей» и кандидат исторических наук Вероника Романишина. О том же можно судить и по заявлению в британском парламенте бывшего Военного министра Англии, куратора военной разведки своей страны в годы Первой мировой войны Уинстона Черчилля, в котором в отношении Колчака было сказано следующее: «Британское правительство призвало его к бытию при нашей помощи, когда необходимость потребовала этого». В унисон Черчиллю звучат и слова генерала Жанена, который в мемуарах указывает на то, что Колчак на протяжении нескольких лет находился на руководстве резидента английской разведки в Сибири генера-

ла Нокса и что это руководство осуществлялось через связного офицера майора Стевени.

При всей важности указанных доводов, поверить в них полностью всё-таки сложно. Колчак не мог, да у него и не было никаких веских мотивов выступать в роли обычного платного иностранного агента, снабжающего своих покровителей той или иной секретной информацией. Всё дело, на наш взгляд, вновь кроется в англофиле, большом друге Бьюкенена и Хора Александре Гучкове. Вероятно, именно он в беседах с Колчаком добился от него согласия служить интересам Англии как в настоящее время, так и в будущем, когда он (Колчак) займёт более значимые посты в военном, а возможно и в высшем государственном аппарате России. В связи со сказанным возникает вопрос: каким образом Гучков сумел оказывать столь сильное личное влияние на строптивого и горделивого Колчака и был ли Колчак членом его масонской Военной ложи. В отношении масонства Колчака, мнения его биографов разошлись. Точных документальных подтверждений его членства в гучковской масонской ложе нет. Однако, доподлинно известно, что адмирал знал о членстве в этой ложе генералов Алексеева, Гурко и Лукомского и якобы сочувственно относился к их взглядам на будущее конституционно-монархическое устройство России, при котором персональные недостатки монарха могли бы нивелироваться «общественным разумом» в лице Парламента (Думы) и Правительства. Что же касается мотивационной стороны, то Гучковым, видимо, было умело использовано свойственное Колчаку гипертрофированное стремление к публичному признанию и славе. Именно через удовлетворение этого стремления Гучков мог склонить адмирала на свою сторону.

Как мы знаем, замысел по установлению конституционно-монархического режима в России, в силу ряда непредвиденных обстоятельств, не осуществился. По-

литическую власть в стране захватило идеино разношёрстное либерально-меньшевистско-эсеровское Временное правительство, в котором всё более важную роль стал играть экспансивный, властолюбивый член Трудовой партии, видный масон Думской ложи Александр Керенский. Общая ситуация усложнялась тем, что уже в феврале 1917 года в стране начал активно формироваться второй центр российской власти – Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В нём большое влияние имели большевики и эсеры, которые 28 февраля объявили о создании собственных отрядов вооружённой милиции. 1 марта 1917 года, под нажимом солдат столичного гарнизона, эсеровская фракция Совета опубликовала текст так называемого Приказа №1, который сыграл в судьбе русской армии самую зловещую разрушительную роль.

Первоначально Приказ №1 адресовался только Петроградскому гарнизону, но затем быстро распространился на всю действующую армию. Он провозглашал создание выборных комитетов от нижних чинов в частях, отдельных службах и на военных судах всех российских вооружённых сил. Этим комитетам представлялось право не исполнять указы военной комиссии Думы, если они противоречили ранее принятым постановлениям местных Советов. Всё находящееся в воинских частях оружие (винтовки, пулемёты, бронемашины и др.) брались под полный контроль комитетов. Их выдача офицерам, даже если они этого требовали, без особого разрешения строго воспрещалась. По мере распространения действия Приказа власть в воинских частях стала переходить к безграмотным в военном отношении солдатским и матросским маскам. Начались расправы над офицерами, которые пытались сохранить порядок в своих воинских частях. Особая жестокость таких расправ наблюдалась в феврале-марте 1917 года на Балтийском флоте. 3 марта 1917 года в Гельсингфорсе при сходе со штабного кора-

бля матросами был застрелен командующий флотом, старый знакомый Колчака вице-адмирал Непенин. Всего в марте 1917 года на Балтике без суда и следствия было убито свыше 120 офицеров. Многие корабли оказались без командного состава и полностью потеряли свою боеспособность. О всех этих событиях Колчак был своевременно извещён Гучковым, который в это время занимал во Временном правительстве пост Военного и морского министра. Для того, чтобы избежать матросского мятежа на своём флоте, Колчак, по совету Министра, загрузил экипажи боевых кораблей постоянной боевой работой в море. Одновременно с этим он пытался установить более или менее сносные отношения с Севастопольским советом и подчинёнными ему матросскими судовыми комитетами.

2 марта 1917 года он, неожиданно для себя, получил от Гучкова сообщение о переходе монаршей власти к великому князю Михаилу и тотчас же отдал приказ о подготовке флота к присяге новому императору. Узнав на следующий день, что Михаил от престола отрёкся, уже 4 марта, первым из всех командующих фронтами и флотами, признал новое Временное правительство и привёл к присяге на верность ему свой флот. В развитие своей верноподданнической позиции, 5 марта 1917 года провёл в Севастополе парад войск «по случаю победы революции», на котором с трибуны публично заявил, что отныне он является убеждённым сторонником республиканских демократических принципов. Так в течение всего двух суток Колчак превратился из стойкого монархиста в республиканца и демократа со всеми вытекающими из этого последствиями для его будущей военной и государственной карьеры. В доказательство своей лояльности новой власти он признал законность деятельности Севастопольского совета и всех судовых комитетов, отдал распоряжение о перевозе в Севастополь с острова Березань останков расстрелянного в 1906 году руководителя восстания на

крейсер «Очаков» лейтенанта Петра Шмидта.* Распоряжение было незамедлительно исполнено. Останки лейтенанта, о сомнительных личных качествах которого Колчак не мог не знать, торжественно перезахоронили в севастопольском Покровском соборе.

Не оставил он без внимания и членов императорской семьи, укрывавшихся от последствий Февральской революции в своих крымских имениях. По его указанию, все они были взяты под домашний арест. В их дворцах и усадьбах были проведены тщательные обыски. Усердие адмирала не осталось незамеченным. 14 апреля 1917 года он был вызван в Петроград для участия в совещании высшего руководства страны по вопросу о способах и средствах продолжения войны с Германией. Вызывая Колчака в столицу, Гучков хотел заполучить в его лице верного и близкого помощника и попытался уговорить его возглавить осиротевший после гибели адмирала Непенина Балтийский флот. При этом он дал понять, что Балтфлот – это лишь промежуточная ступень и далее Колчак может рассчитывать на пост заместителя Военного министра по морской части, то есть фактически на пост Морского министра. Колчак от этих предложений отказался, ссылаясь на желание осуществить уже подготовленную им Босфорскую десантную операцию.

В период работы совещания у адмирала появилось свободное время и он, по своей собственной инициативе, решил провести встречу с известным марксистом Георгием Плехановым. К нему на квартиру он пришёл без предварительного уведомления и уже в самом начале беседы попросил помочи в обуздании революционного пыла подчинённых ему матросов

* О личности лейтенанта Шмидта, о его преступной натуре, вороватости, трусости, безответственности читатель может узнать в интереснейшей статье Владимира Шигина «Неизвестный лейтенант Шмидт», изданной в 2001 году в журнале «Наш современник» №13.

в интересах решения стоящих перед Черноморским флотом боевых задач. Плеханов усомнился в своих возможностях чем-либо помочь Колчаку. Позднее он оставил воспоминания, в которых отметил энергичность, напористость и сметливость адмирала, его умение интересно и занимательно рассказать о флотских проблемах. В заключение назвал Колчака «дельным человеком, только уж очень слабым в политике».

Спустя два дня после встречи с Плехановым Колчак присутствовал на экстренном заседании Совета министров, собранном для обсуждения военных вопросов. В работе заседания приняли участие Военный и морской министр Гучков и Верховный главнокомандующий генерал Алексеев (назначен на эту должность сразу после того, как в ней было отказано великому князю Николаю Николаевичу). Слово было предоставлено и Колчаку. Он сделал краткий доклад о стратегическом положении на Чёрном море и поднял вопрос о Босфорской операции, для которой Ставка должна была выделить, но всё ещё не выделила требуемые сухопутные дивизии. На претензию адмирала ответил Алексеев. Он заявил, что у него этих дивизий нет, и выразил мнение, что в условиях общего разложения армии Босфорскую операцию вряд ли нужно проводить. Данное заявление повергло Колчака в шок. В один момент рухнуло то, что должно было привести его к славе и стать венцом его военной службы. Недолюбливавший адмирала Алексеев, несколькими словами покончил с планами операции, которую с самого начала не приветствовал. Для Колчака случившееся стало большой личной трагедией, так как огромными усилиями подчинённых ему офицеров и матросов к апрелю-маю 1917 года была наконец создана полноценная дивизия морской пехоты и сформирована мощная транспортная флотилия, которую возглавил опытный моряк, бывший сослуживец Колчака по Порт-Артуру контр-адмирал Хоменко. После

отказа от проведения десантной операции настроение адмирала резко ухудшилось. Он понял, что перспективы успешного командования флотом больше не существует.

Перед отъездом в Севастополь он ещё раз повстречался с Гучковым. Тот выразил ему своё сочувствие и честно признался, что его влияние на членов правительства и военное руководство страны значительно понизилось. Вдохновитель antimонархического переворота ощущал, что его пребывание во Временном правительстве подходит к концу. Через три недели после этого разговора он подал в отставку. Пост Военного и морского министра в правительстве занял Керенский. Пользуясь случаем пребывания в столице, Колчак пожелал встретиться и с Анной Тимирёвой. Она тотчас же положительно откликнулась на его призыв и, оставив семью, прибыла из Ревеля в Петроград. Встреча состоялась 20 апреля в гостинице «Астория», где проживал Колчак. К огорчению обоих эта встреча завершилась серьёзной размолвкой. Судя по письмам Колчака, в ходе состоявшегося разговора, Анна, совершенно неожиданно для него, заявила о его «жестокости и невнимательности». Указала, что в поведении Колчака нет прежней «искренности и симпатии». Возник вопрос о целесообразности дальнейшей переписки. Колчак расценил упрёки Тимирёвой как демонстрацию потери её интереса к нему после того, как провалился план захвата черноморских проливов и он не смог положить к ногам возлюбленной обещанные ей Босфор и Стамбул. Особенно остро Колчак перенёс то, что Анна не захотела проводить его. Он ожидал её перед отъездом в Севастополь на вокзале, но она не пришла. В этот момент они считали, что их отношения уже не продолжатся. Однако в мае-июне 1917 года переписка между ними возобновилась, разногласия сгладились, добрые отношения восстановились.

Вернувшись в Севастополь в двадцатых числах апреля 1917 года, Колчак столкнулся с серьёзным обострением обстановки на флоте. Верховенство в Севастопольском совете и судовых комитетах получили большевики. Забастовали рабочие судостроительного завода. К ним примкнули матросы и солдаты береговых воинских частей. Серьёзно упала дисциплина на линейных кораблях, в том числе на флагманском корабле «Свободная Россия» (ранее «Екатерина Великая»).

Подобные же проблемы возникли на кораблях миноносной флотилии. Многие команды стали отказываться выходить в море. Приказы командиров почти повсеместно не выполнялись. В течение мая 1917 года Черноморский флот как боевая единица практически перестал существовать. 6 июня 1917 года Севастопольским советом было принято решение о разоружении офицерского состава. Во избежание кровопролития Колчак отдал распоряжение о сдаче личного огнестрельного оружия всеми офицерами флота. Сам же разоружаться не стал. Тогда встал вопрос об аресте самого адмирала и ставшего уже к этому моменту начальником штаба Черноморского флота капитана 1 ранга Смирнова. От ареста в конечном итоге отказались, но постановили немедленно уволить обоих с занимаемых постов.

Узнав об этом, Колчак направил срочную телеграмму Военному министру Керенскому с сообщением о том, что на флоте произошёл бунт и, что в сложившейся обстановке он на посту командующего флотом оставаться не может. Керенского на месте не оказалось. Так и не дождавшись ответа, Колчак вызвал к себе командира бригады броненосцев контр-адмирала Лукина и самовольно передал ему полномочия командующего флотом. Телеграмма от Керенского поступила лишь в три часа ночи. В ней вина за возникновение бунта на флоте была всецело возложена на Колчака. Ему было предложено немедленно вместе со Смирновым

прибыть в Петроград. Отъезд был назначен на вечер 7 июня 1917 года. Утром этого же дня в Севастополь неожиданно прибыла американская военная делегация во главе с контр-адмиралом Джеймсом Гленном. Официально объявленной причиной её приезда был интерес к опыту черноморцев по ведению минной войны против немецких подводных лодок. Фактической же стороной дела был интерес американцев к личности самого Колчака, которого они, с подачи Гучкова, Бьюкенена и Самуэля Хора, стали рассматривать в качестве одного из возможных фигурантов, поощряемой ими российской «конституционной диктатуры», которая, по их мнению, могла удержать Россию в орбите всё ещё ведущейся войны с Германией.

Из Севастополя Колчак и американская делегация выехали в намеченный срок в одном вагоне. На допросе в Иркутске этот факт Колчак искасал, заявив, что ехали в одном поезде, но в разных вагонах. Однако, по свидетельству военного переводчика лейтенанта Фёдорова, который сопровождал американскую делегацию, и американцы, и русские ехали именно в одном вагоне. При этом Колчак постоянно общался с самим Гленном и другими американскими офицерами. Обсуждались вопросы о состоянии вооружённых сил России, о личностных качествах нового Военного и морского министра Керенского, о возможности возвращения на этот пост Гучкова, о пользе для России диктаторской формы правления. Реакция Колчака на американский зондаж его позиции по всем этим вопросам доподлинно не известна. Однако все его последующие действия свидетельствуют о том, что предлагаемую ими диктатуру с этого момента он стал считать не только желательной, но и необходимой для России.

На железнодорожном вокзале Севастополя Колчак провожала жена Софья Фёдоровна с сыном. Колчак знал, что в этот город он уже никогда не вернётся. Перед ним (с помощью американцев и англичан) откры-

валась новая, сулящая более значимые перспективы, военная и государственная карьера. Свою семью он видел в день отъезда в последний раз, по существу, бросив её на произвол судьбы. И только стечание благоприятных обстоятельств и доброта простых русских людей, которые не выдали жены и сына адмирала разнозданной революционной толпе, спасли её от мучений, которым были подвергнуты тысячи офицерских семей по всей территории России.

В тенётах заговорщичества

Прибыв 9 июня 1917 года в Петроград, Колчак направился в Морской генеральный штаб, а затем – в Военное министерство, где от него потребовали объяснений по поводу бегства с вверенного ему Черноморского флота. На этот раз, как и позднее, в ходе иркутских допросов, он отвечал, что «был поставлен в такое положение, что не мог больше командовать». «Что же мне оставалось делать? – вопрошал он, – идти на дальнейший позор, на то, чтобы мои приказания не выполнялись?» Колчака выслушали и приняли его доводы к сведению, не возбуждая против него пока никакого следственного дела. Но Колчак не был бы Колчаком, если бы не выступил публично в свою защиту. На следующий же день по прибытии в Петроград он дал развернутое интервью местной газете, в котором в острой форме критиковал Временное правительство, возложив на него всю ответственность за развал армии и флота. На основании интервью на первой полосе этой газеты появилось воззвание, в котором адмиралу прочили пост премьера. При этом в целях возрождения армии и достижения победы над Германией, допускалась диктатура в виде некой «железной руки». Заявлялось, что если Колчак займет место председателя кабинета министров, то «это будет министерство победы».

Военный и морской министр Керенский, как и многие другие члены Временного правительства, усмотрели в данном воззвании прямой призыв к свержению действующей власти. Против газеты было возбуждено судебное расследование, а Колчака было признано необходимым призвать к ответу за всё, что случилось с Черноморским флотом. 13 июня 1917 года состоялось специальное заседание Совета министров, на которое были приглашены Колчак и начальник его штаба капитан 1 ранга Смирнов. Им было предоставлено слово. Оба выступили с хорошо аргументированными, содержащими здравую оценку положения на Черноморском флоте, речами. Настроенные первоначально враждебно против Колчака и Смирнова, члены Совета выслушали докладчиков в полном молчании. Каких-либо заключительных выводов по поводу поведения бывшего командующего Черноморским флотом на этом этапе сделано не было. Ограничились решением о направлении в Севастополь специальной комиссии. В ожидании завершения работы этой комиссии Колчак был вынужден оставаться в Петрограде. Между тем, сведения о нём продолжали проникать в прессу. Особенно усердствовали конституционные демократы (кадеты). Их печатные органы именовали адмирала «спасителем России». Провозглашался лозунг: «Вся власть – адмиралу Колчаку!»

Всё это крайне беспокоило Керенского, помышлявшего в этот момент занять пост Председателя Временного правительства. Поэтому, не колеблясь, он принял решение как можно быстрее избавиться от неудобного для него адмирала. Несмотря на то, что результаты работы побывавшей в Севастополе комиссии оказались для Колчака не столь угрожающими, ему умышленно не предлагалось никаких должностей ни в государственных, ни в военных органах. Он оказался в изоляции, и это его сильно раздражало. В этот тяжёлый момент на его частную квартиру неожиданно прибыл

лейтенант Фёдоров и передал просьбу контр-адмирала Гленнона, бывшего попутчика Колчака в поездке из Севастополя в Петроград, о том, что тот хотел бы с ним встретиться в самое ближайшее время в помещении американской военной миссии. Встреча состоялась на следующий день. На ней, кроме Гленнона, присутствовал «челночный» посол США Элиху Рут – бывший военный министр и госсекретарь США, выполняющий особые эпизодические поручения своего правительства за рубежом, в том числе и в России. В ходе встречи, как утверждают отдельные биографы Колчака, ему было предложено участие в антигосударственном заговоре, целью которого являлось низложение действующего Временного правительства, не способного ликвидировать Петроградский большевистский совет, мешающий России продолжить эффективную войну с Германией. Колчаку, как возможному представителю будущей российской власти, поручалась особая дипломатическая миссия, а именно – поездка в Лондон и Вашингтон для получения от правительства Англии и США устных или письменных заверений о признании ими нового правительства России, которое должно было прийти к власти в результате готовящегося генералом Корниловым военного переворота. Для сохранения в тайне целей этой поездки адмиралу была предложена прикрывающая легенда, содержащая сведения о том, что он с группой морских специалистов выезжает в США для обмена опытом по ведению минной войны на Черноморском театре военных действий. Этот опыт якобы был нужен американцам для планирования и осуществления операции по захвату Дарданелл со стороны Средиземного моря.* Колчак дал согласие, после чего Рут с Гленноном заверили его в том, что все необходимые формально-

* Каких-либо документальных сведений, подтверждающих реальное намерение США провести такую операцию, в американских военных архивах не обнаружено.

сти, связанные со сроками намеченной поездки, они согласуют с Военным министром Керенским. Вскоре это ими было сделано, и Керенский, не зная истинных целей поездки Колчака в США, с удовольствием, так как это соответствовало его личным интересам, дал на неё соответствующее разрешение.

В ходе состоявшегося с Рутом и Гленноном разговора перед Колчаком в общих чертах был раскрыт сценарий планируемого военного переворота. Его должен был осуществить, как было сказано выше, поддерживаемый американцами и англичанами, вступивший в июле 1917 года на пост Верховного главнокомандующего российскими вооруженными силами, генерал от инfanterии Корнилов*. Перед поездкой Колчака в США между этими двумя военачальниками должна была быть достигнута договоренность о совместных действиях. Посредничество в достижении этой договоренности брала на себя американская сторона. Пока же адмиралу предлагалось обратить внимание на поддерживаемый американцами действующий в Петрограде Республиканский центр, который ставил своей целью объединение всех столичных офицерских организаций для борьбы с большевистским Петроградским советом. Прощаясь с Колчаком, Гленнون указал на особую заинтересованность Англии и США в продолжении Россией войны с Германией и попросил о содержании беседы с Рутом никому не сообщать.

Поощряя антигосударственный переворот, англичане и американцы настаивали на том, чтобы в результате этого переворота в России была установлена не единоличная, а коллективная диктатура, сохраняющая внутри себя формальные признаки демократии. По общему согласию, эта диктатура была названа «Советом народной обороны». В него должны были войти:

* Из-за неудач на фронте в период со 2 апреля по 11 июля 1917 года сменилось три Верховных главнокомандующих: Алексеев, Брусилов и затем – Корнилов.

- председатель Совета – генерал Корнилов;
- министр-заместитель председателя – Керенский*;
- военный министр – генерал Алексеев;
- морской министр – адмирал Колчак.

На другие министерские посты планировалось назначение ещё семи человек. Один из этих постов, по настоянию Корнилова, должен был занять Георгий Плеханов. О намерении создать Совет народной обороны все готовящиеся войти в него лица, в том числе и Керенский, хорошо знали, и все они единодушно выразили согласие принять в его работе самое активное участие. Колчак также был поставлен в известность о своих будущих полномочиях и, видимо, в июле 1917 года имел тайные контакты с Корниловым на предмет согласования целей своей поездки в Великобританию и США. Он не соперничал с Корниловым, так как хорошо знал его боевое прошлое и уважал в нём решительного и смелого человека. Поэтому к своему подчинённому перед ним в Совете положению относился спокойно, хотя и допускал, что это положение может быть временным. Корнилов, в свою очередь, также высоко ценил Колчака, признавал его своим сторонником и не препятствовал вхождению в состав зарождающегося диктаторского правительства России. Имея некоторый запас времени и следуя рекомендациям Гленнона относительно Республиканского центра, Колчак быстро сошёлся с некоторыми из его руководителей и даже по их просьбе согласился возглавить Военный отдел этой организации. Сотрудничая с Центром, он имел множество контактов с членами различных офицерских обществ, вынашивающих планы свержения Временного правительства и установления

* Американцы и англичане настаивали на сохранении за Керенским важных государственных постов, так как он активно боролся с большевистскими Советами, выступал за продолжение войны с Германией и полностью отверг притязания России на захват Черноморских проливов.

в стране жёсткой военной диктатуры. По свидетельству капитана 1 ранга Смирнова, при осуществлении этих контактов адмирал вёл себя крайне неконспиративно, вследствие чего Керенскому стали известны его связи с «контрреволюционными группами». Последним скандалным моментом в этой истории стала встреча Колчака с генералом Гурко, бывшим членом Царской Ставки, имевшим серьёзные разногласия с Керенским по политическим и военным вопросам. Контакт двух военачальников был зафиксирован контрразведкой. Гурко был временно арестован, а на имя Колчака от Военного министра поступила телеграмма, в которой адмиралу предлагалось в кратчайший срок отбыть с группой вверенных ему офицеров к новому месту назначения (США). Этим указанием Колчак, как опасный для Керенского политический конкурент, фактически изгонялся из России на неопределённое время. В соответствии с этим указанием и на основании постановлений Правительства и Морского министерства, он во главе морской миссии, состоящей из семи человек, в конце июля 1917 года отправился, наконец, в намеченную зарубежную поездку. Убыл Колчак в США не кратчайшим и наиболее безопасным путём через Владивосток, а – через нейтральные Финляндию и Швецию в норвежский порт Берген и далее пароходом, в сопровождении английского миноносца, в Англию. Ехали, соблюдая строжайшие меры секретности под чужими именами, в гражданской одежде.

В связи с отъездом Колчака в длительный заграничный вояж, возникает вопрос, пытался ли он навести справки об оставленной им в Севастополе семье? Сведения на этот счёт отсутствуют. Зато доподлинно известно, что в конце июня 1917 года он провёл несколько дней с Анной Тимирёвой, которая специально приехала к нему в Петроград, чтобы проводить его в длительный путь. По её воспоминаниям, они в эти дни много гуляли по городу, много беседовали, посещали

концертные программы. В общении находили счастье. От прошлой размолвки не осталось и следа. В одном из последних разговоров с ней Колчак, оценивая своё ближайшее будущее, признался, что его дальнейшая судьба будет во многом зависеть от правительства Англии и США, в распоряжение которых он, по собственному его выражению, предоставил «свой военный опыт, знания, а также голову и жизнь в придачу». В первых числах июля Тимирёва уехала в Ревель, а Колчак спустя двадцать дней отправился в США. С этого момента личные отношения между ними вновь прервались на длительный срок. Единственной нитью, связывающей их, остались письма. Они условились посыпать их друг другу через знакомых или же дипломатической почтой.

В Лондон прибыли 2 августа 1917 года. Здесь Колчаку был оказан дружественный приём. Командование королевского флота устроило для него ознакомительный полёт на противолодочном самолёте и посвятило в планы ведения минной войны в акваториях Северного моря и пролива Ла-Манш. Переговоры с представителями британских политических кругов, к удивлению Колчака, почему-то откладывались. Вскоре, однако, выяснилось, что запланированный на вторую половину августа 1917 года военный переворот в России стал неожиданно пробуксовывать. Это произошло из-за особой позиции, ставшего 8 июля 1917 года Председателем Временного правительства, Александра Керенского. В действиях Корнилова и сочувствующих ему генералов Ставки, а также влиятельных фронтовых командиров (Лукомского, Романовского, Каледина, Деникина, Крымова, Маркова) он небезосновательно усмотрел явное посягательство на свою власть и даже – на жизнь. Особенно беспокоил Керенского тот факт, что с получением поста Верховного главнокомандующего авторитет Корнилова в стране резко возрос. Большинство офицеров стали рассматривать его в

качестве последней надежды на спасение охваченной революционной смутой страны. Мощную поддержку Корнилов получил в Москве, где 13 августа 1917 года принимал участие в работе так называемого «Государственного совещания генералов». На совещании была принята программа неотложных мер для восстановления порядка в армии. Программу на совещании озвучил казачий генерал Каледин. Программа включала в себя шесть наиважнейших пунктов:

- армия должна быть вне политики, митинги, собрания с их партийной борьбой и расправами должны быть полностью запрещены;
- все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу;
- дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами;
- декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей;
- тыл и фронт – единое целое; меры по укреплению дисциплины на фронте должны быть применены и в тылу;
- дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены, руководящему составу должна быть предоставлена полная власть.

В состоявшихся на совещании дискуссиях остро критиковались беспомощные действия правительства и его главы Керенского. Главной целью ставилась ликвидация «немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным», роспуск всех советов, прежде всего Петроградского. Несмотря на критику в свой адрес, Керенский, как участник военного заговора и формальный сподвижник Корнилова, со всеми положениями этой программы был вынужден согласиться, и она через три недели была принята как государственная программа.

Между тем Корнилов, вернувшись из Москвы в Могилёв, где размещалась его Ставка, не видя в лице

Керенского сильного политического противника, не скupился на острые критические реплики в его адрес. Нередко в присутствии штабных офицеров он называл Керенского болтуном, прислужником советов, перевёртышем, никуда не годным правителем и т.п. Эти оценки тотчас же доходили до главы правительства. Усмотрев в них прямую угрозу своему положению, он решил действовать, и в тот момент, когда Корнилов приступил к завершающему этапу подготовки корпуса генерала Крымова и некоторых других фронтовых частей к броску на Петроград, вышел из членства в антигосударственном заговоре и направил верные идеалам Февральской революции правительственные войска на перехват корниловских войск. Против этих войск выступили и хорошо вооружённые дружины большевистской Красной гвардии, причём их действия оказались даже более эффективными. В результате корниловские части были остановлены на подступах к Петрограду. 30 августа 1917 года с корниловским мятежом было покончено. 1 сентября 1917 года в ознаменование этого события Россия была провозглашена Республикой.

На протяжении всего этого драматического периода американцы, и особенно английский посол Бьюкенен, пытались убедить Керенского войти с Корниловым в прежние заговорщицкие связи. Керенский на все эти уговоры не пошёл и решил бороться всеми для него доступными средствами за сохранение своей власти. После подавления мятежа Корнилов был провозглашён изменником и предателем и отстранён от занимаемой должности. Его полномочия решением Временного правительства в тот же день были переданы Керенскому. С этого момента он сосредоточил в своих руках всю полноту Российской государственной власти (Председатель правительства, Верховный главнокомандующий, Военный и морской министр). Корнилова и его сообщников при содействии бывшего на-

чальника штаба Царской Ставки генерала Алексеева арестовали и на период ведения следствия содержали сначала в Могилёве, а затем – в небольшом городке Быхове. Через некоторое время все они благополучно оставили этот город и перебрались на Дон для организации Белого добровольческого движения. Обеспокоенным усилием позиций большевиков в Петрограде, туда же вскоре перебрался и генерал Алексеев, который на этом этапе жизни, по воспоминаниям очевидцев, часто горестно восклицал: «Если бы я знал, если бы я знал...», имея в виду свою предательскую роль в судьбе императора Николая II.

С корниловским мятежом было покончено. Однако это тотчас же сказалось на устойчивости Временного правительства. Потеряв поддержку в офицерской среде и лишив себя самых талантливых полководцев, оно оказалось в глубоком политическом кризисе и стало быстро терять руководящую роль в стране. Этим обстоятельством незамедлительно воспользовались большевики. При их активном участии Петроградский совет принял историческую резолюцию «О власти», в соответствии с которой руководство на местах переходило в руки местных народных советов. Обо всех этих событиях стало известно в Лондоне. Поэтому Колчаку дали понять, что главные цели его визита не могут быть реализованы и что ему придётся для подтверждения рабочей легенды выехать в США.

Перед убытием с Колчаком несколько раз встречался начальник британского Морского штаба адмирал Холл. В своей последней беседе с ним он настойчиво проводил мысль о том, что в сложившихся условиях Россию от полного краха может спасти только военная диктатура. С этим напутствием Колчак с приданной ему группой офицеров (они не знали о подлинной цели поездки Колчака в Лондон и США) 16 августа 1917 года убыл на английском крейсере в Канаду, а затем из Канады – поездом в Вашингтон. Так сорвалась

ещё одна попытка амбициозного адмирала прославить своё имя и войти в историю России теперь уже в качестве её освободителя от взбунтовавшихся народных масс.

В Вашингтон русская военная миссия прибыла 28 августа 1917 года. Этот визит Колчака носил чисто протокольный характер. Он и члены его миссии встретились с русским послом и нанесли визиты военному министру и госсекретарю США. Посетили они также судостроительные верфи и ознакомились с работой Военно-морского колледжа в Ньюпорте. Им также была предоставлена возможность наблюдать с борта линкора «Пенсильвания» маневры Атлантического флота США. 16 октября 1917 года Колчак был представлен президенту США Вудро Вильсону. Из краткой беседы с ним адмирал уяснил, что американское руководство продолжает делать ставку на Керенского и достаточно лояльно относится к большевизму, считая его одной из форм народной демократии. Он также осознал, что нужда в нём, после провала корниловского похода на Петроград, отпала и ему поневоле нужно возвращаться на Родину. С этими мыслями Колчак 25 октября 1917 года с группой офицеров миссии отправился на японском пассажирском пароходе из Сан-Франциско во Владивосток. В США остался лишь его бывший начальник штаба капитан 1 ранга Смирнов. Открывалась ещё одна, теперь уже скитальческая страница в жизни адмирала.

Заграничные мытарства. Гражданский брак с Анной Тимирёвой

Прибыв в Японию и поселившись в городе Йокогама, адмирал узнал, что за время его отсутствия в Петрограде произошёл государственный переворот. Временное правительство пало, к власти пришли

большевики, которые сразу же заявили о своём намерении выйти из войны и подписать сепаратный мирный договор с Германией. Колчак понял, что свободного пути в Россию для него больше не существует. Он распустил свою группу, предоставив каждому из её членов полную свободу действий. Сам же после некоторых размышлений направился в Токио на встречу к посланнику Великобритании сэру Грину с просьбой принять его на английскую военную службу «как угодно и где угодно, на каких угодно условиях, хотя бы и в качестве простого солдата».

Английский дипломат отнёсся к этой просьбе с пониманием и обещал довести её до сведения своего правительства. Вскоре из Лондона пришёл ответ, в котором адмирала благодарили за сделанное им предложение и просили не уезжать из Японии до принятия решения о его использовании на английской военной службе. Потерпев неудачу на дипломатическом поприще, адмирал вновь обратился к своему излюбленному кумиру – богу войны. В одном из писем этого периода к Анне Тимирёвой он заявлял: «Я служу снова, служу войне – единственная служба, которую я не только теоретически ставлю выше всего, но которую искренне и бесконечно люблю». Боевой порыв Колчака был, однако, приглушен английской медлительностью. Британское руководство явно не знало, куда пристроить незадачливого русского адмирала. Неопределенность тяготила. Колчак вновь впал в депрессию и даже подумывал, по его собственному признанию, о самоубийстве.

Спасали редкие письма Анны Тимирёвой и очередная увлечённость восточной философией. Изредка он посещал русское посольство, где через морского агента (атташе) знакомился с событиями в России и получал, приходившую на его имя почтовую корреспонденцию. Наконец, 30 декабря 1917 года, после двух месяцев томительного ожидания, Колчака вызвали в

английское посольство, где ему было сообщено, что он принят на королевскую военную службу и ему следует срочно убыть на Месопотамский фронт (в Ирак), где англичане вели наступление против турецких войск с целью соединения с русским Кавказским фронтом. Адмирал неплохо знал Кавказский театр военных действий и потому британское командование решило использовать его в качестве консультанта при планировании своих сухопутных операций.

Колчаку к назначенному месту службы было предложено добираться через Китай в индийский порт Бомбей, где размещался штаб английской восточной армии. Здесь он должен был получить окончательное распоряжение относительно своих новых служебных обязанностей. В начале января 1918 года адмирал пароходом из Японии направился в Китай и далее в Индию. 11 марта 1918 года он с несколькими пересадками добрался до Сингапура. Здесь его встретил командующий местным английским гарнизоном и вручил секретный пакет. В пакете содержалось уведомление о необходимости срочно вернуться в Китай для последующей работы в Маньчжурии. Все подробности о своей дальнейшей деятельности Колчаку предлагали получить от сотрудничающего с англичанами русского посланника в Пекине князя Кудашева.

Выполняя полученное указание, адмирал из Сингапура вновь отправился в Китай, добрался пароходом до Шанхая и затем поездом до Пекина, где и встретился с русским посланником. Князь Кудашев – опытный дипломат – был знаком Колчаку, так как длительное время возглавлял дипломатическую канцелярию бывшей Царской Ставки и, по своему положению, имел связи со всеми командующими армиями и флотами, снабжая их текущей военно-политической информацией. В ходе беседы Кудашев объяснил причину отзыва адмирала в Китай: подписав мирный договор с Германией, Советское правительство распустило старую

русскую армию и ликвидировало все действующие фронты, в том числе и Кавказский. Задача английских войск по объединению с этим фронтом отпала, отпала и нужда в услугах Колчака. Теперь ему, по настоянию английской стороны, предлагалось участие в организации вооружённой борьбы с большевиками на русском Дальнем Востоке и в Сибири. Эта борьба предполагала ликвидацию всех созданных здесь к этому времени советских органов власти с последующей их заменой на новые административно-управленческие органы, подчинённые единому, пока ещё не созданному, Всероссийскому буржуазному правительству, в котором адмиралу должен быть отведён один из ключевых постов.

Для того чтобы убедиться, что данная инициатива действительно исходит от англичан, Колчак во второй половине марта 1918 года сделал официальный запрос в британское военное ведомство, в котором просил сообщить, «следует ли ему рассматривать новое переназначение как приказ или же как только рекомендацию, которую можно не исполнять». В ответе английской стороны указывалось, что она настаивает на контактах адмирала с Кудашевым и что все указания, которые он ему передаст согласованы с английским руководством. Отметим, что к моменту возвращения Колчака в Пекин политическая ситуация в мире коренным образом изменилась. С подписанием мирного договора с Германией Россия перестала быть союзницей других стран Антанты и ожидала от них, если не дружественного, то хотя бы нейтрального отношения. Этого, однако, не произошло. США, Англия и Франция сочли Россию проигравшей в войне стороной и поставили перед собой цель принудить её к выполнению ряда невыгодных для неё условий. При этом Советское правительство в расчёт не бралось. До всех же других местных областных правительств, претендующих на роль единого Всероссийского прави-

тельства, эти условия были доведены. Они состояли в следующем:

– при строительстве новой российской государственности все привлечённые к этому антибольшевистские силы должны исключить возможность возрождения в стране старой монархической формы правления; новые органы власти должны создаваться на основе общепринятых международных демократических принципов;

– будучи созданными, эти органы обязаны предложить независимость Польше, Финляндии, закавказским и прибалтийским народам без каких-либо компенсационных пожертвований в адрес России с их стороны;

– образовавшееся вследствие демократических процедур Всероссийское буржуазное правительство должно обеспечить странам-победительницам льготный доступ к русским национальным природным ресурсам.

Содержание перечисленных условий свидетельствовало о том, что западные страны навязывали России полуколониальный статус. То, что им не удалось в 1917 году в Петрограде с генералом Корниловым, решено было повторить на русском Дальнем Востоке и в Сибири, но теперь уже при участии Колчака. Кудашев, как опытный дипломат, об этих целях западных держав, видимо, догадывался, но в разговоре с адмиралом коснулся только практических вопросов. До Колчака были доведены сведения о том, что на юге России под руководством генералов Алексеева и Корнилова создана Белая добровольческая армия, которая начала боевые действия против большевистской России. Такую же армию предполагалось создать и на Дальнем Востоке. Плацдармом для её формирования была избрана полоса отчуждения вдоль Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), где действовало несколько разрозненных казачьих отрядов, ведущих партизан-

скую войну против находящихся здесь немногочисленных частей Красной армии. Наиболее боеспособными из этих отрядов считались Забайкальское казачье войско атамана Семёнова и Уссурийское казачье войско атамана Калмыкова. Помимо этого в Харбине действовал двухтысячный отряд полковника Орлова, состоящий из офицеров, бежавших от большевистских преследований из центральных районов России на Дальний Восток.

Колчаку поручалось все эти разрозненные силы объединить и подчинить единому командному центру. В последующем, на базе этих объединённых сил, предполагалось создать отдельную армейскую группу для действий против Советской власти на дальневосточной территории и в Сибири. Для выполнения этой задачи адмирал в начале мая 1918 года убыл из Пекина в Харбин, где встретился с главой местной русской администрации, управляющим русского отдела КВЖД генерал-лейтенантом Дмитрием Леонидовичем Хорватом. В распоряжении последнего находилась только железнодорожная охрана численностью до полутора тысяч человек, которую он незамедлительно готов был передать под командование адмирала. Колчак, выполняя указания англичан, вскоре взял её под своё начало. Ему тут же выдали зелёную форму этого охранного войска и пожаловали титул командующего вооружёнными силами КВЖД. Титул несомненно декоративный, так как никаких реальных сил в подчинении Колчака пока ещё не было. Нужно было эти силы создать. Адмирал начал с орловцев и быстро нашёл с ними взаимопонимание. Но орловцы были плохо вооружены и не имели в своём составе маневренного элемента – конницы. Поэтому по совету командира отряда полковника Орлова, Колчак решил провести переговоры с атаманом Семёновым, чтобы убедить его влиться в формируемую армейскую группу. Семёнову, как оказалось, эта встреча была не нуж-

на, но настойчивый адмирал всё-таки сумел разыскать его в штабном вагоне на железнодорожной станции Маньчжурия. По воспоминаниям атамана, разговор с Колчаком был для него крайне неприятен, так как тот в резкой форме начал упрекать собеседника в нежелании подчиниться русскому военному командованию в Харбине, а также в чрезмерно большом доверии к японцам. В ходе разговора адмирал пытался вручить Семёнову 300 тысяч рублей, если тот согласится на сотрудничество. Атаман отказался, заявив, что он ни в чём не нуждается и всё для себя необходимое в избытке получает от японцев. От взаимодействия с харбинской властью генерала Хорвата он категорически отказался и подчеркнул, что в будущем будет иметь дело только с законным Всероссийским правительством, на создание которого искренне надеется.

После встречи с Семёновым Колчак понял, что самый большой казачий отряд для начатого им дела потерян. В сложившейся ситуации он вынужден был переключить внимание на Калмыкова, чьи казачьи части базировались на русской территории в районе железнодорожной станции Пограничная, недалеко от Владивостока. Именно этот город адмирал поставил своей целью захватить, так как здесь ещё с царских времён было складировано большое количество оружия и боеприпасов. Для этого он изучил возможности создания военной флотилии на реке Сунгuri, впадающей в Амур и имеющей через него выход в реку Уссури, прямо ведущей к Владивостоку. О всех этих планах вскоре стало известно японскому военному командованию, которое было заинтересовано в установлении своего контроля над русскими дальневосточными территориями. Колчак японцам явно мешал, и они решили его из Харбина убрать. Для этого адмирала пытались дискредитировать перед Хорватом, обвинив в превышении полномочий и подрыве совместной русско-японской борьбы с большевизмом. За всеми

этими интригами стояла японская военная разведка и конкретно её представитель при Хорвате, бывший военный атташе Японии в Санкт-Петербурге генерал Накашима. Колчак решил с ним лично объясниться, для чего прибыл в японское военное представительство. Разговор с самого начала вёлся на повышенных тонах. Адмирал обвинил японца в преднамеренных действиях по подрыву дисциплины в русских воинских формированиях и поддержке авантюриста атамана Семёнова. О состоявшейся беседе стало известно генералу Хорвату, который так же, как и Семёнов, материально почти полностью зависел от японского командования. Опасаясь ухудшения своих отношений с этим командованием, осторожный Хорват решил от Колчака избавиться. Он вызвал его к себе и дал понять, что на посту командующего вооружёнными силами КВЖД Колчак, в силу сложившихся обстоятельств, более оставаться не может. Адмирал вспылил и заявил, что своего поста не оставит, а для устраниния возникших недоразумений отправится в Японию для проведения встречи с начальником японского генерального штаба. Хорват не возражал.

Уже перед самым отъездом, просматривая поступившую в Правление КВЖД почту, Колчак неожиданно обнаружил письмо от Анны Тимирёвой. Она писала из Владивостока, где находилась со своим мужем контр-адмиралом Тимирёвым, занимавшимся, по поручению Советского правительства, ликвидацией части хранящегося здесь военного имущества Тихоокеанского флота. О том, что Колчак в Харбине, она узнала случайно от знакомого ей морского офицера. Уточнив адрес, направила через английское консульство во Владивостоке письмо и, получив скорый ответ, сама засобиралась в Харбин. Там, в Харбине, после очередной длительной разлуки они, волею судьбы, встретились вновь. Между ними впервые зашёл разговор о совместной супружеской жизни. Вернувшись из Харбина на

короткое время во Владивосток, Анна объявила мужу, что уходит от него. Муж просил опомниться и осться, но она была непреклонна. Согласились разойтись с условием, что их сын Владимир останется с ней.

В начале июля 1918 года Колчак выехал из Харбина в Токио для встречи с начальником генерального штаба Японии генералом Ихарой. Встреча носила чисто протокольный характер. Колчак заявил, что он считает Японию дружественной России страной и надеется на её помошь в приобретении партии оружия, чтобы выбить из Владивостока красные части. Каких-либо конкретных обещаний адмирал не получил. Ему предложили подождать и на период принятия решения, отдохнуть на одном из японских курортов. Адмирал дал согласие, что позволило японской стороне почти на два месяца вывести его из сложной политической игры. За этот период на Советском Дальнем Востоке произошёл вооружённый переворот. При поддержке интервентов (англичан и французов), находящиеся здесь передовые части Чехословацкого армейского корпуса свергли советскую власть во Владивостоке, а затем и в Хабаровске. Поэтому необходимость похода на Владивосток колчаковских отрядов отпала. Колчак в очередной раз оказался не у дел.

В это время, находящаяся во Владивостоке Анна Тимирёва настояла на бракоразводном процессе. Брак, несмотря на уговоры мужа, был официально расторгнут в июле 1918 года. Сын Володя, по взаимной договорённости, остался проживать у своей бабушки в Кисловодске. После оформления развода Анна, продав жемчужное ожерелье и купив на вырученные деньги билет на пароход, отправилась в Японию, в порт Нагасаки. Из Нагасаки поездом добралась до Токио и здесь, наконец, встретилась с Колчаком. Первоначально поселились в городском отеле, затем адмирал увёз свою спутницу в курортный городок Никко, где они провели свой медовый месяц. Это время на всю жизнь

оставило в душах влюблённых приятные воспоминания.

Смена обстановки была нужна Колчаку как воздух, и в этом смысле Анна стала его подлинным спасением. Перед её прибытием он вновь начал переживать глубокий душевный кризис, тяжело перенося серию фатальных жизненных неудач, связанных с крушением планов захвата Босфора, с провалом намерений занять пост Морского министра в корниловском Совете обороны, с просчётами в формировании армейской группировки в зоне КВЖД. Эти неудачи удручили горделивого адмирала, но явилась Анна и в очередной раз помогла ему. Неожиданной поддержкой для Колчака стало и появление в Японии главы военной миссии Великобритании на русском Дальнем Востоке и в Сибири английского генерала Альфреда Нокса. Он сам разыскал адмирала. Встреча состоялась в августе 1918 года на токийской квартире Колчака, адрес которой Нокс узнал от князя Кудашева. Англичанин в разговоре был прям и откровенен и уже в начале беседы заявил: «Искренне надеюсь, что вы только временно отошли от активной работы воссоздания в России нужного порядка власти». Далее Нокс изложил своё видение этой проблемы. Он считал, что российская власть в своём развитии должна пройти несколько трансформаций и в конечном итоге стать конституционно-демократической. Этой власти должна предшествовать временная, хорошо организованная военная диктатура, которую (это Нокс подчеркнул) мог бы возглавить Колчак.

Польщённый данной репликой, адмирал в разговоре с Ноксом также был предельно откровенен. Он заявил, что всякая диктатура эффективна только в том случае, если опирается на вооружённую силу, а такой силы в восточных регионах России нет. Для её создания нужна помошь союзников. В ответ Нокс заявил, что такая помощь предусматривается и что сильная русская армия будет воссоздаваться при помощи английских инструк-

торов. В конце разговора Нокс выразил удовлетворённость состоявшейся беседой и попросил Колчака подготовить справку о состоянии вооружённых сил России во Владивостоке, на Дальнем Востоке и в Сибири. Адмирал обещал такую справку (записку) подготовить. Для её составления он использовал свои собственные знания о военном положении в Маньчжурии, сведения почерпнутые из различных русских военных источников, а также данные, доставленные ему из Владивостока специально посланным туда его ординарцем. Составляя справку, Колчак не мог не осознавать того, что выполняет задание английской военной разведки. Но адмирал был на военной службе Великобритании и потому на морально-этическую сторону подобной деятельности уже не обращал никакого внимания.

В соответствии с составленной справкой, положение на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии выглядело трагично. Надежду можно было возложить лишь на находящиеся здесь военные монархические организации и чехословацкие части. Но они были разрознены, подчинены различным командным инстанциям и потому не представляли собой серьёзной боевой силы. Справка завершалась рекомендациями по построению регулярной русской армии под руководством русских кадровых офицеров и при участии английских инструкторов. Предоставленные Колчаком материалы и рекомендации полностью удовлетворили Нокса. В своём докладе в Лондон он охарактеризовал адмирала как самого подходящего человека для осуществления британских интересов в России.

Ещё один отчаянный рывок за ускользающей славой

По настоянию Нокса Колчак в первой половине сентября 1918 года убыл морским путём из Токио во

Владивосток. Одновременно с ним туда же в сопровождении английского охранного батальона направился и сам Нокс. Несколькими днями позднее из порта Иокогама во Владивосток пароходом отплыла Анна Тимирёва. Начался новый, не менее драматический этап в жизни адмирала. Англичане, при поддержке американцев, стали усиленно готовить его на роль военного диктатора России. Сама же Россия в это время жила насыщенной драматическими событиями жизнью. Во Владивостоке, после совершенного здесь чешскими легионерами переворота, установилась буржуазная власть. Большевики были вынуждены перейти на нелегальное положение и развернули работу по организации активного вооружённого сопротивления, так как в этот период многие территории севера, юга, Дальнего Востока, Западной и Восточной Сибири уже контролировались белогвардейскими и иностранными войсками. На этих территориях активно формировались новые буржуазные органы власти. В крупных городах эти органы зачастую преобразовывались в местные областные правительства, каждое из которых, как уже было отмечено выше, претендовало на всероссийскую власть. Это были: Архангельск, где базировалась группировка белогвардейских войск под командованием генерала Миллера, Оренбург – столица казачьего войска атамана Дутова, Омск, Владивосток, Хабаровск, Самара, Екатеринбург, а также региональные временные правительства Кубани, Башкирии и Калмыкии. Всего на территории охваченной Гражданской войной России существовало 17 таких правительств.

Из всех названных претендентов на роль центральной всероссийской власти в момент нахождения Колчака во Владивостоке более всего подходило Омское временное правительство, которое, выступая против многовластия в стране, провело серию переговоров с каждым из самопровозглашенных региональных правительств с целью убеждения их в необходимости соз-

дания в стране единой централизованной власти. При этом главный упор делался на те из них, которые к моменту переговоров сумели создать не только свою администрацию, но и вооруженные отряды, реально ведущие боевые действия против частей Красной армии. К таковым, прежде всего, относилось Самарское правительство, которое именовалось Комитетом Учредительного собрания (Комучем). Верхушка этого правительства состояла из эсеров и меньшевиков, сторонников продолжения политического курса свергнутого большевиками Временного правительства. Возглавлял Совет Комуча эсер Вольский. Ему и его сторонникам удалось создать при содействии захвативших Самару чехов свою Народную армию, в которую влились не только бежавшие из Советской России белые офицеры, но и рабочие государственных Ижевского и Воткинского оружейных заводов. Помимо этого, в состав Народной армии вошло около 15 тысяч оренбургских и уральских казаков. Всего на сентябрь 1918 года Народная армия насчитывала около 25 тысяч неплохо вооруженных, готовых воевать с большевиками, военнослужащих, среди которых офицеры составляли полторы тысячи человек.

Переговоры между Омским и Самарским правительствами шли сложно. Каждое из них стремилось сохранить верховную власть за собой. Однако к концу сентября 1918 года Красная Армия вплотную подошла к Самаре. Комуч вынужден был временно переместиться в Уфу. Вследствие этого его переговорные позиции ослабли (у Комуча была армия, но не было, в отличие от Омского правительства, своих подконтрольных территорий). В конечном итоге договорились создать единое Всероссийское правительство, верховным органом которого стала бы Директория, состоящая из пяти наделённых особыми властными полномочиями человек. Председателем Директории был избран эсер Авксентьев, заместителем предсе-

дателя – кадет Астров, командующим Народной армией – беспартийный генерал-лейтенант Василий Георгиевич Болдырев. От Омского правительства в Директорию вошёл в качестве премьер-министра коренной сибиряк, юрист, беспартийный Пётр Васильевич Вологодский. Его заместителем стал сибиряк Чайковский, но он находился вне Омска, за линией фронта. Исполнение его функций было возложено на бывшего члена эсеровской боевой организации Зензина.

Новая власть – Временное Всероссийское правительство (Директория) была торжественно провозглашена 23 сентября 1918 года в Уфе, но уже 2 октября этого же года, под нажимом приближающегося фронта, была вынуждена перебраться в Омск. Первым политическим шагом нового правительства стала поездка премьера Вологодского во Владивосток для встречи с Хорватом – главой Дальневосточного правительства и Дербером – председателем Временного правительства автономной Сибири, созданного при прямой поддержке чехов в июне 1918 года. И Хорват, и Дербер открыто претендовали на верховную всероссийскую власть, однако после вмешательства в переговорный процесс генерала Нокса, Вологодскому удалось убедить их признать верховную власть Омского правительства. В результате, Хорват, провозгласивший себя в июле 1918 года Временным правителем России, вынужден был согласиться на роль регионального руководителя с получением формальных прав на автономное управление Дальневосточным краем, а Дербер, администрация которого разместилась во Владивостоке, после некоторого сопротивления удовлетворился статусом председателя местного областного правительства, которое юридически подчинилось Омску.

Находясь во Владивостоке и зная о приезде сюда Вологодского, Колчак решил с ним встретиться. В ходе встречи адмирал заверил его в том, что весь офицер-

ский состав Амурской и Сибирской (Енисейской) боевых флотилий полностью подчиняется Временному Омскому правительству и готов выполнять любые его распоряжения. Сделав таким образом ставку на Омское правительство, Колчак 3 октября 1918 года выехал в Омск. Туда же направился весь союзный дипломатический корпус, кроме американского и японского, у которых имелись свои особые политические и экономические интересы на русском Дальнем Востоке.

Владивосток Колчак покинул скрытно. Ехал инкогнито в гражданской одежде якобы на юг к генералу Алексееву. На самом же деле целью его поездки, несомненно, был Омск и находящееся здесь Омское Все-российское правительство, которому на этот момент удалось, хотя и формально, подчинить себе большинство самопровозглашенных областных правительств. О том, что целью Колчака был именно Омск, свидетельствуют его действия накануне отъезда из Владивостока, в частности, обстоятельный разговор с Ноксом, в ходе которого рассматривались различные варианты установления в России военной диктатуры при возможном участии в ней различных вождей Белого движения. Предпочтительным на эту роль считался генерал Алексеев, но он, при всех своих положительных качествах, был слаб здоровьем. Не подходил и генерал Деникин, занявший после гибели 31 марта 1918 года генерала Корнилова пост главнокомандующего Белой добровольческой армией, так как он, по мнению англичан, был «излишне щепетилен и не желал поступиться территориальной целостностью России». По оценке Нокса, с ролью диктатора мог успешно справиться только Колчак. Эту оценку разделял и находящийся в этот момент во Владивостоке чешский генерал Гайда. С ним Колчак встретился в штабе размещённой во Владивостоке передовой группы чешских войск. Разговор вёлся о перебравшейся в Омск уфимской Директории. Оба сошлись во мнении, что эта Ди-

ректория, провозгласившая себя Всероссийским правительством, не жизнеспособна, так как представлена меньшевиками и эсерами и несёт на себе все оттенки керенщины. Пришли к выводу, что Россию может спасти только военная диктатура во главе с адмиралом Колчаком. За поддержку адмирала в этом вопросе Гайда в ходе состоявшегося разговора потребовал предоставления ему поста командующего Сибирской армией. Колчак якобы с этим требованием согласился.

Проведя эти важные переговоры, Колчак, как уже говорилось, поездом направился в Омск. Поездка заняла 17 дней. Уже в пути Колчак узнал, что 8 октября 1918 года в военном госпитале Екатеринбурга скончался генерал Алексеев и потому ехать на юг ему не потребовалось. К тому же там адмиралу и делать было нечего. Севастополь ещё находился под властью большевиков, а Черноморского флота^{*} практически уже не существовало, так как почти все его корабли, по требованию Англии, Франции и, стоявших за ними США, были затоплены. В морском командующем Белая добровольческая армия не нуждалась. На пути был только Омск. Сюда без лишней огласки и шума Колчак прибыл 20 октября 1918 года. На следующий день сюда же прибыл и генерал Нокс. В честь его прибытия командующим войсками Директории генералом

* Бывшие союзники России требовали от советского руководства уничтожения кораблей Балтийского и Черноморского флотов якобы для того, чтобы они не достались Германии, войска которой через Прибалтику рвались к Петрограду, а на юге оккупировали Украину и северные районы Крыма. Такая опасность действительно существовала, но правительства стран Антанты в своих действиях исходили не из этой опасности, а из совместной идеи максимального ослабления военно-морской мощи России. Англия, например, открыто демонстрировала свою готовность выплатить исполнителям уничтожения русского флота, то есть большевикам, значительные суммы денег. Некоторые исследователи допускают, что за затопление кораблей Черноморского флота часть обещанных денег через иностранные банки поступила на счета Советского правительства.

Болдыревым был устроен военный парад. Парадный строй Болдырев и Нокс обхехали верхом на лошадях. Встреча Ноксу очень понравилась, и он, расчувствовавшись, заявил, что Сибирская армия не останется без внимания и помощи английского правительства. Так начался омский, относительно короткий, насыщенный драматическими событиями, этап жизни адмирала Колчака.

Омск – место короткого триумфа и катастрофического падения Колчака

Своим возникновением город Омск как административно-территориальная единица Российской империи обязан реформам Екатерины II, которая проводила их в интересах улучшения системы управления государством. В соответствии с духом реформ, на базе существующих с допетровских времен воеводств создавался ряд новых типовых губерний. В разряд реформируемых попало и Тарское воеводство. В результате произведённых преобразований его южная часть стала Омским уездом, а существующая на территории этого уезда военная крепость, заложенная ещё во времена Петра I, с прилегающими к ней посадами в 1782 году была провозглашена городом. В 1785 году Омску был дарован государственный герб – щит с серебряным полем, в нижней части которого располагалась полоса, знаменующая оборонительную линию. Над линией были изображены оружейная пирамида (стволы орудий с ядрами) и воинские знамёна.

К середине 19-го века Омск и омская крепость стали местом дислокации командных органов Сибирского казачьего войска. Здесь же на постоянной основе были размещены батальоны прославившегося в годы Отечественной войны с Наполеоном Ширванского пехотного полка, принимавшего в составе Сибирской дивизии

участие в битве за Смоленск и в Бородинском сражении. В донесении царю о действиях этой дивизии главнокомандующий русской армией фельдмаршал Кутузов сообщал, что семь её батальонов пали смертью храбрых, не уступив французам ни пяди русской земли.

В 1839 году Омск стал губернским городом. С этого времени здесь активно развиваются промышленность и кустарное производство. С завершением к концу 19-го века строительства транссибирской железной дороги Омск превратился в крупный транспортный узел. Большое значение в развитии города сыграл также проходящий через город речной путь по Иртышу, связывающий южные районы Сибири с Казахстаном и северными территориями России. К этому же моменту в городе возникла развитая по тому времени сеть культурно-образовательных учреждений. В элитарных учебных заведениях, таких как Сибирский Императорский кадетский корпус и Коммерческое училище, обучались дети казачьих офицеров и высших гражданских чиновников. В гимназиях и реальных училищах – дети дворянской интеллигенции, средних и мелких служащих. В приходских школах и начальных училищах – дети обычных граждан.

На внутриполитическую обстановку в городе с конца 19-го столетия стали оказывать влияние селившиеся здесь после отбытия сроков тюремного заключения политические ссыльные: народники, представители социал-демократических и марксистских организаций. По этой причине в начале 20-го века Омск стал одним из ведущих центров рабочего движения в Сибири. В 1903 году в городе возник Комитет Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). После победы Октябрьской социалистической революции в Омске была установлена Советская власть, и началось формирование новых городских и губернских управлеченческих органов. Этот процесс проходил мир-

но, но ему не суждено было завершиться. Спустя семь месяцев, в июне 1918 года, во время антибольшевистского мятежа Чехословацкого армейского корпуса, советское руководство города было низложено. Вместо него в Омске возникло буржуазное Временное сибирское правительство. Этому правительству в короткие сроки удалось упразднить все большевистские военные структуры и, проведя мобилизацию новобранцев, создать к июлю 1918 года свою Сибирскую армию, которая совместно с войсками Чехословацкого корпуса начала вести вооруженную борьбу с большевистскими силами на Урале.

И Сибирская, и Народная армии с возникновением Временного Всероссийского правительства (Директории) слились в единую вооруженную силу, руководство которой было поручено генерал-лейтенанту Болдыреву. Именно с ним на следующий день после своего приезда в Омск поспешил встретиться английский генерал Нокс. В ходе состоявшейся беседы он настойчиво порекомендовал омскому главкому ввести в состав Директории в качестве Морского министра адмирала Колчака. И хотя сухопутное омское командование не нуждалось в морском специалисте, Болдырев отказать Ноксу не мог, так как подчинённые ему армии получали военное снабжение, главным образом, от англичан.

Нокс выполнял свои задачи грамотно и последовательно. Но он не мог знать всех тонкостей многоходовой американской и британской политики в отношении охваченной Гражданской войной России. Он, в частности, не знал, что между Лондоном и большевистским руководством уже начались тайные переговоры об условиях сохранения за Советами контролируемых ими территорий. Для того, чтобы выжать из ленинского правительства как можно больше уступок, американцы и англичане продолжали дозированно и скрупульно снабжать оружием и амуницией армии Деникина и Болдырева, используя их в качестве военного

пресса на большевиков. В результате им удалось заставить Советы затопить Черноморский флот и пообещать предоставить независимость Польше и Финляндии. Но этого было мало: Англия требовала устраниć всякую возможность возрождения в России монархического строя, всё ещё способного сплотить вокруг себя распадающуюся русскую нацию. Ненависть к царскому строю России у англичан была столь велика, что в момент, когда в марте 1917 года Николай II был арестован, премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж торжественно провозгласил: «Главная цель войны достигнута!» Такой же враждебной позиции по отношению к Николаю II и всему царствующему дому Романовых придерживались и американцы. Посол США в России Френсис 19 марта 1917 года отправил своему госсекретарю секретную телеграмму следующего содержания: «Порядок сохраняется по-прежнему. Приняты все меры, чтобы не допустить никаких претензий на трон как со стороны великого князя Михаила, представляющего прямое наследование после отречения царя и царевича, так и сделать тщетной всякую попытку сохранить имперскую преемственность вплоть до «people act», то есть до физического устранения любого потенциального претендента на русский трон, если тот выразит готовность его занять». Французы придерживались промежуточной позиции. Тем не менее посол Франции в России Палеолог запретил своим подчиненным оказывать арестованной царской семье какую-либо моральную или материальную поддержку.

В Белом движении было много монархистов. И правительства западных стран опасались, что они могут осуществить заговор с целью освобождения томящейся в Тобольске царской семьи. Поэтому бывшие союзники России начали выламывать руки Ленину, принуждая его к убийству всех возможных претендентов на царский трон. Ленин, ради сохранения в Рос-

ции островка созданного им Советского государства, вынужден был с этим диктатом согласиться. Ликвидация рода Романовых была поручена Якову Свердлову (Янкелю Аптекману). Начали с наиболее вероятного претендента на престол – с великого князя Михаила Александровича. 17 марта 1918 года его арестовали в Гатчинском дворце под Петербургом и под конвоем отправили в Пермь. Местные советские органы разрешили ему поселиться в гостинице, организовав за ним жёсткий внешний надзор. Спустя три месяца, в ночь с 12 на 13 июня 1918 года он, по секретному указанию из Москвы, был схвачен пермскими чекистами и перевозведён в район пушечного завода в Мотовилихе. Здесь его убили, а труп бросили в заводскую рудоплавильную печь, где и сожгли.

Очередь настала за наследником престола 14-летним цесаревичем Алексеем и его отцом императором Николаем II, который, несмотря на отречение, всё ещё был способен возвратиться к власти. После почти годичного пребывания в Тобольске, царскую семью под предлогом, что ей могут угрожать белочехи, перевезли в Екатеринбург и в ночь с 16 на 17 июля 1918 года расстреляли в подвале печально известного ипатьевского особняка. Вслед за тем в Алапаевске и в Петрограде уничтожили ещё нескольких представителей царской династии, которые хотя бы с малой долей вероятности могли претендовать на царскую власть. В результате этих кровавых оргий правительствами США и Великобритании был решен главный для них политический вопрос: окончательно подрублены корни монархического строя в России. С этого момента их интересы переключились на российские природные ресурсы. Американцы укрепляли свои позиции на русском Дальнем Востоке, англичане – на богатом никелем, железом, лесом и пушниной Севере.

О ликвидации царской семьи Советское руководство объявило в прессе. Убийство других членов дома

Романовых сохранялось в глубокой тайне. В Петербурге и Москве, уставших от революционных погромов и облав, это известие, по утверждению многих очевидцев, было воспринято почти равнодушно. Иначе отнеслись к нему патриархально настроенные, почитавшие православную веру омичи. В большинстве своём они сочувственно отнеслись к убиенным царским особам. При большом скоплении народа в главном соборе города был отслужен заупокойный молебен. Многие прихожане плакали и выражали негодование по поводу случившегося. Вот в такую обстановку и попал Колчак, когда сошёл с поезда на железнодорожном вокзале Омска. Сошёл тихо и незаметно, не привлекая к себе чьего-либо внимания.

Первым делом, по настоянию генерала Нокса, он провёл встречу с главкомом Болдыревым. Подготовленный к этой встрече Болдырев, по согласованию с другими членами Директории, предложил Колчаку пост Военного и морского министра. Адмирал с этим предложением согласился, но поставил условие, что ему будет предоставлена возможность выехать на фронт для ознакомления с положением дел на местах. Болдырев обещал такую возможность предоставить. К концу октября 1918 года после острых дебатов между правительственныеими секциями омичей и уфимцев кандидатура Колчака на пост Военного и морского министра была утверждена. 7 ноября он официально приступил к своим новым служебным обязанностям. И сразу выяснилось, что в Омском правительстве для создания органов управления Военным министерством ничего не сделано*. Это крайне разозлило Колчака. Он явился к Болдыреву и в резкой форме предъявил ему претензии по этому поводу. Помимо этого, он дал понять, что по личной халатности главкома далеко

* Отвечал за создание министерских органов командующий Сибирской армией генерал-майор Иванов-Ринов, но он решение этой задачи проигнорировал.

не все военные поставки союзников доходят до воюющих частей (эти сведения Колчак получил от казачьих офицеров). Болдырев воспринял выпад адмирала как оскорбление и заявил, что, несмотря на покровительство Нокса, тот может «легко вылететь из правительства». Колчак в свою очередь пригрозил, что сам уйдёт в отставку. Как потом вспоминал Болдырев, в ходе данного разговора он понял, что с Колчаком ему ужиться не удастся и рано или поздно кто-то из них уступит другому своё место. Чтобы не доводить отношения до полного разрыва, Болдырев решил удовлетворить желание Колчака и разрешил ему выехать на фронт. Уже на следующий день такая поездка состоялась. Вагон адмирала прицепили к эшелону, в котором ехал расквартированный в Омске охранный английский батальон под командованием полковника Уорда.

Колчак побывал на передовой, присутствовал в Екатеринбурге на вручении боевых знамён воинским частям Сибирской армии, которой после смещения Иванова-Ринова уже командовал чешский генерал Гайда. Колчак встретился с ним и с рядом других командиров этой армии, в том числе и с генерал-майором Анатолием Николаевичем Пепеляевым. Из разговора с ним удалось выяснить, что командная верхушка армии отрицательно относится к эсеровским лидерам Директории и готова покончить с ними. На обратном пути в Омск Колчак остановился в Челябинске, где посетил штаб Чехословацкого корпуса. Здесь он был принят его командующим Яном Сыровы и начальником штаба русским генералом чешского происхождения Михаилом Константиновичем Дитерихсом, находящимся на службе у чехов. Из состоявшихся бесед адмиралу удалось выяснить, что чешское военное руководство продолжает поддерживать уфимцев и их Народную армию и не разделяет идеи каких-либо насилиственных перемен в Омском правительстве. От них адмирал также узнал, что Германия ещё 11 ноября

1918 года заключила перемирие со странами Антанты и приступила к обсуждению условий заключения всеобъемлющего мирного договора*.

Убедившись, что чехи что-то прослышали о шатком положении Сибирского правительства, Колчак заспешил в Омск. На железнодорожной станции Петропавловска он повстречался с убывающим на фронт Болдыревым, который сообщил, что в Омске отмечено брожение среди командного состава казачества, недовольного деятельностью Директории. 17 ноября 1918 года Колчак прибыл в Омск, где уже были созданы все предпосылки для успешного осуществления военного переворота.

Военный переворот в Омске. Роль Колчака в военном перевороте

Многие биографы, пишущие о Колчаке, пытаются представить его безупречно честным и искренним человеком. Исходя из этого, они утверждают, что он о готовящемся военном перевороте в Омске ничего не знал и к роли военного диктатора себя не готовил. Данные утверждения базируются на высказываниях отдельных людей, не являвшихся прямыми свидетелями переворота, а также на не совсем откровенных показаниях самого адмирала, которые он давал в ходе следствия в Иркутской тюрьме. Реальные факты говорят об обратном.

Во-первых, за три дня до убийства на фронт, адмирал имел деловую встречу с ещё одним из главных вдохновителей переворота, будущим министром внутренних

* Этот договор был подписан в Версале лишь 28 июля 1919 года. По его условиям Германия освобождала все завоеванные ею в ходе Первой мировой войны территории, резко сокращала численность своих вооруженных сил, ликвидировала часть флота, авиации и тяжёлой артиллерии.

дел Омского правительства, видным деятелем партии кадетов, родным братом генерала Анатолия Пепеляева, Виктором Николаевичем Пепеляевым. По свидетельству последнего, его разговор с Колчаком вёлся исключительно о военной диктатуре и о лицах, которые эту диктатуру смогут возглавить. Пепеляев настаивал, чтобы роль диктатора взял на себя Колчак. В конечном итоге адмирал заявил, что «при необходимости он будет готов принести себя в жертву и стать во главе новой российской власти».

Во-вторых, на этом настаивал и Гайда во время пребывания Колчака в Екатеринбурге в ходе поездки на фронт. Между ними состоялись две встречи, на которых предметно и обстоятельно рассматривались все возможные кандидаты на место будущего военного диктатора: Болдырев, Иванов-Ринов, Хорват. Гайда был категорически против каждого из них, считая, что они не способны взять на себя бремя управления государством в трудных условиях Гражданской войны. Это бремя, по его мнению, мог выдержать только Колчак.

В-третьих, накануне самого переворота, уже после возвращения адмирала в Омск, к нему явилась делегация от Сибирского казачьего войска во главе с комендантом Омского гарнизона казачьим полковником Вячеславом Ивановичем Волковым. Они также заявили о необходимости смещения Директории и передаче власти Колчаку как будущему единовластному военному диктатору, способному отстоять национальные интересы России и победить большевизм. Эти факты опровергают утверждения о том, что адмирал стал диктатором чисто случайно и только в результате неожиданного для него стечения обстоятельств. Он, безусловно, обо всём знал, ко всему был готов и сознательно шёл к поставленной цели. Это подтверждает в своих мемуарах и находившийся в подчинении генерала Нокса командир английского охранного батальона

полковник Уорд: «Определённо можно утверждать, — пишет он, — что адмирал Колчак никогда бы не отправился в Сибирь, никогда бы не стал во главе русского конституционного движения и правительства, если бы он не был подвигнут на это советами и настояниями союзников. Он получил самые категорические обещания на искреннюю помощь и немедленное признание со стороны союзников, прежде чем принял на себя опасный долг главы Омского правительства». Думается, что большего числа доказательств того, что Колчак взошёл на пост Верховного правителя России не случайно, приводить не нужно. Сказанного вполне достаточно, чтобы понять, что он действовал осознанно и наверняка, заручившись всесторонней помощью сочувствующих ему российских и иностранных политических сил.

Военный антиправительственный переворот против законно избранной власти, с точки зрения принятого Омской дирекtorией законодательства, считался тягчайшим преступлением. В случае его провала все заговорщики должны были понести уголовную ответственность вплоть до расстрела. Адмирал об этом знал и потому предпочёл лично в подготовке переворота не участвовать, для чего и удалился на некоторое время на фронт. Согласие на занятие поста диктатора он обусловил требованием бескровности действий по ликвидации Директории. Личной безопасности добивались и участники заговорщической группы. Они требовали, чтобы их акция была одобрена союзниками и получила поддержку местной общественности в лице представителей крупного сибирского торгово-промышленного капитала. Для себя лично Волков за успешно выполненное задание запросил звания генерала. Виктор Пепеляев как один из главных участников заговора это требование обещал выполнить.

Для получения согласия союзников (в данном случае англичан) заговорщики связались с офицерами ан-

глийской военной миссии в Омске. От них было получено заверение о гарантиях невмешательства в случае, если переворот пройдёт бескровно. Обо всех этих действиях заговорщиков Колчак был осведомлён. Связавшись с ними за несколько дней до переворота, он добился от них обещания, что его участие в заговоре ни при каких обстоятельствах не будет придано огласке. Общественно-политическое сопровождение переворота взялся обеспечить Сибирский отдел кадетской партии, который в срочном порядке провёл выездную конференцию в Омске. Главным докладчиком на конференции был Виктор Пепеляев. Он заявил о полной неспособности Директории управлять государством в связи с преобладанием в ней эсеров, продолжающих проводить «разлагающую боевой дух армии политику свергнутого большевиками Временного правительства». Участники конференции этот тезис единодушно одобрили. На этом, по воспоминаниям самого Пепеляева, судьба комучевцев «была решена и заговор был приведён в исполнение». Вслед за тем последовали хорошо продуманные действия:

– разведывательный отдел колчаковской Ставки точно установил, где находятся главные представители эсеровской фракции Директории – Авксентьев, Зензинов и Роговский – видный эсер, начальник омской милиции, подозревавшийся в организации нелегальных партийных военизованных отрядов;

– агенты военной контрразведки обеспечили скрытный подход казачьего отряда к месту нахождения всех перечисленных лиц, ввиду чего арест стал для них полной неожиданностью. Их арестовали, вывезли за город и поместили в подвальном помещении Омской сельскохозяйственной школы;

– к генералу Болдыреву, направлявшемуся на фронт, приставили офицера связи – участника заговорщиковой группы, который умышленно задерживал все поступающие из Омска телеграммы на имя главкома,

лишая его тем самым возможности своевременно реагировать на происходящие в Омске события.

Утром 18 ноября 1918 года состоялось экстренное заседание Совета министров, на котором обсуждалась возникшая в городе ситуация. Председатель Директории Вологодский выразил несогласие со случившимся и заявил о своей отставке. В конце концов, несмотря на возражения Вологодского, большинство присутствующих членов Совмина признало действующую до этого Омскую дирекцию упразднённой, ввиду отсутствия в ней «единства воли и действия». На повестку дня было вынесено рассмотрение проекта Положения о временном устройстве власти в России. В этом заранее подготовленном сторонниками переворота Положении указывалось, что верховная власть в стране должна принадлежать Верховному правителью, и все рассматриваемые Советом министров проекты законов и указов должны утверждаться только им. Затем возникла дискуссия о выборе самого Верховного правителья. Для соблюдения протокольных формальностей, на этот пост было выдвинуто три кандидата: Болдырев, Хорват и Колчак. Из всех названных лиц на совещании присутствовал лишь Колчак, два других находились вне Омска. После кратких дебатов состоялось тайное голосование. Из четырнадцати присутствующих членов Совета за адмирала проголосовало тринадцать. Вологодский проголосовал за Хорвата. Таким образом, абсолютным большинством голосов вопрос о верховном правлении на подконтрольных Омскому правительству территориях был решён в пользу адмирала Колчака, который здесь же, на Совете, выступил с заранее подготовленной речью. В ней он заявил, что, возлагая на себя обязанности Верховного правителья России, в своей политике не пойдёт ни по пути партийности, ни по пути реакции. Главной же задачей своей государственной работы ставит «организацию и снабжение армии, поддержание в стра-

не законности и порядка и охрану демократического строя». В этот же день в здании Ставки Колчак принял в своём кабинете главных исполнителей военного переворота – полковника Волкова и его ближайших помощников – казачьих войсковых старшин (подполковников) Катанаева и Красильникова. В ходе разговора с ними он подчеркнул, что их действия по смещению членов Директории, с юридической точки зрения, являются государственным преступлением и потому подлежат судебному расследованию. На этом расследовании настаивали находящиеся в Омске представители дипломатических миссий Англии и Франции, желающие придать свершившемуся перевороту некий демократический характер. Исполняя волю союзников, Колчак не мог отказаться от суда, но своих собеседников заверил, что им абсолютно нечего опасаться, что дело их оправдания он берёт на себя. В тот же день адмирал дал соответствующие указания министру юстиции своего нового правительства, в которых рекомендовал оценивать действия казачьих офицеров по отношению к арестованным членам Директории, как продиктованные «любовью к Родине» и носящие «глубокий патриотический характер». Сам же собственно-ручно составил приказ, в котором войсковые старшины Катанаев и Красильников производились в казачьи полковники, а Волков – в генерал-майора. Рассмотрение дела казачьих офицеров завершилось их полным оправданием. Виновниками были признаны бывшие комучевцы. Они вели якобы тайную работу по насаждению в Сибири керенщины и тайно создавали свои военизированные отряды для захвата власти. Именно поэтому казачьи офицеры решили их сбросить. На этом суд завершился и подследственные были освобождены от дальнейшего судебного преследования.

18 ноября 1918 года решением Совета министров Колчаку было присвоено звание полного адмирала, и уже на следующий день 19 ноября в Омске было обна-

родовано его обращение «К населению России». В нём адмирал вновь заявил, что в соответствии с решением Совета министров вся полнота государственной власти передана отныне ему. Далее он подчеркнул, что не пойдёт ни по гибельному пути партийности, ни по пути реакции, под которой несомненно понимал прежний монархический режим. Обещал создать боеспособную армию, которая приведёт к победе над большевизмом и откроет народу свободный путь для избрания нужного ему образа политического правления. Гарантировал созыв Учредительного собрания, которое через народных выборщиков эту форму правления утвердит.

Уже из этого первого публичного заявления Колчака можно судить о том, насколько он был политически негибок. Своими словами он насторожил все политические партии, в том числе и те, которые могли поддержать его в борьбе с большевиками, а также вызвал недовольство монархистов, не учитывая того, что именно они составляли собой основную часть рядового и командного состава его армий. Что касается Учредительного собрания, то сам адмирал в частных разговорах с разными людьми неоднократно заявлял, что в реальный его созыв не верит.

Тем не менее, бремя обязанностей Верховного правления России он на себя возложил и стал действовать. Для начала нужно было решить судьбу арестованных членов Директории. С Авксентьевым, Зензиновым и Роговским была проведена соответствующая разъяснительная работа, после чего все они согласились покинуть Россию. Получив из сибирской казны приличное денежное пособие, вся эта тройка под смешанным англо-российским конвоем убыла во Владивосток и далее пароходом в Китай. Здесь ими был опубликован политический протест против учинённого над ними в Омске насилия. На этом активная политическая жизнь этих людей практически завершилась. Все они

позднее оказались в эмиграции и активной политической деятельностью не занимались.

Несколько сложнее было дело с генералом Болдыревым. Он узнал о свершившемся в Омске перевороте находясь на фронте, и уже вечером 19 ноября 1918 года, вызвав Колчака к телефону, в резкой форме потребовал немедленного восстановления правления Директории. При этом заявил, что ни он, ни командование чешских войск исходящих из Омска распоряжений выполнять не будут. После этого разговора Главком срочно убыл в Омск. Уже в пути он узнал, что Колчак сумел заручиться доверием большинства членов Омского правительства. Приняв это во внимание, Болдырев решил, что его политической и военной карьере пришёл конец. От идеи вооружённой борьбы с новой омской властью он отказался. 27 ноября 1918 года, по прибытии в Омск, Болдырев встретился с Колчаком. Между ними состоялась длительная беседа. Верховный предлагал генералу несколько должностей вплоть до сохранения за ним поста главнокомандующего действующими армиями. Болдырев эти предложения отверг, заявив, что его согласие было бы предательством по отношению к товарищам, насильственно изгнанным из правительства. В конце беседы генерал указал на невозможность своего дальнейшего пребывания в Сибири. Он обвинил Колчака в захвате власти и произнёс в его адрес пророческую фразу: «Вы подписали чужой, да ещё и фальшивый вексель, расплата по нему может погубить не только Вас, но и дело, начатое в Сибири». В словах «чужой» и «фальшивый» явно просматривался намёк на связи адмирала с английскими военными властями. 28 ноября 1918 года Болдырев выехал из Омска на Дальний Восток. Здесь он встретился с представителями местных эсеровских организаций, которые призывали его выступить вооружённой силой против колчаковской диктатуры. Генерал этих предложений не принял и

через несколько дней при содействии Хорвата убыл в Японию.*

С отъездом Болдырева из Омска, полномочия Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами перешли к Колчаку. Став дважды верховным (Верховным правителем и Верховным главнокомандующим), адмирал столкнулся с неожиданными для себя трудностями. Оказалось, что его власть мало кто признавал. Из Челябинска, где дислоцировался штаб Чехословацкого корпуса, пришло сообщение, что его командующий генерал Сыровы и начальник штаба генерал Дитерихс возмущены военным переворотом и готовы выступить военной силой против омского диктатора. От этого шага чехов удержали только решительные действия англичан, которые взяли Колчака под вооружённую охрану.

Активное вооружённое противодействие перевороту попытались организовать и бывшие комучевцы во главе с лидером эсеров Виктором Черновым. Он и руководимая им группа партийцев намеревались снять с фронта часть ранее подчинявшихся им войск Народной армии и отправить их в Омск на борьбу с Колчаком. Узнав об этом, адмирал направил в Уфу, Екатеринбург и Челябинск карательный полк, который арестовал и доставил в Омск 13 сподвижников Чернова. Сам же Чернов ушёл в подполье, и с этого момента руководимая им партия стала сближаться с большевиками с целью, как выразился позднее Чернов, «взрывания белых фронтов».

Совсем плохо сложились у Колчака отношения с атаманом Забайкальского казачьего войска Григорием Семёновым. Поддерживаемый японцами, тот

* В 1922 году Болдырев по собственной инициативе вернулся в Россию, где был арестован органами ВЧК. Находясь под арестом, выразил желание сотрудничать с Советской властью. Длительное время занимался организацией работы кооперативов. В 1933 году вновь арестован и в августе этого же года расстрелян.

открыто заявил о непризнании новой омской власти, категорически отказывался выполнять исходящие от неё указы, задерживал и грабил идущие на запад эшелоны с иностранными военными грузами, умышленно срывал мобилизационные мероприятия омского командования, проводимые в районах Восточной Сибири. Для наказания атамана Колчак решил провести карательную операцию. Её возглавил главный исполнитель военного переворота омский казачий генерал-майор Волков. Ему было поручено собрать в Иркутске необходимые войска и двинуть их на Читу, где размещались штаб и войска Семёнова. Волков с первой половиной задания справился, но его отряд был задержан японцами, которые заявили, что не допустят в Забайкалье никаких военных действий. Боевой пыл Колчака тотчас же угас, с японцами он воевать не мог. Семёнов сохранил своё независимое положение, и адмирал вынужден был с этим смириться.

Не сложились отношения у Колчака и с атаманом Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенантом Дутовым. Несмотря на то, что это войско входило в состав колчаковской армии, его снабжение оружием, боеприпасами и амуницией осуществлялось по остаточному принципу. Вследствие этого, некоторые казачьи отряды не имели даже сёдел и вместо них использовали изъятые у населения перьевые подушки. Адмирал казакам не доверял, потому что они все исходящие от верховной власти приказы обсуждали на казачьем кругу и действовали часто по своему собственному усмотрению, сообразуясь со своими взглядами на проведение той или иной войсковой операции. Такое отношение к казачеству впоследствии обернулось тем, что адмирал лишил себя значительной части конницы, которая в Красной армии сыграла очень важную роль для победы над белым движением как на востоке, так и на юге России.

Очень сложные отношения у Колчака возникли и со старым его знакомым, главой французской военной миссии в Омске генералом Жаненом. 15 декабря 1918 года последний явился в резиденцию Колчака и сообщил, что по решению глав правительства Франции и Англии, он назначен командующим всеми войсками, размещёнными к западу от озера Байкал, включая и подчинённые адмиралу русские войска. Это известие взбесило Колчака, и он, по воспоминаниям Жанена, назвал действия союзников «вмешательством в дела суверенной российской власти». Далее Колчак в раздражённой манере заявил: «Я нуждаюсь только в сапогах, тёплой одежде, военных припасах и амуниции. Если в этом нам откажут, то пусть совершенно оставят нас в покое... Эта война гражданская, а не обычная. Иностраниец не будет в состоянии руководить ею. Для того, чтобы после победы обеспечить прочность правительства, командование должно оставаться русским в течение всей борьбы». В этом адмирал, несомненно, был прав. После месячных тяжёлых переговоров с представителями правительств Англии и Франции Колчак добился того, что все русские войска остались под русским командованием. Находящиеся же в Сибири французские, английские, чешские, польские, латышские и румынские части общей численностью до 100 тысяч человек перешли под командование генерала Жанена. Дислоцирующиеся на Дальнем Востоке американские и японские войска остались под своим национальным командованием. Английскому генералу Ноксу была отведена роль заместителя Жанена по вопросам организации снабжения оружием и амуницией чешских, польских и латышских частей, а также армий адмирала Колчака. С этой задачей Нокс справлялся достаточно успешно. Омское правительство было ему за это благодарно.

Что же касается генерала Жанена, то он действия Колчака расценил как личное оскорбление и стал рас-

пространять о нём самые недостойные сплетни. В кругу своих сослуживцев он называл его «бешеным адмиралом» и обвинял в пристрастии к наркотикам. Вот в таких условиях Верховный правитель России начинал свою деятельность по спасению, как ему казалось, отечества от большевистского ига. Единственной душевной опорой для него в этот момент оставалась Анна Тимирёва, которая прибыла в Омск из Владивостока вместе с ним в одном поезде. Приехав сюда, она поселилась на съёмной квартире на улице Надеждинская, дом № 18. Улица была застроена частными, преимущественно одноэтажными деревянными домами. Дом № 18 был именно таким. Располагался он достаточно далеко от центра города и от особняка, в котором проживал адмирал. Работала Анна Васильевна переводчицей в отделе печати при Управлении делами Совета министров. Работа носила периодический характер и касалась деловой переписки Омского правительства с представителями иностранных держав по текущим политическим и военно-хозяйственным вопросам. Поэтому главным её занятием стала забота о раненых, находящихся на излечении в гарнизонном госпитале.

В первой половине декабря 1918 года Колчак много ездил по омским воинским частям, где выступал перед солдатами с разъяснительными речами. Стояли сильные морозы. Он в очередной раз простудился и слёг с воспалением лёгких. В этот период Анна Васильевна перебралась к нему в особняк и занялась его лечением. Благодаря её заботам и строгому соблюдению рекомендаций лечащих врачей, к концу декабря 1918 года кризис болезни был преодолён, и адмирал пошёл на поправку. Между тем известие о болезни Колчака быстро распространилось по городу. Поползли слухи о возможной его замене. Этим обстоятельством тотчас же воспользовалось большевистское подполье, давно готовящееся к общесибирскому антиколчаковскому восстанию. Руководителями этого

восстания планировалось захватить резиденцию Верховного правителя, Главный штаб, здание правительства, телеграф, железнодорожный вокзал, городскую тюрьму, где находилось много арестованных членов РКП(б), склады с оружием и лагерь с пленными красноармейцами. Подготовка к восстанию была вскрыта колчаковской контрразведкой. Она арестовала группу вооружённых рабочих. Восстание было решено перенести на более поздние сроки. Однако об этом омское большевистское руководство не сумело своевременно оповестить все свои вооружённые отряды. Без его команды на омской станции Куломзино восстали рабочие железнодорожных мастерских. Они сумели занять депо и весь рабочий посёлок. Другой отряд захватил тюрьму и лагерь с пленными красноармейцами. Против восставших были срочно выдвинуты войска, вооружённые пулемётами и полевой артиллерией. Повстанцы упорно сопротивлялись, но перевес был на стороне противника. К вечеру 22 декабря 1918 года восстание было жестоко подавлено. Со стороны восставших было убито 124 человека, 142 попало в плен. Из них 117 позднее было расстреляно. По городу прокатилась волна арестов. В число арестованных попали не только большевики, но и бывшие комучевцы из числа тех, кто были ранее задержаны в Уфе, Екатеринбурге и Челябинске по подозрению в подготовке военного похода частей Народной армии на Омск. Эти комучевцы (13 человек) содержались в омской тюрьме. После захвата тюрьмы восставшими эти люди были освобождены, но через некоторое время 11 из них были вновь задержаны и вместе с группой арестованных куломзинских рабочих общей численностью 44 человека отправлены якобы в здание городского суда. На самом же деле их отвезли на левый берег Иртыша и зверски убили. Место убийства располагалось всего в нескольких сотнях метров от резиденции Верховного правителя.

Против расправы над омскими повстанцами никто не выступал. Но когда дошли сведения, что вместе с ними были убиты эсеры и кадеты, колчаковскому режиму был брошен гневный окрик со стороны местных и региональных российских демократических кругов. К нему присоединились и иностранные диппредставители. Под их нацистом было проведено следственное дознание. Но виновников расправы так и не нашли. Все они благополучно покинули Омск. Сам Колчак позднее оценил убийство бывших членов Комуча как политический выпад лично против себя. Это было сделано, по его мнению, чтобы не допустить сближения Омского правительства с социалистами, которые могли дискредитировать его власть перед западными союзниками.

Победы и неудачи на фронте

Жестокое подавление восстания рабочих омских заводов и железнодорожного депо в Куломзино явилось первым актом Гражданской войны в Сибири, который был осуществлён под личным контролем адмирала Колчака. До этого момента ему не удавалось внести ничего существенного в дело Белого движения ни в одном уголке России. Наступил момент, когда Колчак должен был взять на себя ответственность за государство и боевую деятельность вверенных ему вооружённых сил. К началу его правления эти силы насчитывали 180 тысяч человек. Около 90 тысяч из них были объединены в две полевые и две отдельные казачьи армии. К полевым армиям относились: Сибирская армия под командованием первоначально казачьего генерала Иванова-Ринова, затем чешского генерала Гайды и Народная армия под командованием генерала Болдырева. В число казачьих армий входили: Оренбургская армия под командованием генерала Дутова

и Уральская армия под командованием генерала Толстова. В декабре 1918 года все эти армии находились под общим руководством командующего Западным фронтом чешского генерала Сыровы. Он же сохранял за собой пост командующего Чехословацким армейским корпусом.

Сибирская армия действовала в полосе фронта севернее отрезка железнодорожной магистрали Казань–Екатеринбург и была нацелена на захват крупного промышленного города Пермь. Части Народной армии и поддерживающая их Поволжская группа чехов вели боевые действия южнее этой же магистрали. Центр её фронтовой линии находился в 80 километрах восточнее города Уфа. Оренбургская казачья армия генерала Дутова дислоцировалась южнее боевых позиций Народной армии и должна была действовать в районе отрезка железнодорожного пути Оренбург–Орск. Уральская казачья армия прикрывала стратегически важный отрезок железнодорожного пути Уральск–Актюбинск и, действуя совместно с Оренбургской армией, должна была не допустить прорыва частей Красной армии к туркестанской границе.

Против Сибирской армии сражались 3-я и 2-я советские армии, стратегической целью которых был захват промышленно важных городов: Екатеринбург и Челябинск. Народной армии и основной группировке чешских войск противостояли 5-я и 1-я советские армии, целью которых было удержание города Уфа и недопущение прорыва белых войск на запад в сторону городов Самара и Казань. На пути казачьих армий стояла 4-я советская армия. Её ближайшей стратегической целью был город Уральск и северные районы Туркестана, где завершалось формирование новой Туркестанской советской армии.

Ещё в начале декабря 1918 года, находясь на излечении в Омске, Колчак, учитывая решение английского и французского правительства о передаче чешских

войск под командование французского генерала Жанена, потребовал от своего штаба срочной разработки плана создания собственной Российской армии с поэтапным увеличением её численности со 180 до 450, а затем – до одного миллиона 200 тысяч человек. Реформирование вооружённых сил началось с сильно потрёпанный в боях под Сызранью и Казанью Народной армии Комуча. На базе остатков дивизии и боевых групп этой армии, а также вновь отмобилизованных и прошедших начальную боевую подготовку частей, начала быстрыми темпами формироваться более мощная Западная армия, командование которой было поручено участнику Брусиловского прорыва генерал-лейтенанту Михайлу Васильевичу Ханжину.

Все проводимые в вооружённых силах мероприятия осуществлялись в соответствии с вышедшей 6 января 1919 года директивой Верховного главнокомандующего №779. Этой директивой предусматривалось не только реформирование армии, но и создание на территории Сибири и Дальнего Востока военных округов в интересах организации всех форм тылового снабжения войск и проведения плановых мобилизационных призывов. Все эти мероприятия только начинали претворяться в жизнь. Пока же белый Западный фронт продолжал включать в себя прежние русские боевые подразделения (корпуса, дивизии, полки, батальоны) и части Чехословацкого армейского корпуса, командование которого было заинтересовано не столько в победе над большевиками, сколько в обеспечении скорейшего отвода чешских войск на восток. Действуя в своих национальных интересах, оно стремилось перебросить не только личный состав корпуса, но и сотни тысяч тонн награбленного русского имущества: церковной утвари, музеиных ценностей, уральских самоцветов, заводского оборудования, цветных металлов, редких пород древесины, дорогой мебели, посуды и пр.

Для перевозки всего этого имущества использовались десятки тысяч вагонов и практически все наличные паровозные бригады Транссиба. Медленно продвигаясь к Владивостоку, чехи продолжали грабить местное население, чиня всюду насилие и произвол. В случае неповинования переходили к карательным действиям вплоть до артиллерийских обстрелов местных русских деревень и посёлков. В жизни Колчака они также сыграли зловещую роль. Поэтому о Чехословацком армейском корпусе и его командном составе придётся высказаться несколько подробнее.

Возникновение корпуса связано с тем обстоятельством, что в годы Первой мировой войны русская армия взяла в плен свыше миллиона солдат австро-венгерской армии, среди которых было большое количество чехов и словаков. Учитывая их стремление начать вооружённую борьбу с Германией и Австро-Венгрией, царское, а затем и Временное правительство, способствовали формированию на территории России трёх хорошо вооружённых чешских дивизий, которые затем объединились в сорокатысячный армейский корпус. С самого начала этому корпусу остро не хватало офицерских кадров. Поэтому вакансии на командирские должности заполнялись самовыдвиженцами. Одним из них стал капитан Радола Гайда – военный фельдшер, который в результате выборной процедуры возглавил один из чешских пехотных полков.

После подписания Советской Россией мирного договора с Германией корпус перешёл под командование союзников и должен был проследовать из западных районов России по железной дороге во Владивосток и далее морскими судами во Францию. Германия, всё ещё продолжавшая войну со странами Антанты, опасалась, что этот корпус, будучи переброшенным в Европу, усилит сухопутную группировку противника. Поэтому она потребовала от большевистского руководства России данный корпус разоружить. По достиг-

нутой с чехами договорённости разоружение должно было начаться в Пензе. При этом чешская сторона должна была сдать всё тяжёлое вооружение, оставив в каждом полку по одной охранной роте, вооружённой стрелковым оружием. Но произошло непредвиденное: в Челябинске чехи застрелили пленного венгра. Советское руководство города было вынуждено арестовать несколько причастных к этому чешских офицеров и начать расследование инцидента. Но этому воспротивился командир эшелона убывающих на воссток чехословацких войск русский генерал-майор Сергей Николаевич Войцеховский, находящийся на службе у чехов. Он приказал захватить железнодорожный вокзал и потребовал освобождения всех арестованных. Так возник первый серьёзный вооружённый конфликт между советскими органами власти и чешскими военнослужащими. Сведения о конфликте моментально просочились в Пензу. Дислоцирующиеся здесь чехи истолковали действия органов советской власти в Челябинске как намерение всех их арестовать и передать в руки австро-венгров. Поэтому для самозащиты они подняли мятеж и с боями захватили города Пензу и Самару. В них они встретили поддержку антибольшевистски настроенных бывших учредиловцев – эсеров, меньшевиков и кадетов, которым помогли создать свою немногочисленную Народную армию. Вскоре эта армия совместно с чешскими войсками начала боевые действия против частей Красной армии. Так возник один из первых фронтов Гражданской войны – Волжский фронт, переименованный позднее в Западный. В боях под Пензой и Саратовом особо отличился полк Гайды. За ликвидацию советской власти в этих городах ему, по настоянию союзников, было присвоено звание генерал-майора.

Вооружённый мятеж Чехословацкого корпуса привёл не только к полномасштабной Гражданской войне на территории России, но и к иностранной интервен-

ции, которая была осуществлена под предлогом «спасения чехов от большевистского произвола». В марте 1918 года в Архангельске высажился английский десант, поддержанный несколькими тысячами военнослужащих Франции, Италии и Дании. Суммарная численность этих войск составила 20 тысяч человек. Вслед за англичанами в апреле 1918 года во Владивостоке высадились две полноценные японские дивизии численностью в 72 тысячи человек. В середине августа этого же года для демонстрации своих интересов сюда же, во Владивосток, прибыли две американские дивизии под командованием генерала Грэвса численностью в 10 тысяч человек, а также несколько батальонов сухопутных войск Великобритании, Франции и Италии.

После передачи в январе 1919 года Чехословацкого армейского корпуса под контроль французского генерала Жанена численность чехов в составе Западного фронта стала постепенно сокращаться. Именно поэтому Колчак и его Ставка спешили с созданием собственной Российской армии. Рассчитывая на успешное решение этой задачи, оправившийся от болезни адмирал в феврале 1919 года выехал с инспекционными целями на фронт. Это произошло после того, как Сибирской армией ещё в бытность генерала Болдырева в должности Верховного главнокомандующего была взята Пермь. При захвате города войскам 3-й и 2-й советских армий было нанесено тяжёлое поражение, и они с большими потерями в живой силе и технике были вынуждены на 300 километров откатиться на запад.

Колчак ехал в Пермь в штаб Сибирской армии. Его путь пролегал через Курган, Тюмень, Челябинск, Екатеринбург и Нижний Тагил. Во всех этих городах адмиралу устраивались пышные приёмы. Особенно роскошный приём был в Екатеринбурге. На нём присутствовали генералы Ставки, высшие чиновники Омского правительства, дипломаты союзных стран и

представители прессы. Перед ними Колчак выступил с развёрнутой программной речью, в которой изложил основные направления своей будущей деятельности. Суть этой деятельности должна была, по его мнению, сводиться к следующему:

- укрепление власти Верховного правителя в интересах организации победоносной борьбы с большевизмом для возрождения русской государственности;
- воссоздание русской армии, ликвидация в ней всех партийных комитетов и всех иных общественных организаций;
- создание справедливой избирательной системы для обеспечения притока в органы государственного управления нужных для дела людей;
- реформирование государственных служб: суда, прокуратуры, органов безопасности и правопорядка;
- улучшение условий труда рабочего класса;
- решение аграрного вопроса в интересах работающих на земле крестьян.

На вопрос одного из корреспондентов по поводу целей и способов ведения борьбы с большевизмом Колчак ответил, что эта борьба должна быть беспощадной, что её задачи должны быть решены только одним способом – полным истреблением большевиков. Как показали последующие события, ни одно из названных Колчаком направлений деятельности, за исключением армейских реформ, из-за отсутствия специалистов и необходимых материально-денежных средств не было выполнено. Все намерения адмирала зависли в воздухе и на протяжении всего срока его пребывания на посту Верховного правителя ими никто серьёзно не занимался.

Находясь в поездке на фронт, адмирал регулярно по курьерской почте получал на своё имя письма от оставленной им в Омске Анны Тимирёвой. В них она сообщала, что от вынужденной разлуки «бесконечно страдает», что «ждёт с нетерпением его возвраще-

ния», что устала от трудной жизни на съёмной квартире и подумывает о переезде в его особняк. В письме от 17 февраля 1919 года Анна Васильевна сообщила, что не смогла справиться с искущением и, отбросив предрассудки, перебралась в его омскую резиденцию, пользуется его койкой и блокнотом с заголовком «Верховный правитель».

Вернувшись в Омск, Колчак продолжил работу по глубокому реформированию армии. В марте 1919 года он одобрил разработанный Ставкой план весенней военной кампании. Этот план касался, в основном, действий Западного фронта. Командующие южной, северной и северо-западной группировками белых войск генералы Деникин, Миллер и Юденич, хотя формально и признали адмирала Верховным главнокомандующим вооружёнными силами России, продолжали действовать независимо, не согласуя свои оперативные планы с Омском. Общее же руководство всеми этими разрозненными русскими силами осуществлял советнический аппарат союзных государств в лице представителей военных миссий в каждой из названных группировок белых войск.

Тем не менее, благодаря личной настойчивости и жёстким способам проведения мобилизационных мероприятий, Верховному правителю к началу марта 1919 года удалось довести численность своих вооружённых сил до 450 тысяч человек. Особенно укрепилась Западная армия, которая должна была действовать на уфимском направлении с перспективой выхода к городам Самара, Симбирск и Саратов. Её численность была доведена до 60 тысяч человек. На вооружение армии поступило значительное количество артиллерийских орудий, бронеавтомобилей, миномётов и пулемётов. Вследствие этого её боевая мощь стала значительно превосходить боевую мощь, противостоявших ей 5-й и 1-й советских армий.

Вооружение и обмундирование для солдат Западного фронта приобретались Колчаком у американцев и англичан за находящееся в его распоряжении русское золото.* Параллельно с поставками вооружений, Западная армия систематически пополнялась новыми кадрами. На военную службу были призваны молодые люди из всех слоёв населения в возрасте до 35 лет, резервисты в возрасте до 50 лет, новобранцы 1898-1900 годов рождения, а также всё мужское население прифронтовых районов в возрасте от 18 до 45 лет.

Проведя эти мероприятия, адмирал и его Ставка посчитали, что Западный фронт существенно укрепился и готов к общему весеннему наступлению. В начале марта по приказу Верховного главнокомандующего это наступление началось. Первоначальный успех был истинно триумфальным. Западная армия с ходу захватила Уфу и устремилась к Самаре. Сибирская армия подошла к Казани. Казачьи армии генералов Дутова и Толстова приблизились к Оренбургу. Над Советской Россией, по признанию Ленина, «нависла смертельная опасность». В связи с этим, 12 апреля 1919 года ЦК РКП(б) призвал население Республики к крайнему на-

* Русское золото – это часть золотого запаса Царской России в количестве 500 тонн перевезённого в 1915 году из Санкт-Петербурга в государственный банк Казани. В период действия в Казани Советской власти это золото находилось под её контролем и практически не было растрочено. В августе 1918 года, во время мятежа Чешского армейского корпуса, золотой запас был захвачен отрядом Каппеля и передан под контроль уфимской Директории. С провозглашением Колчака Верховным правителем золото было передано ему и хранилось в подвалах Омского государственного банка. Из полученных 500 тонн золота, 52 тонны было израсходовано на нужды Омского правительства и содержание армии. 32 тонны – на приобретение американского и английского оружия. 98 тонн переведены на счета иностранных банков. Во время эвакуации из Омска Колчак вёз в своём эшелоне 318 тонн золота. 4 тонны из них было похищено чехами перед прибытием в Иркутск. Оставшиеся 314 тонн переданы большевикам и возвращены ими в хранилища Казанского банка.

пряжению сил для оказания помощи Красной армии и пополнения её рядов добровольческими отрядами из числа рабочих столичных и периферийных промышленных предприятий. Указания партии большевиков были в короткие сроки выполнены. В Красную армию было направлено более 25 тысяч добровольцев. Кроме этого, в прилегающих к фронту районах было срочно отмобилизовано из числа местных рабочих и бывших солдат царской армии ещё 15 тысяч человек. В результате этого численность советских 3-й и 2-й армий в короткие сроки достигла 64 тысяч человек. Противостоящая же им Сибирская армия белых существенных пополнений за этот период не получила, и её численность сохранилась на уровне 38-40 тысяч человек.

Кроме того, по личному указанию Ленина, в передовых колчаковских частях местными советскими организациями была развернута усиленная пропагандистская работа. В результате большевикам удалось склонить на свою сторону только что прибывший на фронт из Челябинска украинский полк имени Тараса Шевченко. 1 мая 1919 года этот полк восстал. К нему присоединилось ещё четыре рядом дислоцированных полка и один егерский батальон. Все они со своим штатным оружием перешли на сторону Красной армии. На линии фронта образовалась огромная брешь, в которую сразу же устремилась красная конница, а за ней и пехота. Удар наносила южная группа советских войск под командованием Михаила Фрунзе. Упорные бои завязались в 150 километрах восточнее Самары. Оторвавшаяся от своих тылов, плохо снабжаемая оружием и боеприпасами, увязшая в весенней грязи, Западная армия Ханжина потерпела сокрушительное поражение и с большими потерями откатилась на восток.

Наступление Сибирской армии на Казань и Самару для соединения с Добровольческой армией Дени-

кина также провалилось. Гайда, как ранее и Ханжин, был вынужден с большими потерями отступить. Озабоченный провалом столь успешно начатой весенней операции, Колчак 7 мая 1919 года срочно выехал на фронт. Ознакомившись с положением дел в Западной армии, он и сопровождающая его группа офицеров Ставки пришли к выводу, что в провале наступления был повинен её командующий генерал Ханжин. Его действия были признаны «преступно неосмотрительными и авантюристичными». За допущенные стратегические ошибки Ханжина сместили со своего поста. Командующим Западной армией был назначен исполняющий обязанности начальника колчаковского штаба генерал-майор Константин Вячеславович Сахаров.

Подобным же образом адмирал хотел поступить и с Гайдой. С ним он встретился чуть позднее в Екатеринбурге во время следующей поездки на фронт. Гайда, ввиду неоднократного отказа выполнять указания Ставки, опасался, что его арестуют. Но Колчак ограничился двухчасовой «откровенной беседой», в ходе которой попросил чеха впредь нарушений воинской дисциплины не допускать. Гайда дал соответствующее обещание, но его поведение не изменилось, положение возглавляемой им армии становилось всё хуже и хуже. В конечном итоге, за ряд очередных поражений Гайда 7 июля 1919 года был смешён со своего поста и убыл с отступающими чешскими эшелонами во Владивосток. Здесь он попытался возглавить эсеровское вооружённое антиколчаковское выступление. Это ему не удалось, и он, по настоянию местных российских властей, был навсегда изгнан из России. Перед убытием из Омска во Владивосток между Колчаком и Гайдой состоялась последняя короткая встреча. В ходе её чех вёл себя развязно и, иронизируя по поводу военных неудач собеседника, заявил: «Да, Ваше Превосходительство, уметь управлять кораблём – это

ещё не значит уметь управлять всей Россией». Так закончился короткий военный триумф Колчака. Далее его ожидали сплошные военные поражения, которые привели к неизбежному в таких случаях трагическому концу.

Военная катастрофа. Эвакуация Омского правительства в Иркутск

Сместив Гайду с поста командующего Сибирской армией и уволив его в отставку без права ношения русской военной формы, Колчак решил заменить его генералом Дитерихсом, который уже к этому времени оставил пост начальника штаба Чехословацкого армейского корпуса и вновь вернулся на русскую военную службу. Пробыл Дитерихс на новом посту не более двух недель (с 8 по 17 июля 1919 года), так как вскоре был переназначен Колчаком командующим фронтом, военным министром и начальником штаба Верховного главнокомандующего. Чешский генерал Сыровы к этому моменту с частью своих войск погрузился в железнодорожные эшелоны и, выполняя указания генерала Жанена, отправился во Владивосток.

Сибирская армия, в силу изменившихся условий на фронте, была в срочном порядке реорганизована в две относительно самостоятельные 1-ю и 2-ю армии. Первую, наиболее боеспособную, возглавил генерал-майор Анатолий Пепеляев, родной брат министра внутренних дел в Омском правительстве Виктора Пепеляева. Вторая армия перешла под командование генерала Лохвицкого. Западная армия стала называться 3-й армией. Ею продолжал командовать генерал Сахаров. Общее руководство Западным фронтом осуществлял генерал Дитерихс.

Несмотря на явные неудачи колчаковских войск в летне-осенний период, их мартовско-майский про-

рыв к Волге всё ещё впечатлял командующих других белых фронтов. Это побудило их в мае 1919 года повторно, теперь уже в официальной форме, принести присягу Колчаку. Руководители белых движений – генералы Деникин, Миллер и Юденич вновь признали его верховную власть, а генерал Хорват согласился на подотчётную Омску роль наместника Верховного правителя в Маньчжурии. Формально власть адмирала признал и его постоянный оппонент атаман Семёнов. После этого со всей остротой встал вопрос о признании Омского правительства в качестве Всероссийского западными союзниками. Колчаковское руководство через своих дипломатических представителей в США, Англии, Франции, Италии и Японии пыталось довести свою заинтересованность в скорейшем разрешении этой важнейшей для омской власти проблемы. Наконец 7 мая 1919 года в Париже состоялась Мирная конференция стран-победительниц, на которой было принято решение о «возможном международном признании новой всероссийской власти». Это признание обусловливалось рядом жёстких требований, которые были изложены в специальной ноте, направленной в Омск 3 июня 1919 года. Правительство Колчака в ответ на международное признание было обязано:

- созвать Учредительное собрание и организовать его работу на основе международных демократических принципов;
- обеспечить в Сибири, а затем и в освобождённой от большевиков остальной части России свободные гражданские выборы для избрания центральных и местных органов самоуправления;
- не допустить восстановления в России старых монархистских порядков и прежних форм помещичьего землевладения;
- признать независимость Финляндии и Польши;
- предоставить автономию прибалтийским и закавказским народам (мирное урегулирование отношений

с ними было рекомендовано достичь самостоятельно либо при содействии Лиги Наций);

– признать за собой ответственность за выплату всех российских долгов как царского периода, так и сделанных в период после падения царского режима.

Ответ на требования западных стран последовал от Колчака уже на следующий день. В нём он выразил готовность возобновить деятельность Учредительного собрания, но не в старом эсеровско-либерально-большевистском, а в новом выборном народном составе; согласился на признание Польши независимым государством и продемонстрировал готовность признать финское правительство; решение вопроса об автономии прибалтийских и закавказских народов счёл для себя невозможным, сославшись на то, что этот вопрос должен находиться в сфере действия будущего всенародно избранного Учредительного собрания. Возврат к царскому режиму Колчак объявил невозможным. То же относилось и к прежним формам помещичьего землевладения. Все долги России как царского, так и последующего за ним периода Колчак согласился признать и выразил готовность их своевременно оплатить.

В сущности, данный ответ Колчака должен был удовлетворить союзные государства и за этим должно было последовать признание Омского правительства единственным Всероссийским правительством. Этого, однако, не случилось потому, что союзники уже вели тайные и небезуспешные переговоры с большевистским руководством. В апреле 1919 года в момент возникновения острого военного кризиса Ленин направил на имя президента США Вудро Вильсона секретный документ, в котором предлагал заключить перемирие на всех российских фронтах в обмен на предоставление полной независимости (политической, экономической, религиозной, национальной) всем действующим на тот момент семнадцати российским региональным

правительствам. Считая положение Советского государства крайне неустойчивым, вождь большевистской партии во имя спасения созданной им Советской Республики был готов разделить территорию России на семнадцать независимых друг от друга частей.

Американцы, посчитав для себя невозможным управлять столь большим числом осколков бывшей Российской империи, от этого предложения отказались, но для них стало очевидным, что от большевиков можно ожидать гораздо больших уступок, чем от Колчака и других вождей Белого движения. С этого момента правительства США, Великобритании и Франции признали большевистскую власть более демократичной и постепенно начали сворачивать свою поддержку белогвардейским режимам. Об этих тайных политических интригах адмирал Колчак пока ничего не знал и продолжал наивно верить в добропорядочность своих западных партнёров.

Между тем война на Западном фронте продолжалась. В конце мая 1919 года командующий 3-й белой армией генерал Сахаров запланировал проведение Челябинской операции. Её план состоял в том, чтобы отступательным манёвром заманить войска 5-й армии Тухачевского внутрь города, а затем – одновременными ударами с севера, востока и юга – окружить и уничтожить их. Нанесение такого поражения советским войскам считалось важным, так как оно могло бы пристановить начавшееся 23 июня 1919 года общее наступление большевистского фронта на Урал.

Операция по разгрому 5-й армии Тухачевского была подготовлена Сахаровым крайне слабо. В ходе завязавшихся боёв за город белые понесли серьёзные потери и вынуждены были вновь далеко откатиться на восток. 24 июля 1919 года Челябинск перешёл под контроль советского командования. Местное население приветствовало войска Красной армии как освободителей и начало создавать свои вооружённые отряды

для борьбы с колчаковцами. Часть этих отрядов влилась в состав 5-й советской армии.

Не лучшее дело обстояло и на северном фланге колчаковского фронта. Под ударами 2-й и 1-й советских армий колчаковские войска и здесь были вынуждены отступить. Немного лучше сложилось положение в 1-й армии генерала Пепеляева. Получив в своё распоряжение семь резервных полков, она на некоторое время сумела сдержать наступление противника. Так продолжалось до 29 июня 1919 года, когда в Каму со стороны Волги была введена красная Волжская флотилия, которая поддержала артиллерией наступающие советские войска. После этого сопротивление пепеляевской армии было сломлено, и она также отошла на восток. Тяжёлое положение для белых войск сложилось и на южном направлении. Здесь под руководством Фрунзе успешно велась фронтовая операция против казачьей армии атамана Дутова для обеспечения выхода советских войск к реке Урал и Прикаспийской равнине.

Обеспокоенный положением дел, Колчак в конце июня 1919 года вновь убыл на фронт в расположение штаба Западной армии. Работа генерала Сахарова ему, в целом, понравилась. Не вникая в суть его оперативных замыслов, адмирал, находящийся под жёстким прессом не только военных, но и административно-хозяйственных проблем, уже 8 июля 1919 года вынужден был вернуться в Омск, где его встретил занявший пост командующего Западным фронтом генерал Дитерихс. Колчак в общих чертах объяснил ему положение в зоне действия Западной армии и выразил неудовольствие по поводу систематического отступления белых войск, несмотря на огромные усилия по их пополнению резервными частями и оружием.

В сентябре 1919 года положение на фронте стабилизировалось. Противоборствующие стороны занялись перегруппировкой и срочным довооружением своих армий. Боевые действия открыли колчаковцы,

которые несколькими мощными ударами 1-й армии под командованием генерала Анатолия Пепеляева потеснили войска 3-й советской армии Меженинова под Тобольском. Воодушевлённый этим обстоятельством адмирал в очередной раз засобирался на фронт. Он убыл туда по Иртышу на двухпалубном пароходе «Товарчар». Высаживался в Таре, Тобольске и некоторых других населённых пунктах, где имел беседы с представителями местного самоуправления. На фронте встречался с офицерами и солдатами. По обыкновению, раздавал награды и подарки: носки, перчатки, сахар. Оперативной стороне дела, как всегда, уделял недостаточно внимания, полностью полагаясь в этих вопросах на своих генералов.

В середине октября 1919 года, после убытия Колчака в Омск, наступательный порыв белых войск под Тобольском иссяк, и они были вынуждены перейти к оборонительным боям, а затем и к сдаче самого Тобольска. Его захватила 51-я стрелковая дивизия героя Гражданской войны комдива Блюхера. В это же время части 5-й советской армии под командованием Тухачевского перешли в наступление на города Тюмень, Ишим и Петропавловск. Тюмень была занята в августе, Ишим и Петропавловск пали 4 ноября 1919 года. С этого момента военная угроза нависла непосредственно над Омском. Встал вопрос о незамедлительной эвакуации. В связи с этим, в срочном порядке был создан Военный совет. На нём мнения о планах дальнейших боевых действий разделились. Часть генералитета выступила с предложением срочно покинуть город. Другая часть, в которую входил и сам Колчак, настаивала на том, чтобы под Омском и в самом Омске было дано решающее сражение. В этот критический момент Верховный правитель бросил на фронт все свои резервы, включая часть личного конвоя. В связи с драматическим развитием событий им был издан специальный приказ, который гласил, что Омск не будет сдан и что

враги вступят в город только перешагнув через его (Колчака) труп. Ближайшее окружение Верховного правителя прекрасно понимало, что эти слова являются блефом. Через два дня боёв стало очевидным, что колчаковская армия сдержать наступление советских войск не сможет. В городе возникла всеобщая паника. Огромная масса людей, приехавших в Омск из западных областей России, местные богачи, оставившие армию дезертиры, устремились в бегство. Положение в городе стало невыносимым.

4 ноября 1919 года, в день рождения Колчака, к нему в резиденцию явилась какая-то местная дама, которая принесла аккуратно упакованный «подарок». Пролежав некоторое время в приёмной, этот «подарок» взорвался (Колчак в это время отсутствовал). При взрыве погиб личный адъютант адмирала. Известие о случившемся просочилось в город и породило разговоры о неустойчивости верховной власти. Заколебалась армия. В ней началось массовое дезертирство. На сторону противника, по свидетельству очевидцев, массово переходили роты, батальоны и даже целые полки со своим штатным оружием и боеприпасами.

Возникшая в связи с этим нехватка кадров заставила адмирала прибегнуть к тотальной насильтвенной мобилизации. В соответствии с изданным им ещё в октябре 1919 года приказом, начался призыв в армию всего мужского населения Западной Сибири в возрасте до 60 лет включительно. Мобилизация и варварские методы её проведения вызвали среди местного населения всеобщее негодование. Мужчины призывающего возраста всеми способами старались избежать службы в армии. В этих условиях Колчак вынужден был прибегнуть к жестоким карательным мерам. Но это не помогало. Армия лишилась полноценного пополнения не только людьми, но и необходимыми материальными ресурсами. Уже в этот период главные поставщики оружия и боевой техники – Англия и США – пришли

к заключению, что дальнейшая военная помощь армиям Колчака становится нежелательной, потому что она используется неэффективно.* В октябре 1919 года британское военное ведомство уведомило адмирала, что свою помощь оно отныне будет оказывать только Деникину. Колчаку должны были помогать американцы, но они не спешили, так как в это время вступил в действие согласованный западными странами декрет о полном союзническом контроле над всеми видами военных поставок в Россию. Колчак был вынужден с этим документом согласиться, так как иных источников военного снабжения у него не было.**

Вопрос снабжения своих армий продовольствием и фуражом Верховный правитель попытался решить за счёт местных ресурсов, которые должны были закупаться на денежные средства государства. В связи с этим ещё в июле 1919 года им был издан специальный приказ. С его введением в действие в сибирские деревни стали направляться специальные вооружённые заготовительные отряды. Продовольствие и фураж ими

* Это подтверждает в своих мемуарах командующий американскими войсками генерал Гревс. Исполняя указания своего правительства по проверке эффективности использования колчаковским военным руководством поставляемой из США военной техники в целях вооружения вновь отмобилизованных частей, он в специально организованной поездке Владивосток – Омск – Ишим – Петропавловск не только не нашёл самих этих частей (они почему-то к моменту его приезда в тот или иной мобилизационный пункт куда-то бесследно исчезали), но и не обнаружил никаких, даже малейших следов якобы поставленной в эти части техники. Из этого печального обстоятельства Гревс сделал вывод, что русское командование американцев обманывает. Вся поставляемая ими помощь разворовывается. «Всё обстоит прескверно и потому падение Колчака – неизбежно», – заключал он.

** К началу ноября 1919 года американская военная помощь практически полностью прекратилась, и Колчак стал задумываться о закупке оружия в Германии и Японии. Узнав об этом, генерал Жанен в телеграмме в Париж отметил: «Правительство Колчака – правительство реакционное и немецкое».

у крестьян изымались, но никаких денег, как правило, за это не выплачивалось. Началось поголовное ограбление сибирского крестьянства, сопровождающееся грубым насилием. Очевидцы свидетельствуют: «Порют розгами по всяческому случаю и даже без случая... Начинается глухое недовольство, которое затем выливается сначала в бойкот, а потом в бунт или восстание». Подобное поведение колчаковских «заготовителей» способствовало возникновению в Западной и Восточной Сибири массового партизанского движения.

Здесь уже к осени 1919 года действовали сотни партизанских отрядов. В некоторых случаях эти отряды объединялись в партизанские бригады или даже армии. В Алтайской губернии одна из таких армий насчитывала до 30 тысяч человек. В своём составе подобные бригады и армии, как правило, имели ударную конную группу и пешее ополчение, вооружённое трофейными винтовками, охотничими ружьями и казачьими пиками. Совершив налёт на части белых, они тотчас же рассеивались, уходя на свои базы в леса. В отдельных случаях на вооружении партизанских отрядов имелись захваченные у противника пулемёты и даже полевые артиллерийские орудия. Такие отряды могли останавливать железнодорожные эшелоны и изымать перевозимый груз (оружие, боеприпасы, продовольствие), срывая тем самым колчаковские военные поставки.

Борьба омского режима с партизанским движением отличалась исключительной жестокостью. Пленных партизан расстреливали большими группами. В Енисейской губернии одновременно было расстреляно из пулемётов 5000 человек. Подобные же казни совершались и в других районах Сибири. В ответ партизаны устраивали засады и поголовно истребляли захваченных в плен офицеров и казаков. Ожесточённость с обеих сторон дошла до высшего предела – не щадили ни больных, ни раненых, ни молодых, ни старых.

Со стороны омских властей эту бойню в немалой степени провоцировал своими приказами сам Колчак. Он требовал: «Возможно скорее и решительнее покончить с крестьянскими восстаниями, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их. За укрывательство большевиков и пропагандистов должна быть беспощадная расправа. Брать заложников. В случае неповиновения заложников казнить». Злое, мстительное чувство к своим противникам у Колчака проявлялось во всём. Даже в письме к жене в Париж от 19 октября 1919 года он не смог скрыть своего раздражения: «Моя цель первая и основная – стереть большевизм и всё с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его». Адмирал страшно переживал своё военное поражение и в разговоре с офицерами Ставки неоднократно повторял: «Большевики украли у меня победу... Постепенно шаг за шагом они разрушают мои замыслы, рвут фронт».

Что же послужило причиной столь бедственного положения колчаковских войск на исходе рокового для них 1919 года? Таких причин несколько. Одна из них состоит в том, что Красная армия к моменту её наступления на Омск превратилась, по словам генерала Дитерихса, в настоящее регулярное войско, приобретающее боевой опыт от операции к операции и пользующееся, в отличие от белой армии, широкой поддержкой населения прифронтовой полосы. Данний вывод совершенно правилен потому, что к концу 1919 года Красная армия насчитывала в своих рядах уже более трёх миллионов человек и по своей численности превосходила войска всех белых движений и интервентов в несколько раз. Она имела на вооружении большое количество бронепоездов, бронемашин, полевых орудий и пулемётов, ремонт которых производился на предприятиях Петрограда и других российских промышленных городов. Помимо это-

то советские вооружённые силы сумели привлечь на свою сторону до 40% бывших, имеющих опыт Русско-японской и Первой мировой войн, царских генералов и офицеров, которые обеспечивали планирование и проведение всех основных операций Гражданской войны. Колчаковская же армия испытывала систематический голод в кадровых офицерах. Особенно не хватало опытных стратегов, а те, что окружали адмирала, не могли справиться с возлагаемыми на них задачами. Не случайно Колчак называл их «старыми крысами, с которыми России не возродить». Сам же Колчак, по собственному признанию, успешную борьбу на сухопутных фронтах организовать не мог, так как не имел для этого соответствующих военных знаний.

Второй важной причиной краха колчаковского режима явилась его неспособность решать накопившиеся в Сибири социальные проблемы, особенно проблемы крестьянского населения, которое на конец 1919 года составляло более 80% от общего числа проживающих здесь российских граждан. Некоторые члены Омского правительства, в частности Управляющий правительственными делами Георгий Гинс, пытались привлечь внимание адмирала ко всему комплексу социальных вопросов, так как от правильного их решения зависели и успехи военных действий, но он был глух к этим призывам и отвечал: «Знаете, я безнадёжно смотрю на все ваши гражданские законы и оттого бываю иногда резок, когда вы меня ими заваливаете. Я поставил себе военную цель: сломить Красную армию. Я главнокомандующий и никакими реформами не задаюсь. Пишите только те законы, которые нужны моменту. Остальное пусть делают в Учредительном собрании». На что Гинс резонно заметил: «Но жизнь требует ответа на все вопросы». Такого ответа Колчак не знал. Он хотел во всех гражданских реформах опираться на знающих, самостоятельно действующих людей, но таких людей в его окружении практически не

было. Это заставило его однажды высказаться следующим образом: «Скажу вам откровенно, я прямо поражаюсь отсутствием у нас порядочных людей... Дайте, дайте мне людей!» Что же касается министров Омского правительства, то он их в большинстве случаев не любил и даже презирал, неоднократно заявляя, что «после встречи с ними хочется вымыть руки».

Говоря о министрах Омского правительства, товарищ (заместитель) Военного министра, а затем, с мая по август 1919 года, – Военный министр Омского правительства генерал-лейтенант Алексей Павлович Будберг давал им следующую характеристику: «С ними не выехать на хорошую дорогу; слишком уж мелки, эгоистичны и не способны на творчество и подвиг. Все эти персонажи – случайные выкидыши омского переворота». О председателе Правительства Вологодском он отзывался ещё жёстче: «сношенная и безвольная тряпка, совершенно потухший человек, не годный и не способный на руководство делом самого мелкого масштаба,.. какой-то обмылок,.. толком не знающий, что делают подчинённые ему правительственные министерства и возглавляющие их министры». Тем не менее Колчак относился к Вологодскому с уважением, и между ними сложились неплохие личные отношения. Но Вологодский был слаб здоровьем, часто болел и потому действительно не мог с полной отдачей сил исполнять свои очень сложные в условиях войны обязанности. С остальными же министрами нельзя было решить ни одного крупного социального вопроса, тем более такого, который касался сибирских крестьян, никогда не угнетаемых крепостным правом, живших до Колчака свободно на своей свободной земле. Своими насильственными действиями по отношению к ним омский режим отбросил их от себя, превратив почти поголовно в вооружённую оппозиционную силу. За это Ленин был благодарен омским властям и в одной из своих речей

этого периода заявлял: «Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдалённых от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать».

Третьей причиной падения колчаковской власти в Сибири является то, что он (как впрочем и все другие вожди Белого движения) пытался поставить подчинённые ему вооружённые силы вне политики. Им не учитывался тот факт, что основная масса сражающихся в его войсках офицеров и солдат придерживалась старых, понятных им монархических взглядов. В угоду своим западным покровителям адмирал продолжал высказываться против возрождения монархизма в России и всячески превозносил республиканско-демократические формы государственного правления, хотя в душе, видимо, всё-таки тосковал по прежним порядкам. В одном из разговоров с генералом Сахаровым на вопрос последнего, как представляет Верховный правитель будущее России, ответил: «Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроение армии и народа. Это – сплошная тоска по старой, прежней России». Он признавал, что все слои русского общества, начиная с крестьян, думают в основной своей массе о восстановлении монархии и призвании на престол нового законного царя.

Колчак не знал, что большевики более всего опасались того, что белое движение вдруг поднимет монархистские знамёна и под этими знамёнами продолжит войну. Об этом откровенно говорил уже после окончания Гражданской войны создатель Красной армии Лев Троцкий. В этом смысле Колчак, возможно, упустил свой единственно верный шанс. Если бы он обратился к Сибири, в ту пору почти сплошь православной, с монархическим призывом к борьбе, то исход этой борьбы был бы, наверняка, совсем иным. Но он этого не сделал, полагая, что в войне с большевистскими силами можно опираться только на штыки.

Четвёртая причина поражения Колчака читателю уже известна – это предательство Белого движения его временными и ненадёжными союзниками в лице США, Англии и Франции, которые предпочли иметь дело с Советским правительством и постепенно свернули свою помощь Омску. Первые явные признаки данной политической переориентации западных стран многие отечественные историки связывают с июньскими событиями 1919 года, когда Колчак отверг, хотя и в деликатной форме, их требование предоставить независимость прибалтийским и закавказским народам, которые они хотели поставить под свой контроль. Данная переориентация коснулась не только политической сферы, но и чувствительной для всех белых движений военной области. Известно, что в штабах всех белых армий действовали иностранные военные советники, которые, исходя из целей своих собственных правительств, навязывали белогвардейскому военному руководству свои планы предстоящих военных операций. Невыполнение таких планов грозило срывом темпов и объёмов поставок военной помощи. Поэтому все вожди Белого движения (исключая барона Петра Врангеля) находились на коротком поводке у своих заграничных покровителей и вынуждены были следовать их рекомендациям. Что касается колчаковских войск, то на выбор способа их военных действий, приведших впоследствии к катастрофе, повлиял навязанный французским генеральным штабом и активно поддержанный англичанами план уже описанного нами ранее мартовско-майского наступления армий генералов Ханжина и Гайды на приволжские города.

По свидетельству генерала Сахарова, исполняющего в этот момент обязанности начальника штаба омского командования, избранное Колчаком операционное направление боевых действий Сибирской и Западной армий было принято под беспрецедентным давлени-

ем западных советников. В результате 15 февраля 1919 года Верховным главнокомандующим была издана секретная директива, которая, вопреки всем нормам оперативного искусства, предполагала наступление не на одном главном стратегическом направлении, а на трёх одновременно. Гайда повёл свои войска на Пермь, Вятку и Котлас с намерением выйти к Архангельску и Мурманскому, где были сосредоточены английские войска и большое количество доставленной ими боевой техники. Ханжин устремился к Саратову и Симбирску на встречу с войсками Деникина, чтобы затем организовать совместный поход на Москву. Деникину же в этот самый момент было настоятельно рекомендовано ещё неподготовленными силами быстрыми темпами устремиться к Москве. Таким образом, все русские армии разошлись по разным направлениям, не имея никакой перспективы на дальнейшую совместную боевую работу.

Провал наступательной операции Западного фронта был целиком возложен на генералов Ханжина и Гайду, но при этом было забыто, что Ставкой Колчака между этими генералами не было установлено практически никаких форм взаимодействия. А «безрас- судные и преступные» темпы наступления Западной армии определял зачастую не сам её командующий генерал Ханжин, а сидящие в Омске французские и английские советники. А они добивались того, чтобы сибирские белые армии в сражениях с Красной армией были бы разбиты или сильно ослаблены. То же случилось и с войсками Деникина. Их поход на Москву, на котором активно настаивали нетерпеливые английские советники, также полностью провалился и Добровольческая деникинская армия с огромными потерями откатилась к Новороссийску. Подобным образом западные советники поступили и с армией Юденича. Малочисленная и неподготовленная к наступательным действиям, эта армия под давлением

всё тех же англичан, устремилась на Петроград и была полностью разбита Красной армией. С армией Миллера англичане поступили несколько иначе – они её просто бросили, выведя свои войска из Архангельска. Доставленное сюда ранее оружие, технику и боеприпасы они белым не отдали, а демонстративно затопили в море.

С белым движением, ратующим за «единую и неразделимую Россию», было покончено раз и навсегда. Красной армии был предоставлен свободный маневр силами, и она в относительно короткие сроки (с марта по декабрь 1919 года) перемолола все противостоящие ей белые формирования. Этому успеху, по мнению историка Николая Старикова, могла способствовать и целенаправленная утечка информации о подготовке штабами белых армий своих военных операций. Такую утечку организовывали сидящие в этих штабах западные советники. Через свою агентуру они доводили её до командования Советских войск. В таких условиях Белое движение в России было обречено на неизбежный провал.

Обо всём вышесказанном Колчак, конечно, не мог знать, но наблюдая за действиями союзников и, прежде всего, за поведением главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерала Жанена, начинал подозревать неладное. Это подозрение усилилось после того, как за несколько дней до эвакуации его правительства из Омска к нему пожаловала делегация представителей иностранного дипломатического корпуса и предложила передать хранящееся в Омском банке золото в количестве 318 тонн под охрану международных, то есть американо-английско-французских, сил. Колчак категорически отказался и заявил: «Я вам не верю. Золото скорее оставлю большевикам, чем передам союзникам». Ещё ранее, возмущённый тем, что чехи вывозят из России огромные, исчисляемые в сотни миллионов русских

золотых рублей, богатства, предупредил чешское командование, что всё ими награбленное является достоянием России, и он не допустит вывоза русского имущества за границу. Оба этих заявления и предопределили дальнейшую судьбу адмирала. С этого момента он стал совершенно не нужен союзникам.

10 ноября 1919 года Верховный правитель через своего министра иностранных дел, находящегося в этот момент в Париже, известил правительства союзных держав об оставлении им Омска и переносе резиденции в Иркутск. 11 ноября 1919 года в Иркутск эвакуировалось Правительство и чиновничий аппарат. 12 ноября в путь отправился и сам Колчак. Для перевозки его кабинета, штаба, канцелярии, охраны и золотого запаса было сформировано пять отдельных поездных составов. Правительству повезло, оно добралось до Иркутска через восемь дней. Колчак же, как мы увидим позднее, задержался в пути почти на два месяца.

Вслед за Верховным правителем в путь отправились все его рабочие ведомства и иностранные дипломатические миссии. В городе остались Главком сухопутных войск Сахаров, командующий 1-й полевой армией генерал Пепеляев и, назначенные командующими 2-й и 3-й полевыми армиями, генералы Войцеховский (сменил Лохвицкого) и Каппель (сменил Сахарова, который стал командующим фронтом). Войцеховскому с его малочисленным войском была поставлена задача обороны Омска. Пепеляев и Каппель должны были обеспечить прикрытие эвакуации. Не выдержав написка Красной армии, войска Войцеховского вынуждены были в первом же бою отступить. 14 ноября 1919 года, форсировав Иртыш по льду (железнодорожный мост был белыми взорван), 5-я армия Тухачевского вошла в город. Одновременно с ней с севера в город вошли войска 3-й советской армии Меженинова. Омск пал. Пробыв в Омске в роли Верховного правителя только один год (с 18 ноября 1918 года по 12 ноября

1919 года), адмирал устремился в Иркутск, где выехавшее туда чуть ранее правительство должно было организовать все формы управленческой работы в совершенно новых, пока до конца не изученных, политических и военных условиях.

Трагедия эвакуации

Колчак покидал Омск нравственно и физически разбитым человеком. За три последних месяца сплошных неудач он превратился в абсолютного неврастеника, потерял аппетит, страдал бессонницей, сильно исхудал и почти полностью поседел. В его глазах окружающие стали улавливать лихорадочный блеск и хроническое беспокойство. Накануне отъезда из Омска, при докладах о положении на фронте, как свидетельствуют очевидцы, адмирал раздражался до крайности, не сдерживая себя ни в жестах, ни в выражениях. Переходил на крик, употреблял нецензурную брань. Ломал карандаши, сбрасывал со стола стаканы и чернильницу, кромсал большим перочинным ножом подлокотник или спинку своего кресла, резко срывался с места и выбегал из кабинета, оставляя собеседников на некоторое время одних, затем возвращался потухший и утомлённый, совершенно не способный к хладнокровному восприятию и правильной оценке сложившейся обстановки. Подобные сцены заканчивались, как правило, угрозами Колчака всех расстрелять и гневными жалобами на отсутствие в его распоряжении дельных людей. Эти сцены были почти постоянны и никакой пользы ни одному из направлений деятельности омского гражданского и военного ведомств не приносили.

Колчак сделался крайне угрюмым и недоверчивым. Засел за чтение «Протоколов сионских мудрецов» и почти во всех членах своего правительства стал видеть масонов-заговорщиков, вредящих его власти. Профес-

сор Гинс, наблюдая его в этот период, называл адмирала «человеком корабельной каюты, не привыкшим управлять живыми существами, наивным в социальных и политических вопросах». Более жесткую характеристику давал ему барон Будберг. В своих дневниковых записях он отмечал: «Это больной ребенок, чистый идеалист, несомненный неврастеник, быстро вспыхивающий, чрезвычайно бурный и несдержаный в проявлении неудовольствия и гнева. Жизни в её суровом, практическом осуществлении не знает, живёт миражами... Своих планов, своей системы, своей воли у него нет, и в этом отношении он – мягкий воск, из которого его советники и приближённые лепят, что угодно».

Помимо военных и экономических неурядиц за адмиралом тянулся кровавый шлейф террора, который он признавал и за который нёс всю полноту ответственности. Этот террор на всех подконтрольных ему территориях был ужасающим. Особенно зверствовали представители оренбургского и сибирского казачества. Попавшие в их руки пленные красноармейцы и партизаны были, как правило, обречены на неминуемую смерть. Казнь для них избиралась самая изощрённая. По воспоминаниям белогвардейского офицера Александра Тихомирова, оказавшегося после Гражданской войны в Париже, пленного красноармейца оренбургские казаки привязали к столбу. Затем к его оголённому животу прикрепили ведро с крысой внутри. Животное проедало тело несчастного в течение двух часов, после чего со стороны спины вывалилось на землю. По оценке этого же офицера, только в марте 1919 года под Оренбургом было замучено с отрезанием носов, рук и ног более 1800 человек. Среди них было много сочувствующих большевикам местных рабочих и членов их семей: жён, стариков и детей. Зверскую лютость колчаковских палачей признавал и командующий американским оккупационным корпусом

сом генерал Гревс. Он писал: «В Восточной Сибири совершились ужасные убийства, но совершились они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось 100 человек, убитых антибольшевистскими элементами». Порочную практику подобных убийств никто не пытался остановить. Напротив, она всячески поощрялась.

Во многих приказах самого Колчака и подчинённых ему командиров сплошь и рядом звучали призывы: «коммунистов и комиссаров уничтожать»; «при захвате селений требовать выдачи вожаков, если этого не произойдет, расстреливать каждого десятого»; «селения, которые встретят правительственные войска с оружием, сжигать, взрослое население расстреливать поголовно, имущество, лошадей, повозки, хлеб – отбирать в пользу казны»; «среди населения брать заложников, в случае неповиновения расстреливать беспощадно».* Конечно, сам Колчак никого не казнил и не расстреливал, но, по справедливому замечанию сочувствующего ему историка Сергея Мельгунова, «должен был, как глава режима, отвечать за всё». И такого ответа оскорблённый и униженный народ Сибири с нетерпением ждал.

Груз военных поражений и преступлений по отношению к местному населению, несомненно, тяготил душу адмирала, и он к моменту убытия из Омска уже не хотел для себя никакой верховной власти. В разговоре с генералом Сахаровым, которого он в ноябре 1919 года назначил на пост командующего Западным фронтом, адмирал доверительно заявил: «Вы не поверите, Константин Вячеславович, как тяжела эта власть. Никто не понимает; думают, что цепляюсь за неё. А я бы сейчас отдал её тому, кто был бы достойнее и способ-

* Подробно о белом терроре – в работе доктора исторических наук П.А. Голуба: «Белый террор в России (1918-1920 гг.). М., Патриот, 2006.

нее меня». Но взявший власть должен нести её до конца. С грузом этой власти Колчак и отправился вслед за своим правительством из Омска в Иркутск. Отрезок этого пути по приказу генерала Жанена охранялся Чехословацким армейским корпусом, командование которого установило жёсткий порядок следования железнодорожных эшелонов. Приоритет отдавался французским и английским воинским частям, затем следовали чехи, поляки, и румыны. Русские эшелоны должны были замыкать этот, растянувшийся от Омска до Владивостока, медленно двигающийся железный поток. Для Верховного правителя не делалось никаких исключений и, несмотря на его грозные телеграммы в адрес генералов Жанена и Сыровы, его литературный поезд тащился с черепашьей скоростью, минуя за сутки всего каких-либо сотню-полторы километров, а то и вовсе стоял.

Транспортная неразбериха обострила и окончательно испортила отношения Колчака с Сыровы и другими чешскими командирами, которые с этого момента стали активно искать сотрудничества с сибирскими эсерами. Наиболее тесные взаимоотношения у чехов сложились с иркутским эсеровским Политцентром, претендующим на роль местного регионального правительства. С подачи лидеров этого Центра, при молчаливой поддержке командования союзных войск, 13 ноября 1919 года чехи опубликовали и распространили по всей железнодорожной магистрали меморандум, в котором заявили, что возложенные на них союзным командованием функции по охране железной дороги они выполнить не могут из-за разгула зверств колчаковских войск. Эти зверства они называли страшными и подчеркнули, что перед «ними ужаснётся весь цивилизованный мир». Далее пояснялось, что колчаковский режим повинен в выжигании множества сибирских деревень, в избиении тысяч мирных граждан, в убийстве «без суда сотен де-

мократов по простому подозрению в политической неблагонадёжности».

Опубликовав этот меморандум, чехи всю ответственность за творимое в Сибири беззаконие возложили на Колчака и его режим, тем самым окончательно отмежевавшись от него в угоду не только своим интересам, но и интересам западных союзников, которые окончательно решили порвать с Белым движением и сойтись с местными левыми силами в лице эсеров и большевиков, тем более, что позиции и тех и других с подходом Красной армии к Иркутску значительно усилились, и теперь только от них зависел мирный проезд иностранных эшелонов через Иркутск во Владивосток. Учитывая это обстоятельство и оценив весь спектр текущих политических явлений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, командующий американскими войсками генерал Грэвс уже в этот момент полностью исключил Колчака из числа лиц, которые могли бы далее играть какую-либо значимую политическую роль. В декабре 1919 года он заявил: «Колчак уже не мог идти в счёт при оценке положения в Сибири». Ещё ранее подобным же образом высказывался руководитель английской военной миссии, кадровый разведчик, один из основных инициаторов возведения адмирала на пост Верховного правительства России генерал Нокс. В октябре 1919 года, после полного прекращения английских военных поставок колчаковским армиям, он констатировал: «Если 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то беспечно помогать белым». Колчака начали предавать все. Даже премьер Вологодский, ознакомившись с текстом чешского меморандума, заявил: «Недопустимый по форме, чехословацкий меморандум справедлив по существу, ибо рисует действительное положение страны».

Жёсткая критика, изложенная в тексте меморандума, заставила адмирала понять, что он теперь выведен

из-под защиты чешских войск и вся его надежда отныне связана только с отступающими белыми армиями генералов Каппеля, Пепеляева и Войцеховского, которые тоже находились в ужасающем положении, совершая свой «сибирский ледовый переход» по бездорожью в страшные, доходящие до 40 градусов, морозы.

Упрёки чехов о зверском отношении к местному населению Колчак вынужден был признать. В одном из телефонных разговоров с Виктором Пепеляевым он откровенно сказал: «Я совершенно не закрываю глаза, ибо мне лучше чем кому-либо известна вся тяжесть настоящего положения. Основной причиной неудовлетворенности внутреннего управления является беззаконная деятельность нижних агентов власти, как военной, так и гражданской. Деятельность начальников уездной милиции и отрядов особого назначения представляют собой сплошное преступление». Приняв во внимание данное обстоятельство, а также явные недостатки управленческой работы действующего Совета министров Омского правительства, было принято решение о его замене на более компактный и дееспособный руководящий орган. С инициативой по этой проблеме выступил министр внутренних дел Виктор Пепеляев. Собрав в вагоне Колчака членов Совмина, он огласил повестку дня. В числе первых был рассмотрен вопрос об отставке Председателя правительства Вологодского. В последнее время тот сильно прибаливал и потому его прошение о выходе из правительства было единогласно одобрено. На его место, при поддержке Колчака, тут же был избран Виктор Пепеляев, человек крайне честолюбивый и упорный в достижении личных целей. Он продолжил собрание и изложил цели, структуру и основные функции предлагаемого нового органа власти. Этот орган был назван Верховным совещанием. В него, с общего согласия присутствующих, вошли: Верховный правитель Колчак, Председатель

Пепеляев и шесть министров – военный, внутренних дел, иностранных дел, финансов, путей сообщения и снабжения. Пост военного министра занял когда-то отстранённый адмиралом от командования Западной армией генерал Ханжин.

После обсуждения организационных вопросов новый председатель правительства сделал обстоятельный доклад, в котором обрисовал бедственное положение отступающих армий и всего правительского аппарата в целом и попросил у Колчака соответствующей, прежде всего финансовой, помощи. Адмирал с доводами Пепеляева согласился и обещал такую помощь оказать. При этом он попросил Пепеляева, несмотря на все трудности момента, взять на себя бремя ответственности за работу нового правительства. В лице Пепеляева адмирал надеялся увидеть твёрдую гражданскую власть, однако этого не случилось. Виктор Пепеляев со своим братом Анатолием Пепеляевым начали плести вокруг Верховного правителя политические интриги с целью замены военной диктатуры на гражданскую власть. Действия братьев не стали секретом для Колчака. Его военная контрразведка точно установила, что Пепеляевы хотят ликвидировать власть Верховного правителя и для этого уже готовят соответствующую почву в Иркутске. Почувствовав опасность, адмирал попытался с помощью атамана Семёнова арестовать всех прибывших в Иркутск министров Омского правительства, за что пообещал ему часть золотого запаса.

Действиями Пепеляевых был озабочен и главнокомандующий колчаковскими войсками генерал Сахаров. Для того, чтобы выбить военную опору из-под председателя Верховного совещания, он попытался убедить Колчака преобразовать 1-ю армию в корпус и передать этот корпус в состав 2-й армии генерала Войцеховского. Адмирал согласился, но против этого категорически выступили Пепеляевы. Генерал Анато-

лий Пепеляев потребовал снять с поста командующего фронтом Сахарова и заменить его Дитерихсом. Более того, он, не желая терять свою армию, попытался с помощью одного из своих полков арестовать Войцеховского. Этого сделать не удалось. Выступление полка было подавлено.

На этом Анатолий Пепеляев не успокоился и с помощью верных ему егерей и казаков на железнодорожной станции Тайга сумел арестовать 9 декабря 1919 года генерала Сахарова. При аресте присутствовал Виктор Пепеляев, который заявил, что он, как глава правительства, отстраняет генерала от его полномочий. На это Сахаров резонно ответил, что он не подчиняется гражданским властям и свою отставку примет только от Верховного главнокомандующего, то есть от Колчака. На что последовала реплика: «Он уже принял решение. Вас он заменил генералом Каппелем». К сожалению, это было именно так. Потерявший политическую ориентировку, измученный и разбитый адмирал своими руками разрушил ещё одну верную ему опору. Более того, под давлением Пепеляевых, он учинил над Сахаровым судебную расправу, обвинив его в сдаче Омска. Суд оправдал генерала, и тот в конце января 1920 года, обиженный, эмигрировал в Германию. Дитерихса же Колчак на пост главнокомандующего поставить не смог потому, что своё согласие на занятие этого поста генерал связал с обязательной и незамедлительной отставкой самого Верховного правителя.

Почва под ногами Верховного правителя с этого момента заколебалась ещё сильней. К тому же возникло новое обострение отношений с чехами. Они упорно не давали возможности его эшелону продвинуться к Иркутску, отбирали паровозы, загоняли его поезд на запасные пути, где он неделями стоял без движения. Этими действиями адмирал был взбешён и потребовал от председателя Совмина Виктора Пепеляева

прекратить с чехами все отношения. Чехи создавали трудности не только Колчаку, но и всем уезжающим на восток русским людям. Вследствие этого между Омском и Новониколаевском (Новосибирском) скопилось огромное число эшелонов с ранеными, стариками, женщинами и детьми. Стояли лютые сибирские морозы, вагоны не отапливались, свирепствовал сыпной тиф, помощи заболевшим никто не оказывал. Мороз и болезни уносили десятки тысяч жизней – жертв эгоизма чехов и словаков, полностью забывших о своём славянском единородстве с русскими.

Не лучше дело обстояло и в отступающих белых армиях. Лишённые возможности воспользоваться железнодорожным транспортом, они были вынуждены пешими колоннами вдоль железнодорожного пути продолжать отступление на восток, используя для перевозки техники и военного имущества только лошадиную тягу. Значительную часть тяжелого вооружения пришлось бросить. Помимо этого не хватало продовольствия, обмунирования и лекарств. Многие военнослужащие погибали, не получив медицинской помощи. В результате этого состояние 1-й пепеляевской армии ухудшилось настолько, что её военнослужащие целыми полками стали переходить на сторону эсеровских повстанческих отрядов. 2-я армия генерала Войцеховского также, потеряв в боях и от болезней большое количество солдат и офицеров, имела «слабую сопротивляемость», и лишь 3-я армия, которой ранее командовал генерал Каппель, находилась в неплохом боевом состоянии.

Между тем бывшие союзники Колчака, счтя его дело окончательно проигранным, решили покинуть территорию России. Начали эвакуацию американцы. По решению своего правительства, они 9 января 1920 года погрузились на транспортные суда и убыли в США. Вслед за ними должны были убыть находящиеся во Владивостоке и на пути к нему англичане,

французы, итальянцы, чехи и поляки. Это коренным образом меняло расклад политических сил в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в пользу укрепившихся здесь эсеровских организаций. В Иркутске при надлежавший им Политцентр стал реально выступать в качестве регионального правительенного органа. Прибывшие сюда министры колчаковского правительства никакой существенной роли уже не играли и не могли играть. Зная, что Политцентр занимает открытую пребольшевистскую позицию, Колчак, находясь в пути, попытался вновь побудить атамана Семёнова захватить Иркутск. Но это не входило в планы западных стран. Стремясь вывести свои военные подразделения как можно быстрее с территории России, они пригрозили Семёнову ответными действиями, если тот попытается захватить город.

Поезд Колчака в это время находился в Нижнеудинске в 450 километрах к западу от Иркутска. Движение его было приостановлено распоряжением генерала Жанена на неопределённое время. Всё это происходило накануне нового 1920 года. Уже к третьему января под нажимом западных эмиссаров эсеровский Политцентр согласился с тем, что принадлежащая ему Народно-революционная армия не будет до конца вывода иностранных войск с территории России воевать против подходящей к Иркутску армии Войцеховского, так как это могло бы помешать эвакуации интервентов.

Теперь нужно было договориться о цене соблюдения этих договоренностей. Сделать это без участия представителей колчаковского руководства было невозможно. Поэтому генерал Жанен пригласил в свой штабной вагон не только эсеровских представителей, но и военного министра нового колчаковского руководства генерала Ханжина, который уже был ознакомлен Виктором Пепеляевым, приезжавшим на короткое время в Иркутск, с планом ликвидации во-

енного режима Колчака. Этот план иркутянами был одобрен. Ханжин также был готов содействовать его реализации. Пепеляев же после достижения нужных договоренностей с иркутскими эсерами, а через них и с Жаненом, срочно убыл на переговоры к Колчаку, с которым встретился на станции Тайга 8 декабря 1919 года, и далее уже следовал в одном с ним поезде до Иркутска.

Французская сторона, политцентровцы, а также делегированный на переговоры от колчаковского руководства генерал Ханжин выработали и согласовали условия, при которых эвакуация иностранных войск и принадлежащего им имущества могла бы пройти беспрепятственно и безопасно. Данные условия включили ряд требований, главными из которых были:

- уход адмирала Колчака с поста Верховного правителя России;
- отставка всех министров колчаковского правительства с передачей их функций иркутскому Политцентру;
- арест всех лиц, причастных к развязыванию и ведению Гражданской войны в Сибири с последующим преданием их суду.

Текст договора был подписан всеми участниками встречи и затем телеграммой направлен на имя адмирала. Колчаку предлагалось незамедлительно оставить свой пост и передать его командующему южной группировки белых войск генералу Деникину. При этом подчеркивалось, что «далнейшее существование прежней власти в Сибири невозможно». Всякие же попытки сохранить эту власть «создадут анархию и ускорят торжество большевизма на всей территории России». Для усиления действия первой телеграммы в адрес Колчака была направлена ещё и вторая аналогичная телеграмма, которую подписали все находящиеся в Иркутске члены его бывшего правительства. В ней вновь подчёркивалось, что адмирал должен до-

бровольно передать свои полномочия генералу Деникину, чтобы «сохранить возможность осуществить единую всероссийскую власть, предупредив вредные эксцессы и кровопролитие». Генерал Жанен, фактически принимавший негласное участие в составлении текста обеих этих телеграмм, принял решение отныне рассматривать адмирала только в качестве частного лица, которому он сможет предоставить возможность беспрепятственного выезда на Дальний Восток и за границу, но при условии, что тот передаст золотой запас под охрану союзного конвоя. Об этом он известил Колчака и предложил ему пересесть со своими людьми в специальный вагон, который будет прицеплен к чешскому эшелону. Сюда же прицеплялся вагон председателя Совмина Виктора Пепеляева.

Колчак попал в безвыходное положение, тем более, что к Нижнеудинску, где всё ещё продолжал стоять без паровоза его поезд уже начали прорываться передовые части наступающей 5-й советской армии, которой после проведения Омской операции командовал уже Иероним Уборевич (Тухачевский, решением Реввоенсовета Советской республики, убыл на Кавказский фронт). Под давлением всех перечисленных обстоятельств 4 января 1920 года Верховный правитель России был вынужден издать свой последний указ, в котором сообщал, что он передаёт всероссийскую власть главнокомандующему вооружёнными силами юга России генерал-лейтенанту Деникину. Этим же указом Колчак предоставлял атаману Семёнову всю полноту военной и гражданской власти на территории восточной части России. Только после этого, спустя две недели стоянки на запасных путях Нижнеудинска, адмиралу было позволено двинуться в сторону Иркутска. Поезд тронулся в путь 10 января 1920 года. Над ним разевались американский, английский, французский, японский и чехословацкий флаги, свидетельствующие о том, что Колчак и его окружение находятся под за-

щитой союзных войск. Но так как охрану фактически осуществляли только чехи, то Колчак понял, что его дело проиграно. С этого момента он был постоянно угрюм и малоразговорчив. Осознание того, что взятая им на себя ноша руководителя огромной страны оказалась выше его природных способностей, его сильно угнетало. В частном разговоре с одним из сослуживцев, сетуя на сложившееся положение, он с горечью говорил: «Война выше человеческой справедливости, её правосудие не всегда понятно, она признаёт только победу, счастье, успех, удачу. Она презирает и издевается над несчастьем, страданием, горем». Колчак свою войну проиграл.

В поездке из Нижнеудинска в Иркутск адмирал был полностью забыт главами всех иностранных военных миссий, хотя многие из них ехали вместе с ним в одном поезде. Даже генерал Нокс, который до этого момента курировал его деятельность на протяжении двух лет, отказался с ним встретиться и выехал из России, не попрощавшись. Гордый, умный, очень ранимый Колчак такое отношение к себе остро переживал. Он понимал, что с ним уже абсолютно никто не считается и что он никому не нужен. Верной опорой для него осталась только Анна Тимирёва, которая проделала вместе с ним мучительный, более чем двухмесячный путь из Омска в Иркутск. 15 января 1920 года поезд с адмиралом Колчаком, наконец, прибыл к месту своего назначения. Это произошло уже после полного перехода власти в городе в руки эсеровского Политцентра, который немедленно установил тесные контакты с большевиками, распространившими своё влияние почти на весь Восточносибирский край. Большевистское руководство потребовало от эсеров, чтобы те добились от чехов и их западных покровителей выдачи адмирала и прибывшего вместе с ним золотого запаса. В случае отказа большевики угрожали взорвать железнодорожные тоннели и тем самым не допустить

перемещения чешских и других иностранных войск на восток.

Реальность большевистской угрозы заставила западных союзников провести в штабе генерала Жанена экстренное совещание, на котором присутствовали представители дипломатических и военных миссий США, Англии, Японии, Франции и Чехословакии, а также делегаты от иркутского Политцентра. Ссылаясь на преступления Колчака против их однопартийцев, политцентровцы потребовали его незамедлительного ареста. Против этого предложения никто из присутствующих не возражал. Подъезжая к Иркутску, адмирал ещё не знал, что его судьба решена предательством его недавних союзников. Генерал Жанен – главный вдохновитель этого предательства, чтобы не быть свидетелем ареста Верховного правителя России, в тот же день срочно покинул город. На следующий день сюда приехал измученный и подавленный Колчак. По наблюдению видевших его в этот момент людей, в адмирале произошли огромные перемены. Он в свои 46 лет враз постарел и осунулся. «Колчак похудел, по-дурнел, выглядит угрюмо, и весь он, как кажется, находится в состоянии крайнего нервного напряжения. Он спазматически прерывает речь. Слегка вытянув шею, откидывает голову назад и в таком положении застыает, закрыв глаза», – отметил позднее в своих мемуарах генерал Жанен. Данное состояние было результатом всего комплекса навалившихся на адмирала бед. Особенно же тяжело он перенёс событие, пережитое им при подъезде к Иркутску. Оно было связано с тем, что в поездке из Омска его сопровождало 60 офицеров штаба и около 500 солдат личного конвоя, размещавшихся в соседних вагонах. Колчак требовал, чтобы все эти вагоны проследовали вместе с ним до самого Иркутска. Чехи же, по указанию своего командующего Сыровы, брались охранять только его вагон и вагоны с золотым запасом. Оценивая сложившееся положение,

штабные офицеры предложили Колчаку покинуть поезд и попытаться пробиться в Монголию. Адмирал дал согласие. Затем он собрал конвой и предложил солдатам уйти вместе с ним или остаться в России. Неожиданно весь конвой, за исключением нескольких человек, покинул поезд и перешёл на сторону большевиков. Вскоре Колчака покинули и офицеры. Многие из них, воспользовались предложением чехов и уехали вместе с ними в их поездах. У Колчака была такая же возможность, но он её отверг, заявив: «Нет, не хочу я быть обязанным спасением этим чехам».

На станцию Иннокентьевская под Иркутском адмирал прибыл без конвоя и без офицеров штаба, совершенно беззащитным перед врагами. По прибытии поезда все находящиеся в нём пассажиры были взяты под охрану чешскими солдатами. С наступлением сумерек в вагон адмирала вошёл заместитель командующего политцентровской Народно-революционной армией капитан Нестеров и сопровождающий его чешский офицер, который объявил, что решением командующего союзными войсками генерала Жанена, Колчак и находящийся вместе с ним бывший председатель Верховного совещания (Омского Совмина) Виктор Пепеляев арестовываются и передаются в руки иркутского Политцентра. Адмирал был взбешён и злобно прокричал: «Это предательство! Так вот цена гарантий, данных мне Жаненом». За вспышкой гнева последовал быстрый спад эмоций. Колчака попросили сдать личное оружие, что он беспрекословно сделал. После этого ему и Пепеляеву предложили одеться и под конвоем препроводили к коменданту Иркутска эсеру Ивану Бурсаку (Борису Блатлиндеру). Бурсак отдал распоряжение отправить арестованных в иркутскую городскую тюрьму. Ловушка захлопнулась. Колчак понял, что дни его жизни сочтены.

Вместе с адмиралом в иркутскую тюрьму было доставлено 112 гражданских министров и чиновников его

бывшего правительства. Среди них была и Анна Тимирёва, которая, как сама позднее заявила, решила добровольно «самоарестоваться» и разделить судьбу своего гражданского мужа. Арест и последующее тюремное заключение Колчака были платой за беспрепятственную эвакуацию Чехословацкого армейского корпуса и других иностранных войск из Иркутска во Владивосток и далее морскими судами в Европу. Платой была и передача через эсеровский Политцентр большевикам 314 тонн русского золота. Четыре тонны из 318 направлявшихся из Омска в Иркутск были разворованы чехами за то время, пока они охраняли состав на пути из Нижнеудинска. Эти четыре тонны вместе с награбленными русскими богатствами убыли в Чехословакию для пополнения оскудевшей за годы Первой мировой войны чешской государственной казны. Доставшиеся же большевикам 314 тонн по железной дороге были возвращены в хранилища Казанского государственного банка. Так завершился ещё один драматический этап в жизни мятежного адмирала. Впереди ему оставалось 23 дня следственных допросов, личных унижений и слабых надежд на всё ещё возможное спасение.

Тюремное заключение, следствие и расстрел

После доставки арестованных в городскую тюрьму Колчак и Виктор Пепеляев были помещены в одиночные камеры. Камера Колчака располагалась на первом этаже и представляла собой небольшое помещение размером 5 на 2,5 метров. У одной стены стояла узкая железная кровать. У другой – железный столик и укреплённый в бетонном полу железный табурет. В углу, перед дверью, на каменной тумбе находились таз и металлический кувшин для воды. Возле тумбы стояло выносное ведро.

Первые дни заключения Колчак переносил тяжело: почти не спал, с трудом ел тюремную пищу, страдал от простуды, сильно кашлял. Спустя несколько дней состояние его здоровья несколько улучшилось, и ему разрешили выходить на прогулку, курить сигареты, встречаться в тюремном прогулочном дворике с другими арестантами, в том числе, и с Анной Тимирёвой. Пользуясь этой возможностью, они могли обмениваться мнениями относительно складывающейся вокруг них обстановки, ободрять и поддерживать друг друга, вспоминать недавнее прошлое.

Допросы Колчака начались 21 января 1920 года, спустя шесть дней после ареста. Их вела Чрезвычайная следственная комиссия, созданная по указанию эсеровского Политцентра ещё 7 января 1920 года. В комиссию вошли дипломированные в царское время юристы: председатель и его заместитель меньшевики К.А. Попов и В.П. Денике, члены комиссии – меньшевик А.Н. Алексеевский и эсер Г.И. Лукьянчиков. Было проведено около двух десятков допросов, по результатам которых составлено девять откорректированных и подписанных Колчаком следственных протоколов. Первая серия допросов, пока председателем комиссии оставался Попов, велась исключительно корректно. В результате этого адмирал давал показания охотно и, по большей части, откровенно. У членов комиссии сложилось единодушное мнение, что делал это он преднамеренно, чтобы в протоколах допросов «оставить о себе память в истории и потомстве». На этот факт обратили внимание и биографы Колчака – Сергей Мельгунов и Любовь Миллер, но они истолковали словоохтоливость адмирала «намерением донести сведения о себе до мировой буржуазной общественности». В ходе допросов подследственный много и охотно говорил о себе, о различных этапах своей жизни, о крупных исторических событиях, участником которых был. Все эти сведения вошли в следственное дело, которое

опубликовано и доступно для свободного чтения. Поэтому, не вдаваясь во все детали показаний Колчака, обратим внимание лишь на те из них, которые в наибольшей степени заинтересовали членов следственной комиссии. К таковым относятся: период жизни Колчака в Петрограде после оставления им Черноморского флота; поездка в США во главе российской военно-морской миссии; пребывание в Японии после поездки в США и причины добровольного найма на военную службу Великобритании; назначение на Месопотамский фронт и вынужденное возвращение в Китай; служба в Харбине в качестве командующего охранными войсками КВЖД и деятельность по созданию армейской группировки для борьбы с Советской властью на Дальнем Востоке; военный переворот в Омске, степень личного участия в перевороте; деятельность на посту Верховного правителя России; характер отношений с другими вождями Белого движения и представителями иностранных дипломатических миссий при Омском правительстве, их реакция на занятие Колчаком поста Верховного правителя; политические взгляды, отношение к монархизму и другим формам государственного правления; участие в белом терроре: куломзинские события, расстрел комучевцев и большевиков в Омске; причины жестоких форм борьбы с партизанским движением, личная причастность к карательным операциям на Урале и в Сибири.

В ходе следствия причину своего переезда в Петроград после оставления Черноморского флота Колчак описал достаточно объективно. Упомянул об американской военной делегации во главе с адмиралом Гленноном, которая прибыла в Севастополь якобы с целью проведения переговоров о возможной синхронизации действий русского и американского флотов по захвату турецкой проливной зоны. О подлинном характере бесед с членами этой делегации и в Севастополе, и в пути следования до Петрограда Колчак особенно

не распространялся. Более того, как мы уже отмечали, умышленно исказил некоторые детали этой поездки. В своих показаниях сообщил, что из Севастополя в Петроград ехал с Гленном в одном поезде, но в разных вагонах. На самом деле ехал в одном вагоне и на протяжении всего пути активно с ним общался. При этом главная цель американского адмирала (кадрового разведчика), как сообщают иностранные источники, состояла в том, чтобы, во-первых, присмотреться к Колчаку и оценить его личностные качества и, во-вторых, получить от него секретные данные о русских планах Босфорской операции и степени готовности Черноморского флота к её проведению. Автор труда «Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность» историк Плотников допускает, что такая информация Колчаком американской стороне была передана потому, что на этом ранее настаивал, отказавшийся от претензий на турецкую проливную зону, Военный и морской министр Временного правительства России Керенский.

О деталях своей встречи с Гленном и послом Рутом в Петрограде Колчак говорил также не особенно охотно. Сообщил, что в ходе состоявшейся беседы американцы предложили ему выехать в США для обмена опытом ведения минной войны на Чёрном море. Подлинный смысл разговоров, касающихся подготовки антигосударственного военного переворота в Петрограде под предводительством генерала Корнилова и своей особой «дипломатической роли» в нём от следствия скрыл. Признал свою вовлечённость в деятельность Петроградского Республиканского национального центра в качестве руководителя его военного отдела. Но о том, что сотрудничество с этим центром ему было рекомендовано американцами (Гленном и Рутом), умолчал. Касаясь поездки в США в качестве главы российской морской миссии, заявил, что был принят американцами хорошо, но полного морально-

го удовлетворения от этой поездки не получил, так как понял, что правительство США терпимо относится к большевистскому режиму России и даже считает его одной из форм народной демократии.

В Японию из США выехал для последующего возвращения в Россию, но по пути узнал, что в Петрограде к власти пришли большевики, объявившие о своём намерении заключить сепаратный мир с Германией. Стремясь продолжить борьбу с немцами до полной победы, решил обратиться к английскому правительству с просьбой о предоставлении возможности поступить на британскую военную службу. На вопрос следователей о том, как такое решение согласовывалось с этическими нормами поведения русского офицера, ответил, что был представителем бывшего русского правительства, которое дало известные обязательства союзникам, и потому посчитал для себя возможным продолжить войну с Германией в их рядах. О том, что имел давние связи с представителями английской военной разведки и пользовался особым с их стороны расположением, упоминать не стал.

Поездку на Месопотамский фронт описал достаточно полно. Пояснил, по каким причинам был возвращён из Сингапура в Китай. Все последующие действия, связанные с перемещением в Харбин в распоряжение генерала Хорвата, назвал результатом настойчивых просьб посланника в Пекине князя Кудашева. О переписке с военным ведомством Великобритании на предмет своего дальнейшего служебного использования не сказал ни слова. Далеко не полно осветил содержание беседы с генералом Ноксом перед отъездом из Японии во Владивосток. Указал лишь на то, что Нокс проявил интерес к положению дел на русском Дальнем Востоке и высказался за создание здесь регулярной русской вооружённой силы по аналогии с той, что была создана на юге генералами Алексеевым и Корниловым.

Своё пребывание в Харбине в распоряжении управляющего КВЖД генерал-лейтенанта Хорвата и деятельность по созданию белогвардейской армейской группировки для борьбы с Советской властью на русском Дальнем Востоке изложил вполне откровенно. Признал конфликт с японским военным командованием, указал на причины провала попыток создания дальневосточной вооружённой силы. Таковыми, по его мнению, являлись: политианство и нерешительность Хорвата, его стремление сблизиться с Японией в ущерб интересам России; самочинство атаманов Семёнова и Калмыкова; нежелание японского военного командования снабжать формирующуюся русские части оружием и боеприпасами.

Отъезд из Японии во Владивосток, а затем и в Омск объяснил желанием перебраться на юг в распоряжение руководителя Добровольческого движения генерала Алексеева. Остановку в Омске назвал вынужденной, так как на ней настаивал Верховный главнокомандующий сибирскими армиями генерал Болдырев, предложивший ему пост Военного и морского министра в Омском правительстве. О том, что Болдырев действовал в этом вопросе под нажимом главы английской военной миссии генерала Нокса, не сказал ничего. Столь упорное скрытие фактов своих взаимоотношений с англичанами и американцами наводит на мысль о том, что Колчак не желал их разглашения, так как опасался, что с их обнародованием будет развеян миф о его безукоризненном патриотизме. Скрывал он и другие, невыгодные для него, реалии. Так, своё участие в подготовке военного переворота, приведшего к ликвидации Омского Временного Всероссийского правительства, аресту членов Уфимского Комуча и установлению диктатуры Верховного правителя, полностью отрицал. Доказывал, что оказался перед свершившимся фактом и что переворот был осуществлён без его ведома. На прямой вопрос членов комиссии о

том, кем и как переворот был организован, заявил: «В этом принимали участие почти вся Ставка, часть офицеров гарнизона, штаб главнокомандующего и некоторые члены Правительства». Пояснил, что их имён не хотел знать, «чтобы потом не быть обязанным этим людям» (чтобы они не могли тем или иным путём на него влиять). Главным организатором переворота назвал начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Дмитрия Антоновича Лебедева.* О совершившемся перевороте якобы узнал лишь под утро от разбудившего его дежурного ординарца. После чего прибыл по вызову председателя Правительства Володарского на заседание Совета министров, где и решилась его дальнейшая судьба и где он, по настоятельной просьбе членов Совета, принял обязанности Верховного правителя России. Развивая эту тему, члены следственной комиссии поинтересовались о том, собирали ли Колчак информацию об обстановке в Омске накануне переворота, и какова была его оценка складывающейся ситуации. Из ответа следовало, что положение дел в Омске как Военный и морской министр он тщательно изучал, для чего специально встречался с командным составом Омского гарнизона и командирами крупных армейских подразделений в ходе первой поездки на фронт. Из разговоров с ними вынес однозначное впечатление, что «армия относится к Директории отрицательно и что только военная власть может поправить дело». Пояснил, что о том же говорил ему генерал Гайда, с которым состоялась встреча в Екатеринбурге. Против свержения Омской директо-

* Это заявление опровергает мнение сочувствующих Колчаку биографов о том, что он в ходе следствия скрывал имена своих соратников, чтобы отвести от них месть эсеров и большевиков. На самом деле Колчак, под нажимом членов следственной комиссии, эти имена раскрывал. Это касалось не только Лебедева, но и генералов Розанова, Волкова, Артемьева, Анненкова и других. Все они затем погибли в ходе Гражданской войны и в более поздние годы, в том числе и потому, что были на особом учёте НКВД.

рии выступили только руководители Чехословацкого корпуса генералы Сыровы и Дитерихс, так как они давно поддерживали уфимских комучевцев и подчинённую им Народную армию.

Далее последовали вопросы о том, как адмирал был приведён к верховной власти, как на это отреагировали другие вожди Белого движения и иностранный дипломатический корпус. На первый вопрос последовало детальное изложение деятельности Омского Совета министров сразу же после совершения переворота и принятия решения о роспуске Всероссийского правительства и установления новой формы государственного правления в виде диктатуры Верховного правителя.

На второй вопрос отвечал также достаточно полно, указав на то, что в течение первых четырёх дней после прихода к власти получил поздравление от всех командующих белыми движениями. Приветствовали генералы Деникин, Юденич, Миллер, Хорват и Дутов. Не отреагировали атаманы Семёнов и Калмыков. Тепло приветствовали представители иностранных дипломатических миссий: американец Гаррис, француз Реньо и англичанин Уорд. Все они желали удачи и скорейшего возрождения России. Неожиданное недоразумение возникло только с чехами. Узнав о намерении Колчака создать сильную русскую армию, они задали вопрос о том, почему он это намерение не согласовал с ними. Ответ был жёстким: «Вам какое дело? Я менее всего намерен спрашивать мнение иностранцев, оно совершенно не интересно и не обязательно для нас». Последовала реплика: «Мы принимаем участие в ведении войны». Ответил: «Да, но теперь вы никакого участия не принимаете, теперь вы оставляете фронт, – почему же вы хотите, чтобы мы справлялись с вашим мнением, в особенности теперь, когда вы оставляете фронт?»

Большое внимание со стороны следствия было уделено взглядам Колчака на предпочтительные для него

формы российской государственной власти. Этим вопросом интересовался член следственной комиссии меньшевик Алексеевский. Он обратился к адмиралу с просьбой пояснить своё отношение к монархии. Эта просьба почему-то вызвала у Колчака отрицательную реакцию, и он в довольно резкой форме ответил: «У вас под монархистом понимается человек, который считает, что только эта форма правления может существовать... Для меня лично не было даже такого вопроса – может ли Россия существовать при другом образе правления. Конечно, я считал, что она могла бы существовать». Колчака одёрнул председатель комиссии Попов: «Вы уклоняетесь от прямого ответа: были вы тогда монархистом или нет?» Последовал ответ: «Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем потому, что тогда такого не существовало в природе. До революции 1917 года я считал себя монархистом».

Далее выяснялось отношение адмирала к Февральской буржуазной революции. Объяснение было пространным и касалось практически всех этапов развития революционной ситуации: процедуры отречения царя, перехода государственной власти к Временному правительству, личного признания этого правительства первым из всех командующих русскими фронтами и флотами. На вопрос о том, почему был столь тороплив, отвечал, что «посчитал монархию совершенно уничтоженной». От нового правительства ожидал «установления какого-либо республиканского образа правления, которое бы отвечало потребностям страны». Из данного ответа становится очевидным, что у Колчака в ходе Февральской революции и до конца жизни не было чёткого представления о приемлемой для России форме государственной власти. Его позиция была расплывчатой. Он ориентировался на ближайшую перспективу, был нацелен на личную карьеру. Дальнейшую судьбу страны связы-

вал (по крайней мере, на словах) с волей народного Учредительного собрания, в реальный созыв которого, по собственному признанию, не особенно верил. Скорее всего, в случае победы над большевизмом, Колчак попытался бы продлить свою власть на долгие годы, как это сделали позднее воспользовавшиеся опытом двух русских революций генералы Франко и Пиночет. Диктаторская власть адмирала по мере ослабления революционного рабочего движения постепенно бы демократизировалась и, быть может, лет через тридцать преобразовалась бы в буржуазную президентскую или парламентскую форму. Но об этом мы можем только гадать, так как история развивается по своим собственным, часто непредсказуемым законам.

Допросы, между тем, продолжались, но они стали протекать в более неблагоприятной для Колчака обстановке. Усилилась охрана, сама процедура следствия стала более жёсткой. Все эти изменения не были случайными и определялись резким обострением обстановки в самом Иркутске и вокруг него. 19 января 1920 года к городу подошёл крупный большевистский партизанский отряд численностью до семи тысяч человек. Сюда же прорывались передовые части 5-й советской армии Уборевича. В этих условиях эсеровский Политцентр вынужден был мирно передать принадлежащую ему власть большевистскому Военно-революционному комитету. Это произошло 21 января 1920 года. В этот же день председателем Чрезвычайной следственной комиссии был назначен руководитель местной ЧК коммунист Самуил Чудновский. В организации следственной работы ему помогал военный комендант города Иван Бурсак. Дальнейшая судьба Колчака и других арестованных вместе с ним членов бывшего Омского правительства теперь во многом зависела от этих двух людей. Приступив к обязанностям председателя следственной комиссии, Чудновский,

человек холерического темперамента, решительный и властный, руководствуясь сложной обстановкой в городе и указаниями Реввоенсовета 5-й советской армии, дал распоряжение проводить следственную работу более интенсивно. Допросы Колчака, как и ранее, проходили в кабинете начальника тюрьмы и в тех случаях, когда на них присутствовал Чудновский, превращались в обвинительные речи допрашивающих. Показания подследственного при этом почти полностью игнорировались. Во всём ощущались спешка и нервозность.

Изменения в поведении следователей насторожили Колчака, и он попытался установить их причину. В разговоре с Бурсаком он задал вопрос о том, какая теперь власть в Иркутске. Тот ответил: «Красная армия гонит чешские части на восток. Гонит она и остатки ваших армий. Власть же от Политцентра перешла к большевикам». На реплику адмирала о том, почему же тогда состав комиссии не изменился, Бурсак ответил, что этот состав до окончания следственной работы останется прежним. Председательствовать будет Чудновский, функции заместителя перейдут к Попову. Вечером того же дня адмиралу удалось выяснить, что к городу подошли войска генерала Войцеховского. Об этом его известил, относящийся к нему уважительно, пожилой, ещё царского набора, тюремный надзиратель. То же самое ему сообщила своей запиской и Анна Тимирёва. Из её сообщения Колчак узнал не только о подходе белых войск, но и о требованиях Войцеховского по освобождению всех арестованных.

Подошедшие к Иркутску белые войска представали, по оценке историков, «ослабленную, бесформенную, небоеспособную массу», включавшую в себя остатки 2-й и 3-й колчаковских армий. 1-я армия Анатолия Пепеляева перестала существовать. Сам же Пепеляев самовольно оставил фронт и перебрался в Харбин. Командовал войсками генерал Войцехов-

ский, ставший после смерти Каппеля* главнокомандующим. К Иркутску он вывел около 30 тысяч бывших капрелевцев. Реальную угрозу для большевиков они не представляли, так как были плохо вооружены, не имели в достаточном количестве продовольствия, тащили за собой обоз с большим количеством раненых и тифознобольных. Оставшиеся в строю солдаты после длительного «ледового перехода» были крайне истощены, хотя и сохраняли высокий боевой дух. Последний свой бой с наступающей Красной армией они провели под Красноярском, но проиграли его. После этого прямых боевых столкновений с противником старались избегать. Тем не менее, умело маневрируя, совершили быстрый переход к Иркутску, приблизившись 6 февраля 1920 года к его окраинам на семь километров. Это обстоятельство обеспокоило не только большевистское руководство, но и иностранное военное командование, которое всё ещё продолжало эвакуацию частей Чехословацкого корпуса из Иркутска во Владивосток. В этих условиях генерал Жанен срочно связался с Войцеховским и запросил у него сведений о том, при каких условиях он не будет брать город. Эти условия были таковы: снабжение армии деньгами, боеприпасами и продовольствием; безопасный пропуск раненых и больных, а также членов семей военнослужащих с выдачей им документов на право выезда за границу; освобождение адмирала Колчака и арестованных вместе с ним лиц; передача золотого запаса в руки белого командования. Все эти условия через эсера бывшего Политцентра Жанен срочно передал в распоряжение большевистского Военно-революцион-

* Каппель на одном из переходов промочил ноги, но продолжил движение с войсками на 40-градусном морозе. Произошло обморожение обеих стоп и возникла гангрена, сопровождающаяся крупозным воспалением лёгких. Скончался 26 января 1920 года. За день до смерти подписал последний приказ о назначении на своё место генерала Войцеховского.

ного комитета. Последний поставил в известность об этом Реввоенсовет 5-й армии, который ещё 18 января 1920 года объявил Колчака врагом народа, человеком вне закона, изменником и предателем Родины.

Войцеховский серьёзно не рассчитывал на захват Иркутска, но, зная безвыходность положения Колчака, решил сыграть наудачу. Авантура не удалась. Ультимативные требования генерала резко обострили ситуацию и привели к тому, что охрана адмирала и других арестованных с ним лиц была вновь серьёзно усиlena. 4 февраля Колчаку запретили прогулки. Допросы участились. Теперь они касались самой неприятной для подследственного темы: его личного участия в белом терроре. Заместитель председателя следственной комиссии Попов отметил, что Колчак на последнем этапе следствия был настроен нервно, обычное спокойствие и выдержка, которыми ранее отличалось его поведение, ему изменили. Колчаку был поставлен вопрос о его личной роли в аресте членов Омской дирекtorии: Авксентьева, Зензинова и Роговского. Свою причастность к этому аресту Колчак полностью отрицал. Но признался, что в судьбе этих людей принимал участие и, как Верховный правитель, распорядился о гарантиях их неприкосновенности с предоставлением права свободного выезда за границу.

Далее в разговор вступил Попов. Его интересовали куломзинские события. Он, как бывший руководитель Омского совета, обвинил Колчака в крайней жестокости совершённой казаками расправы над восставшими рабочими. Колчак оправдывался тем, что эти рабочие стреляли в его войска и убили 20 человек. Всего же в ходе боёв, по его мнению, с обеих сторон было убито около 250 человек. Попов опроверг эти данные, обвинив Колчака в умышленном преуменьшении числа убитых, и назвал свою цифру. Она, по его данным, составляла не менее 500 человек, так как в момент восстания в районе куломзинского железноз-

дорожного депо находились не только восставшие рабочие, но и члены их семей, а также жители рабочего посёлка, оказавшиеся здесь случайно. Припомнили Колчаку и жуткую расправу над захваченными в Уфе, Челябинске и Екатеринбурге бывшими комучевцами, которых вместе с арестованными куломзинцами в конце декабря 1918 года растерзали на берегу Иртыша, в нескольких сотнях метров от резиденции адмирала. При рассмотрении этого эпизода Колчаку зачитали показания очевидца, который свидетельствовал: «Это убийство представляло картину настолько дикую и страшную, что трудно говорить даже людям, видавшим немало ужасов и в прошлом, и в настоящем. Несчастных раздели, оставили лишь в одном белье: убийцам, очевидно, понадобилась их одежда. Били всеми видами оружия, за исключением артиллерии: били прикладами, кололи штыками, стреляли в них из винтовок и револьверов. Одному из них, крупному функционеру партии эсеров Фомину, нанесли 13 ран, из которых лишь две огнестрельные. Ему, ещё живому, пытались отрубить руки, но шашки, по-видимому, были тупые, – получались глубокие раны на плечах и подмышках». Описав эту карательную акцию, в которой было убито 44 человека, указали на то, что она была проведена при руководящем участии адмирала. Колчак это отрицал, ссылаясь на то, что не владел ситуацией в городе в полной мере, так как в этот момент болел воспалением лёгких.

Затем Колчаку задали не менее болезненный вопрос, касающийся деятельности корпуса генерала Розанова, которому адмирал поручил вести борьбу с крестьянским повстанческим и партизанским движением в двух крупных губерниях Сибири – Енисейской и Иркутской. Розанов, бывший начальник штаба главкома Болдырева, отличался крайней жестокостью при выполнении порученных ему заданий. Его приказы всегда были пронизаны «стремлением вылавливать

и казнить всех главарей и вожаков повстанцев; брать заложников и, в случае неповиновения, расстреливать каждого десятого; селения, оказавшие вооружённое сопротивление, – сжигать, мужчин таких селений расстреливать поголовно; имущество отбирать в пользу казны, на непокорных и уклоняющихся накладывать контрибуцию». Во время следствия Колчаку был задан вопрос: известна ли ему деятельность Розанова и одобрял ли он её. Подследственный вынужден был признать, что эта деятельность ему была известна. Единственно, что в ней он не одобрял – это расстрел заложников, которые не были прямо повинны в преступлениях повстанцев. При этом, однако, признал право за Розановым бороться всеми способами, какие тот считал для себя возможными. Оправдывал действия последнего по уничтожению деревень, в том числе и артиллерией, тем, что такие деревни превращались в повстанцами в укреплённые базы, следовательно, могли быть разрушены как всякие военные укрепления. Допрос продолжался демонстрацией примеров о жестокостях карателей по отношению к военнопленным (отрезание носов, отрубание рук и т.д.). Колчак на это отвечал просто: «Это обычно на войне и в борьбе так делается».

Далее Колчаку зачитали его собственный приказ по ликвидации Енисейского крестьянского восстания. Оказалось, что этот приказ практически ничем не отличался от приказов Розанова. В нём были изложены требования «решительно покончить с партизанами, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими мерами». Этим приказом прописывались расстрелы по решению офицерских полевых судов, налёты на мятежные посёлки и деревни, тюремное заключение всех способных к боевым действиям мужчин и их поголовное уничтожение в случае неповиновения властям. Колчак пытался оправдаться и говорил, что он сам лично в исполнении этих приказов не участво-

вал, что эта задача была возложена на специальные карательные подразделения, о действиях которых он не всегда всё знал. В ответ на это члены комиссии приводили примеры опосредованного участия адмирала в деятельности таких подразделений, через составление им целого ряда поощрительных приказов. Один из них был направлен в войска генерала Волкова*, руководившего жесточайшим подавлением крестьянского восстания в Кустанайском крае. Приказ гласил: «От лица службы благодарю генерал-майора Волкова и всех господ офицеров, стрелков и казаков, принимавших участие в подавлении восстания». Аналогичный приказ был направлен и в адрес Розанова за массовые расстрелы повстанцев в Енисейске: «Благодарю вас, всех начальников, офицеров, стрелков и казаков за отлично выполненную работу». Отрицать свою причастность к белому террору Колчак не мог. Припёртый к стенке неоспоримыми фактами, он со многими доводами следователей был вынужден согласиться, понимая, что несёт ответственность за все преступления своих подчинённых.

6 февраля 1920 года войска Войцеховского подошли вплотную к Иркутску. Адмирала в последний раз вызвали на допрос. Он протекал в крайне напряжённой обстановке, в том числе и потому, что в самой тюрьме «цаарили тревога и ужас», так как заключённые опасались расправы над собой в случае, если генерал Войцеховский действительно попытается их освободить. Колчак также был нервозен. Нервничали и члены следственной комиссии. Адмиралу в этот раз было задано всего несколько уточняющих вопросов, касающихся расстрелов повстанцев в Омске в декабре 1918 года; карательной деятельности генерала Розанова в Красноярске; причин ужесточения Омским пра-

* Тот самый казачий генерал Волков, который в ноябре 1918 года обеспечил приход Колчака к власти в качестве Верховного правителя России.

вительством законодательства по борьбе с партизанским движением, приведшего к резкому увеличению массовых расстрелов. Все задаваемые вопросы произносились в обвинительном духе, хотя прямых доказательств личного участия Колчака в рассматриваемых преступлениях установлено не было. К тому же речи допрашивающих были окрашены классовой враждой, которую подследственный не мог выдержать, на время сникнал и вынужденно признавал свою ответственность за всё случившееся.

Вскоре допрос был резко прерван в связи с поступившим в этот же день в адрес Председателя следственной комиссии постановлением иркутского Военно-революционного комитета о срочном расстреле бывшего Верховного правителя Колчака и Председателя последнего Омского правительства Виктора Пепеляева. Подследственного тотчас же увезли в камеру, а Чудновский в присутствии военного коменданта города Бурсака и всех находящихся в кабинете начальника тюрьмы членов следственной комиссии зачитал текст постановления. В нём говорилось: «В целях избежания бесцельных жертв и недопущения в городе повторения ужасов Гражданской войны, основываясь на данных следственного материала и постановлениях Совета Народных комиссаров РСФСР, объявившего Колчака и его правительство вне закона, иркутский Военно-революционный комитет постановил: бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева расстрелять».

Казнь было приказано провести в ночь с 6 на 7 февраля 1920 года. Чудновский и Бурсак приступили к её подготовке, а Колчак, вернувшись в свою камеру, написал последнее краткое послание в адрес Анны Тимирёвой: «Дорогая голубка моя, я получил твою записку, спасибо за твою ласку и заботу обо мне. Как отнестись к ультиматуму Войцеховского, не знаю, ско-

рее думаю, что из этого ничего не выйдет или же будет ускорение неизбежного конца. Я только думаю о тебе и твоей участии, единственно, что меня тревожит. О себе не беспокоюсь – ибо всё известно заранее... Я молюсь за тебя и преклоняюсь перед твоим самопожертвованием. Милая, обожаемая моя, не беспокойся за меня и сохрани себя... До свидания, целую твои руки». Данное послание не попало в руки адресата, так как было перехвачено охраной и передано в распоряжение членов следственной комиссии. Сама же комиссия, в силу складывающихся неблагоприятных обстоятельств, прекратила работу, как справедливо подчёркивали многие исследователи, «в самой существенной её части». И это действительно так, ибо многие аспекты деятельности Колчака в период с июля 1914 по декабрь 1919 года так и остались для нас до конца не раскрытыми. Для объективной оценки этого человека нам было бы важно знать истинные мотивы его сотрудничества с английским правительством и английской военной разведкой. Важно было бы установить также факт и степень вовлечённости Колчака в деятельность петербургских масонских лож, о которой упоминает в своей статье «Адмирал Колчак: жертва или злодей» кандидат исторических наук Вероника Романишина. Если адмирал был членом какой-либо из этих лож и если эта ложа имела пророссийскую ориентацию, то стали бы более понятны причины взлёта адмирала (при наличии немалого числа достойнейших конкурентов) до должности командующего Черноморским флотом, а затем и до поста Верховного правителя России.

Неплохо было бы также выяснить истинные связи Колчака с руководителем британской военной миссии в Сибири, кадровым английским разведчиком генералом Альфредом Ноксом и его подчинённым, членом этой же миссии майором Стевени, который длительное время опекал адмирала в Японии, Харбине и Омске, выполняя обязанности офицера связи.

Хорошо было бы выяснить также характер участия английских военных советников в планировании и проведении наступательных операций колчаковских войск на Западном фронте в весенне-летней кампании 1919 года, в снабжении этих войск оружием и другой боевой техникой. Возможно, это вскрыло бы причины фатальных поражений белых армий под Уфой, Пермью и Челябинском. Обо всём этом Колчака не успели допросить, и потому многое из этого для нас и по сей день остаётся неразгаданной тайной. Эту тайну можно было бы раскрыть с помощью английских архивов, но английское правительство и английские спецслужбы не спешат предавать огласке свои секреты, как не спешат они объяснить свою роль и степень участия в отстранении от власти императора Николая II и преднамеренном уничтожении ряда представителей царской семьи, которые, хотя бы с малой долей вероятности, могли претендовать на российский престол.

Содержание материалов следственных протоколов нас удовлетворить не может, но для Колчака они явились средством вписать себя в историю России. Его маниакальная нацеленность на прославление своего имени посредством в том числе и этих материалов реализовалась, так как именно они, наряду с черновиками его писем, мемуарами сослуживца контр-адмирала Смирнова и генеалогическими исследованиеми сына Ростислава, лежали и продолжают лежать в основе всех современных научных и литературных трудов об адмирале Колчаке. Что касается последнего эпизода его жизни, то он отражён в воспоминаниях его расстрельщиков. Но этот эпизод, как и вся сложная судьба адмирала, хранит в себе немало загадок.

Первая из них заключается в том, что до конца не ясно, кто же конкретно инициировал расстрел Колчака. Абсолютное большинство исследователей склонны считать, что это был сам Ленин, направивший в адрес

Реввоенсовета Республики (главного руководящего советского военного органа) зашифрованное послание: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили *так и так* под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске». Этот документ мог бы объяснить многое, но он датирован, как свидетельствуют архивисты, 24 февраля 1920 года, то есть через 17 дней после приведения приказа о расстреле адмирала в исполнение. Обращает на себя внимание и упоминание в нём Каппеля, которого к этому моменту уже не было в живых.

Скорее всего, данное послание было обыкновенным циркулярным указанием вождя, направленным его секретариатом в ведомство Льва Троцкого с целью предотвращения вероятности освобождения адмирала приближающимися к Иркутску каппелевцами. Из ведомства Троцкого ленинские рекомендации, скорее всего, обычным порядком были переадресованы Реввоенсовету 5-й советской армии, но с некоторым запозданием из-за плохой телеграфной связи между Москвой и Иркутском (частый обрыв проводов). После этого уже Реввоенсовет 5-й армии издал свой отдельный приказ и направил его в иркутский Военно-революционный комитет. Именно этот приказ позволил иркутским большевикам действовать по своему усмотрению, так как в нём содержалось указание применить расстрел в случае «невозможности удержать Колчака в своих руках». Последняя фраза была ключевой. Именно она позволила иркутскому Военно-революционному комитету принять решение о расстреле Колчака и его бывшего премьера Пепеляева в тот момент, когда войска Войцеховского действительно подошли к городу. Как это происходило, известно из воспоминаний организаторов расстрела.

Вот как пишет об этом бывший председатель Чрезвычайной следственной комиссии, главный чекист Иркутска Самуил Чудновский: «Было поздно ночью, когда я отправился в тюрьму, чтобы выполнить приказ Ревкома. Убедившись, что на постах стоят все свои люди, я отправился в одиночный корпус и приказал открыть камеру Колчака. Адмирал не спал. Он встретил меня, стоя в шубе и папахе. Я прочёл ему приказ Ревкома... «Значит, суда не будет?» – спросил он. Я ответил: «Да, адмирал, вас расстреляют так же, как вы и ваши подчинённые расстреливали наших товарищ». На Колчака надели наручники и вывели в коридор. Я же поднялся на второй этаж, чтобы забрать Пепеляева. Тот также не спал, сидел на койке и был одет. Ему было зачитано постановление о расстреле, которое его сильно потрясло. Спустившись вниз, забрали адмирала и проследовали в тюремную контору, где формировался расстрельный взвод из 15-и человек». Роли распределились следующим образом: Чудновский осуществляет общее руководство казнью, Бурсак отвечает за действия стрелков и их благонадёжность.

Пока готовили людей, возникла короткая пауза. Воспользовавшись ею, Колчак попросил Чудновского о свидании с Тимирёвой, но получил отказ. На вопрос, нет ли ещё каких просьб, ответил: «Прошу передать моей жене, которая проживает с сыном в Париже, моё благословение». Чудновский обещал просьбу выполнить, добавив: «Если не забуду».

Колчак был бледен, но держался достойно. В отличие от него, Пепеляев был совершенно раздавлен, падал на колени, вымаливая пощаду. Находящийся рядом комендант Иркутска Бурсак вынужден был сделать замечание: «Главный соратник адмирала, а умереть достойно не можете». После оформления всех необходимых формальностей осуждённых вывели за ворота тюрьмы и повели к месту казни на заснеженный берег реки Ушаковки. Прибыли сюда в 4 часа

ночи. Здесь Бурсак вывел осуждённых вперёд, приказав им подняться на небольшой холм. Колчак взошёл на него без труда, за ним, тяжело передвигая ноги, поднялся Пепеляев. Он всхлипывал и полуспотом читал молитвы. «Имейте мужество, Виктор Николаевич», – строго выговорил адмирал. Это подействовало на Пепеляева, и он на некоторое время взял себя в руки. От предложения завязать перед расстрелом глаза Колчак отказался. После этого Бурсак отмерил от основания холма пятнадцать шагов и на этой линии полукругом расставил стрелков. Последовала команда: «Ребята, приготовиться!» Стрелки вскинули английские 10-зарядные винтовки и направили их на осуждённых. Колчак, услышав команду, отбросил недокуренную папиросу, застегнулся на все пуговицы и встал по стойке «смирно». Бурсак выкрикнул: «Взвод, по врагам революции – пли!» Раздался недружный залп, затем ещё один – уже по лежащим жертвам расстрела. Тела спешно побросали на подъехавшие сани и отвезли к устью реки Ушаковки. Здесь трупы баграми стащили с саней и спихнули в прорубь, из которой монахини соседнего Знаменского монастыря брали ежедневно воду. Медлительная Ушаковка вынесла их в холодную Антару, а та потащила на Север, к Ледовитому океану, где Колчак когда-то провёл три года своей молодой жизни.

После расстрела взвод стрелков убыл в казармы, а Бурсак, возвратившись в тюрьму, на листе с приказом Ревкома оставил краткую запись: «Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года за №27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися:

Подписи: Чудновский, Бурсак, Ишаев.

Дата: 7 февраля 1920 года».

Сообщение о расстреле Колчака, вопреки первоначальным указаниям Ленина о его обязательном замалчивании, со словами: «Всем, всем, всем!», было опубликовано утром 8 февраля 1920 года в местной большевистской газете «Известия Иркутского Военно-революционного комитета». В тот же день об этом сообщении узнал генерал Войцеховский. Не имея реальных возможностей оказывать какое-либо сопротивление подходящим к Иркутску частям наступающей 5-й советской армии, он отдал приказ об отводе своих войск в Забайкалье. Отход осуществлялся в труднейших условиях по льду озера Байкал. На переходе было потеряно много истощённых больных людей и почти весь измученный от бескорыстия конный состав. Так закончилась годичная эпопея Верховного правителя адмирала Колчака. Закончилась и его полная драматических событий жизнь, в которой, по его собственному признанию, он «знал борьбу, но не знал счастья победы».

На этом можно было бы повествование об адмирале Колчаке завершить, но в последнее время о его казни появились новые данные. В частности, была обнаружена записка Самуила Чудновского, в которой говорилось, что адмирал не был расстрелян, а казнь для него была придумана «чувствительная и экономная». Из этого был сделан вывод, что Колчак и Пепеляев были замучены (забиты прикладами), по одной из версий, в одном из подвальных помещений тюрьмы, по другой – на территории кладбища Знаменского монастыря, по третьей – у рва за тюремной стеной. Лица замученных были изуродованы, чтобы избежать опознания трупов посторонними людьми. Сами же трупы были якобы захоронены здесь же во рву, где протекал незамерзающий родник, и потому земля была размягчённой. Так ли это на самом деле, подлинно не известно. Потому примем на веру устоявшуюся уже версию казни адмирала, связанную с реками Ушаковка и Ан-

гара, с прорубью и винтовочными выстрелами в лунную ночь 7 февраля 1920 года.

Вслед за расстрелом основных действующих лиц, сразу же после вступления частей Красной армии 2 марта 1920 года в Иркутск, было обращено внимание и на арестованных вместе с Колчаком членов бывшего Омского правительства. Из Иркутска их вывезли в Омск, где состоялись заседания Чрезвычайного революционного трибунала. Среди подсудимых было лишь три министра, остальные – клерки среднего и более низкого уровня. Тем не менее, вынесенные приговоры, как пишет доктор исторических наук Юлия Кантор в статье «Допрос и расстрел адмирала», были достаточно жестокими. Четырёх приговорили к смертной казни, шестерых – к пожизненным принудительным работам, семерых – к работам на десятилетний срок, оставшимся дали различные сроки тюремного и лагерного заключения. Всех их обвинили в подготовке монархического переворота, в распродаже России, в тайных сношениях с иностранными правительствами и организации массовых расстрелов местных жителей. Приговоры были приведены в исполнение в июне-августе 1920 года. На этом с колчаковским режимом и колчаковщиной с Сибири было официально покончено.

Началось строительство новой советской жизни. Но и Советская власть в России, к великому огорчению, оказалась не вечной. В начале 90-х годов прошлого столетия грандиозное творение большевиков – Союз Советских Социалистических республик прекратил своё существование. Миллионы жертв, принесённые на алтарь строительства социализма оказались напрасными, что ещё раз подтвердило истину о том, что в Гражданской войне не может быть победителей, а всякая кажущаяся победа рано или поздно оборачивается поражением. Для России это поражение исчислялось более чем шестью миллионами человеческих жизней

и почти полным разрушением экономики. Помимо этого оно внесло раскол в русское общество, который мы не можем преодолеть и по сей день. Огромное число наших граждан продолжает ностальгировать по Советской власти. Имеются и такие, кто предпочитают традиционный для России монархический строй. Некоторая часть стоит на позициях либерализма и западных форм демократии, которые органически чужды нашему обществу.

Что касается лиц, придерживающихся монархических взглядов (потомки русских дворянских семей, внуки и правнуки бывших белых офицеров, некоторая часть русского православного клира), то начиная с середины 90-х годов прошлого столетия, они пытаются реабилитировать многих руководителей и участников бывшего Белого движения. К настоящему моменту частично реабилитированы генералы Деникин и Каппель. Их прах перевезён из-за границы и перезахоронен на кладбище Донского монастыря в Москве. Реабилитирован великий князь, бывший главнокомандующий Русской армией Николай Николаевич Романов. Его останки перевезены из французских Канн в Москву и перезахоронены на Мемориальном кладбище в районе Сокола.

На Кубани установлены памятники генералам Корнилову и Маркову. В ноябре 2004 года в Иркутске, недалеко от входа в женский Знаменский монастырь, установлен памятник и адмиралу Колчаку. Но он не реабилитирован, несмотря на то, что за это выступает достаточно большая группа российских православных историков. По их настоятельным запросам, в январе 1999 года заседал суд Забайкальского военного округа. Изучив повторно дело адмирала и сопутствующие ему архивные документы, члены суда пришли к заключению о справедливости выдвинутых против него в феврале 1920 года обвинений. Его режим, по сравнению с режимами всех других руководителей белого дви-

жения, вновь был признан самым жестоким и самым кровавым. К таким же выводам пришла заседавшая по этому же вопросу Московская военная прокуратура, признавшая реабилитацию Колчака, по характеру выдвинутых против него обвинений, невозможной. Наверное, такое же решение вынес бы адмиралу и бывший его соратник, монархист, истинно православный человек, русский генерал чешского происхождения Михаил Константинович Дитерихс, который в феврале 1920 года сказал, что «расстрел Колчака справедлив» и что это нужно было сделать значительно раньше. Этот генерал, как и генерал Каппель, не одобрял массового террора в Сибири и в своей военной практике стремился его избегать. Каппель, например, мог отпустить на свободу пленных красноармейцев, взяв с них слово более не участвовать в войне на стороне Красной армии. Колчак такого, наверное, и в мыслях себе не мог бы позволить. Сибирь помнит о зверствах его режима и не может этого ему простить.

Жизнь после смерти

Отзвучали залпы винтовочных выстрелов расстрельной команды, и с ними оборвалась жизнь мятежного, амбициозного, безудержно стремившегося к публичному признанию и славе адмирала Колчака. Вслед за этой оборвавшейся жизнью закрылась одна из последних страниц истории бушевавшей на всей территории нашей Родины жесточайшей и кровопролитнейшей Гражданской войны. С Колчаком было покончено, но всё ещё оставались живые свидетели его бурного, дерзновенного, часто очень трудного жизненного пути. Этими свидетелями были те люди, которые волею судьбы шли с ним рядом на протяжении многих лет, оказывая влияние на его поведение, участвуя в принятии тех или иных важных для него решений.

К таковым отношу, прежде всего, членов его семьи: Софью Фёдоровну Колчак и её сына Ростислава, с которыми наш читатель в последний раз встретился на железнодорожном вокзале в Севастополе 7 июня 1917 года во время проводов адмирала в Петроград. Почему Колчак оставил свою семью в Севастополе – и по сей день загадка. Он ведь не мог не знать, что этот город ожидают те же кровавые оргии, что три месяца назад прокатились по военно-морским базам Балтики. И этот страшный момент для Севастополя вскоре действительно настал.

В начале декабря 1917 года в городе была провозглашена Советская власть, но ещё до того, начиная с октября этого же года, здесь и в других военно-морских базах Черноморского флота, в исполнение указаний Якова Свердлова о «превращении Севастополя в Кронштадт юга», началось массовое истребление флотских офицеров. В ночь с 16 на 17 декабря 1917 года на знаменитом Малаховом кургане было расстреляно 32 офицера, за последующие два дня – ещё 128. Среди них были бывшие сослуживцы Колчака – командиры крупных флотских соединений и больших боевых кораблей. После установления в январе 1918 года Советской власти в Крыму массовый террор прокатился уже по всему полуострову. В Симферополе был расстрелян практически весь офицерский состав местного гарнизона и краевого штаба. Вслед за тем кровавая вакханалия охватила Ялту и Евпаторию. Офицеров хватали прямо на улицах и тут же на виду горожан расстреливали. Часть из них бросали в трюмы транспортных судов и затем вывозили в море и связанными бросали за борт. Характерно, что все перечисленные зверства творились руками вчерашних крестьян и рабочих – представителей народа, который ещё совсем недавно горделиво именовал себя народом-богоносцем.

Бот в таких условиях и оказалась после отъезда Колчака в Петроград его жена Софья Фёдоровна со сво-

им малолетним сыном Ростиславом. Опасаясь за его жизнь, она сумела с помощью друзей отправить его в Каменец-Подольск к своим подругам, которые взяли на себя временную заботу о мальчике. Вскоре Софья Фёдоровна, по настоянию бывших сослуживцев мужа, перешла на нелегальное положение и под чужим именем проживала в семьях простых матросов, оставшихся верными царской присяге и своему бывшему командующему.

После вытеснения союзниками немецких оккупационных войск из Крыма и прихода британских кораблей в Севастополь у Софьи Фёдоровны появилась возможность оставить этот город. С помощью английских военных моряков на британском военном корабле она отправилась в румынский порт Констанца. Из Констанцы через некоторое время перебралась в Бухарест, куда вскоре к ней был доставлен её девятилетний сын Ростислав. Из Бухареста весной 1919 года они вместе выехали в Париж, где и провели остаток жизни. Поселившись в Париже, Софья Фёдоровна через Министерство иностранных дел Франции известила мужа о месте своего проживания и попросила о материально-денежной поддержке, в том числе и на представительскую деятельность, что соответствовало её положению как жены Верховного правителя России.

В ответ на эту просьбу, уже не видевший своей супруги и сына около двух лет, Колчак сухо ответил: «Мне странно читать в твоих письмах, что ты спрашиваешь меня о представительстве и каком-то своём положении как жены Верховного правителя. Я прошу тебя уяснить, как я сам понимаю своё положение и свои задачи. Они определяются старинным рыцарским девизом короля Иоанна, павшего в битве при Креси: «Я служу». С этого момента из Омска на имя жены раз в месяц по французским дипломатическим каналам стали поступать деньги в размере пяти тысяч франков, которые Колчак выделял из своего жа-

лования. Сумма эта, по рыночным ценам Франции того времени, была небольшой и не могла полностью удовлетворить Софью Фёдоровну. Поэтому она была вынуждена подрабатывать на нужды семьи уроками иностранных языков.

После гибели Колчака в феврале 1920 года всякая помощь от него прекратилась, и забота о сыне полностью легла на плечи Софьи Фёдоровны. Несмотря на хроническое безденежье, она сумела дать Ростиславу хорошее образование. В 1931 году он закончил Парижскую высшую школу дипломатических и коммерческих наук и был принят на хорошо оплачиваемую службу в Алжирский банк. Этой цели Софья Фёдоровна достигла ценой систематической экономии и бережливости, а также собственным трудом: переводческой работой и рукоделием, а также сдачей в ломбард последних семейных ценностей. Так она рассталась с золотой медалью мужа, полученной им от Русского географического общества за участие в двух полярных экспедициях. Туда же ушли фамильные серебряные ложки.

В особо трудных случаях Софья Фёдоровна, пересилив себя, обращалась за помощью к бывшим знакомым и сослуживцам Колчака. Сохранилось её письмо к норвежскому полярному исследователю Нансену, в котором она просит 5000 франков на оплату учёбы сына. Эти деньги на имя просительницы через некоторое время поступили. Помогали ей материально и многие бывшие подчинённые Колчака и даже некоторые совестливые английские офицеры, известные читателю по прежним разделам нашего повествования. Ими были адмирал Холл и полковник Уорд.

В последние годы жизни на имя Софьи Фёдоровны существенная денежная помощь стала поступать от контр-адмирала Смирнова, бывшего сподвижника Колчака по Черноморскому флоту и сибирской эпохе. Эмигрировав в Англию, он сумел организовать

Фонд имени Колчака, который и стал оказывать вдове адмирала систематическую материальную поддержку. Существенную помощь вскоре начал оказывать и созданный в Париже Военно-исторический кружок имени Колчака. Благодаря этой помощи к концу своей жизни в денежных средствах Софья Фёдоровна уже не нуждалась. К 1956 году её здоровье сильно пошатнулось. Ослабла память, помутилось сознание, в речи стали мешаться слова из разных языков, которыми она ранее хорошо владела. Умерла Софья Фёдоровна 4 марта 1956 года в русском приюте в Лонжюмо под Парижем. Накануне смерти в короткие отрезки восстановления сознания, вспоминая о муже, говорила: «Недобрые люди его погубили, бедного моего Александра Васильевича». Перед смертью она полностью простила его. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. На могильном камне значится: «Колчак Софья Фёдоровна – вдова адмирала, Верховного правителя России. 1876 – 1956».

Её сын Ростислав в 1939 году был призван во французскую армию и некоторое время сражался в её рядах. В одном из боёв попал в немецкий плен, но остался жив. Всю жизнь проявлял интерес к своей родословной, изучал жизненный путь отца. Оставил после себя ряд исследований на эту тему. Не обладая крепким здоровьем, умер рано – в возрасте 55 лет. Был женат на дочери адмирала Развозова Екатерине. От неё имел сына Александра, названного в память о деде – адмирале Колчаке.

Рядом с адмиралом значительный отрезок его жизненного пути прошла удивительная русская женщина, его верная подруга и помощница Анна Васильевна Тимирёва. С ней мы расстались в тюрьме, куда она попала вслед за своим гражданским мужем, после добровольного «самоареста», который произошёл 15 января 1920 года на железнодорожной станции под Иркутском в драматический момент передачи Колча-

ка белочехами эсеровскому Политическому центру. 26-летняя Анна нашла в себе силы успокаивать адмирала и выразила желание быть арестованной вместе с ним. Её разместили в небольшой арестантской камере. Вначале обстановка была достаточно либеральной. Адмиралу и Анне Васильевне разрешалось получать передачи с воли и ежедневно прогуливаться по тюремному дворику. Здесь они могли общаться и вспоминать эпизоды прошлой совместной жизни, в частности, отдых в Японии.

Колчака ежедневно допрашивали. Регулярным допросам подвергалась и его гражданская супруга. За несколько дней до расстрела на вопрос следователя о том, кем является для него добровольно арестованная Тимирёва, адмирал ответил, что она его «давняя хорошая знакомая, но гражданской женой не является». Почему он назвал её только хорошей знакомой, остаётся загадкой. Видимо, он не хотел, чтобы вокруг обожаемой им женщины ходили какие-либо порочащие её слухи. Она же своих отношений с Колчаком не скрывала. На следствии в Иркутске и позднее на допросах в многочисленных местах заключения открыто заявляла, что сошлась с ним в июне 1918 года и с тех пор «была его гражданской женой».

Перед расстрелом Колчак попросил свидания с Анной Васильевной, но ему отказали. Она видела через глазок в двери, как его под конвоем уводили из тюрьмы на расстрел. Гибель любимого человека Анна Васильевна переживала очень тяжело. Она впала в депрессию, потеряла аппетит, отказалась от прогулок и даже пыталась отравиться. Несмотря на это, допросы продолжались почти каждый день. На все задаваемые следователем вопросы Анна практически ничего не отвечала. По мере рассмотрения следственных дел некоторым арестантам назначали пятилетний срок тюремного заключения. Большинство же расстреливали группами по 40, 80 и 120 человек. Такая же участь

могла ожидать и Анну, но ей повезло. Летом 1921 года Иркутскую тюрьму посетила уполномоченный международной организации Красного Креста, бывшая жена писателя Максима Горького Екатерина Пешкова. Обходя женский корпус, она обратила внимание на Тимирёву, которая, сидя в камере, занималась штопанием своей тюремной одежды. Пешкова прониклась сочувствием к молодой женщине и, вернувшись в Москву, встретилась с Председателем ВЧК Феликсом Дзержинским. Ему она рассказала о Тимирёвой. Тот ответил: «Да, кажется, мы много лишнего делаем». Осенью 1921 года Анну вызвали в тюремный распределитель. Отсюда в сопровождении конвоира с маленьkim чемоданчиком в руках она отправилась на вокзал и далее через Новониколаевск, Омск и Казань в Москву, в Бутырскую тюрьму. Вскоре, после краткого дополнительного рассмотрения следственного дела, Анну Васильевну освободили, и она поселилась у своих родственников по адресу: г. Москва, ул. Плющиха, дом № 31*. Здесь, в соседней по подъезду квартире, проживал вдовец – инженер Книпер. В 1922 году она вышла за него замуж и сменила фамилию, полагая, что это как-то отвлечёт от неё внимание чекистов.

В 1925 году Дзержинский заболел и уже не мог оказывать на судьбу Анны Васильевны какого-либо серьёзного влияния. Поэтому она была выслана из Москвы на три года в Тарусу. Позднее – освобождена и снова вернулась в Москву. После убийства в 1935 году Кирова по всей стране прокатилась волна массовых арестов. В мае 1935 года Анна Тимирёва (Книпер) была вновь арестована и очередной срок отбывала в Вышнем Волочке, Верее и Малоярославце. В марте 1938 года, за несколько дней до освобождения, её дело пересмотре-

* Этот шестиэтажный кирпичный дом существует и поныне. Подъезд, через который Анна Васильевна входила в свою квартиру, заперт на кодовый замок и попасть в него постороннему человеку без сопровождения жильцов дома невозможно.

ли, и она была вновь осуждена на восемь лет. Этот срок отбывала в Карагандинских лагерях. Здесь работала на общих работах, затем – художницей тюремного клуба.

Получив свободу, жила за 100-километровой зоной от Москвы – в Завидово. В декабре 1949 года снова арестована без предъявления обвинения. Отбывала срок в Ярославле, затем в октябре 1950 года была отправлена этапом в Енисейск. Освобождена в 1954 году без права проживания в Москве. Все годы нечеловеческих муктарств получала незримо поддержку от Екатерины Пешковой, которая, как могла, оказывала Анне Васильевне помочь. Екатерина Павловна, не без риска для себя, защищала Тимирёву и перед новым главным чекистом страны – Генрихом Ягодой. Анне Васильевне неоднократно снижали тюремные сроки, и она время от времени могла оказываться, хотя и с ограничениями, на свободе.

В 1954 году, по рекомендации Пешковой, Тимирёва подала прошение на реабилитацию. Это прошение было направлено на имя Председателя Совета Министров СССР Георгия Маленкова. Она изложила свою биографию, этапы жизненного пути, а также сообщила, что на момент подачи заявления «испытала 34 года всевозможных репрессий». Далее она писала о том, что «имела возможность оставить Россию», но эмиграция её «никак не привлекала». «Я русский человек и за границей мне делать нечего. Мне 61 год, теперь я в ссылке, – писала далее она. – Всё, что было 35 лет назад, теперь уже – только история. Я не знаю, кому и зачем нужно, чтобы последние годы моей жизни проходили в таких невыносимых для меня условиях... Я прошу Вас покончить со всем этим и дать мне возможность дышать и жить то недолгое время, что мне осталось».

28 июня 1960 года на имя Тимирёвой в Рыбинск, где она работала бутафором и художником в городском театре, поступил долгожданный ответ из Прокуратуры СССР, в котором сообщалось, что решением

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР все её прошлые судимости погашены и она полностью реабилитирована за отсутствием состава преступления. Тем же летом Анна Васильевна наконец-то окончательно перебралась в Москву, в хорошо ей знакомую квартиру на Плющихе. Здесь она провела последние 15 лет своей жизни. Жила на установленную ей пенсию в размере 45 советских рублей.

Жила очень скромно, пытаясь наверстать упущенное в тюрьмах, лагерях и ссылках времён. Любила поездки по стране. Побывала у своей подруги в Киеве, посетила Ригу, Крым и Кавказ. Очень любила бывать в лесу. Он её всегда успокаивал. Ходила в лес даже в дождливую погоду. С удовольствием собирала грибы и лесные ягоды. Её всегда окружали интересные люди, ценя в ней отзывчивого, много знающего, умного человека. Прожив неимоверно тяжёлую жизнь, она никогда не роптала. Продолжала до конца своих дней интересоваться литературой и театром. Сама писала великолепные стихи. Один из них, как мне кажется, отражает сущность её прекрасной женской души. Вот это стихотворение:

Не листьев ласковый ковёр,
Золотокованные клёны...
Далёко вольный мерит взор
Простор полей бледно-зелёный.
В осенних днях такая грусть.
Прекрасна осень-королева!
Что ни пошлёт судьба мне – пусть! –
Приму без ропота и гнева.

Всю жизнь оставалась верной памяти «своего адмирала». Уже на излёте дней писала:

Полвека не могу принять –
Ничем нельзя помочь –

И всё уходишь ты опять
В ту роковую ночь.
Но, если я ещё жива,
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

30 января 1975 года у Анны Васильевны случился обширный инфаркт. Перед отправкой на скорой помощи в больницу она просила своего племянника Илью позаботиться о её тетрадях с записями. Эти записи в 1996 году были опубликованы. Умерла Анна Васильевна на следующий день в возрасте 82 лет. Похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве рядом со своим братом Иваном и сестрой Еленой. На могильном камне выбита надпись: «Анна Васильевна Книпер, 1893 – 1975».

Муж Анны Васильевны – Тимирёв Сергей Николаевич, будучи во Владивостоке, вопреки официальным целям своей командировки по ликвидации имущества Тихоокеанского флота, пытался это имущество сохранить и переподчинить Омскому Всероссийскому правительству. После поражения Белого движения эмигрировал в Китай и жил в Шанхае. Последние десять лет жизни плавал на судах китайского коммерческого флота. По его собственному свидетельству, «это был единственный случай, когда китайским пароходом командовал русский адмирал». В Шанхае возглавлял клуб морских русских офицеров «Кают-компания». На собрании этого клуба в 1922 году представил свою книгу «Воспоминания морского офицера». В апреле 1932 года тяжело заболел. Умер 31 июля этого же года в Шанхае. Могила не сохранилась. В конце жизни вёл переписку с сыном Владимиром. Радовался тому, что сын оказался «не в потерявшей русское лицо эмиграции, а остался в России, где будет полезен». Судьба Владимира трагична. После отъезда родителей в 1918

году на Дальний Восток он два года провёл у своей бабушки в Кисловодске. В 1922 году матерью перевезён в Москву. Здесь закончил среднюю школу в Хамовниках. Учился в Московском архитектурно-конструкторском институте. Обладал большим художественным талантом. С 1933 по 1938 годы работал штатным художником Загорского научно-экспериментального института. За переписку с отцом в марте 1938 года арестован и 28 мая этого же года расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. Захоронен в общей могиле.

Большой отрезок времени рядом с Колчаком шёл и его верный соратник Михаил Иванович Смирнов. После убийства Колчака из США во Владивосток остался при русском посольстве в этой стране в качестве сотрудника морского представительства. В ноябре 1918 года вернулся в Россию в распоряжение Верховного правителя. Получил пост Морского министра с присвоением звания контр-адмирала. Занимался созданием военной речной флотилии на Каме. Успешно ею командовал, ведя боевые действия против войск и кораблей Красной армии. Перед подходом советских частей к Перми отвёл флотилию на мелководье, где она уже не могла действовать. Уничтожив корабли, убыл в Омск. При эвакуации из Омска выехал, по настоянию Колчака, с другими членами правительства в Иркутск. После отречения Колчака от власти с группой морских офицеров в январе 1920 года покинул Иркутск и ушёл в зону, контролируемую войсками атамана Семёнова. Затем убыл в Харбин, а оттуда – в США. В конце жизни проживал в Великобритании. Умер в 1937 году в Лондоне. Место захоронения неизвестно.

Значительную роль в судьбе Колчака сыграл, как известно, бывший Морской министр царского правительства Иван Константинович Григорович. После Февральской революции, в марте 1917 года, он вышел в отставку. С приходом к власти большевиков получил должность эксперта морской исторической комиссии

по изучению опыта Первой мировой войны. В 1920 году преподавал морскую практику в Высшей школе водного транспорта. В 1922 году – сотрудник Учебного управления Морского штаба Советской Республики. В 1923 году в связи с заболеванием выехал на лечение во Францию. На Родину больше не возвращался. Позднее перебрался в США. Проживал на юге страны в городе Ментон. Умер в 1930 году, похоронен на местном кладбище. В память об адмирале Григоровиче и его делах по строительству российского флота в 2014 году на Калининградском судостроительном заводе «Янтарь» спущен на воду новейший эскортный фрегат, названный его именем. Этот фрегат вошёл в серию однотипных кораблей, носящих имена знаменитых русских флотоводцев адмиралов Эссена, Макарова, Бутакова и Истомина.

Интересна судьба человека, которому Колчак во многом обязан своей военной карьерой. Речь идёт о бывшем Военном и морском министре в правительстве Керенского Александре Ивановиче Гучкове. После отставки в мае 1917 года с этого поста он выехал в Англию, где занимался организацией поставок британского оружия для нужд Северо-Западной армии генерала Юденича. В 1921–1923 годах как председатель заграничного Русского парламентского комитета выступал за активную борьбу с большевистской властью. Подвергался резкой критике со стороны крайне правой монархической части эмиграции, которая обвиняла его в измене императору и развале армии. В 1921 году был серьёзно избит монархистами в Берлине. Антибольшевистская деятельность Гучкова привлекла к себе внимание советских органов безопасности. Для добывания сведений о нём и его деятельности руководству НКВД удалось при содействии своего сотрудника Константина Родзевича завербовать дочь Гучкова Веру Александровну. Она стала источником информации об элите белой эмиграции, которую хорошо зна-

ла и с которой через отца была в постоянном контакте. В начале 30-х годов Гучковым в Париже было создано Информационное бюро для сбора сведений о хозяйственном положении в СССР. Эти сведения добывались в интересах разведывательных служб Англии и Франции. В 1935 году Гучков тяжело заболел и 16 февраля 1936 года умер в Париже. Прах захоронен на парижском кладбище Пер-Лашез. Есть сведения, что к смерти Гучкова могли быть причастны тайные агенты ОГПУ.

Остается сказать несколько слов и о сослуживцах Колчака по двум полярным экспедициям. Первый командир «Зари» – Коломойцев Николай Николаевич так же, как и Колчак, был участником Русско-японской войны. Звание контр-адмирала получил в 1913 году. В годы Гражданской войны служил в Вооружённых силах юга России в качестве командира отряда ледокольных судов Черноморского флота. После победы Красной армии эмигрировал во Францию. В годы немецкой оккупации жил в Париже. После освобождения союзниками Франции, в начале октября 1944 года попал под колёса американского армейского грузовика. Похоронен на русском кладбище Сент Женевьев-де-Буа.

Его сменщик на командирском посту шхуны «Заря» Матисен Фёдор Андреевич также участвовал в Русско-японской войне. В Цусимском сражении был старшим штурманом на крейсере «Жемчуг». В годы Первой мировой войны командовал вспомогательным крейсером «Млада». Дослужился до звания капитана 1 ранга. Гражданскую войну не принял. Подобно пастернаковскому доктору Живаго не захотел участвовать в братоубийственной бойне. Уехал в северные районы Восточной Сибири и здесь занимался гидрографическими работами. Умер от сыпного тифа в госпитале Иркутска через год после гибели адмирала Колчака.

Так закончилась жизнь людей, которые были причастны к событиям, описанным на страницах только что прочтённой Вами повести. Жизнь этих людей была трудной, но для большинства из них и прекрасной потому, что они искренне и беззаветно служили России. Что же касается бурной, полной опасностями и политических авантюризмов жизни Колчака, то она оставила в народной памяти неоднозначный след. Этого человека любят и ненавидят, превозносят и порицают за ряд роковых ошибок, за неоправданную жестокость, за сотни тысяч безвинно загубленных жизней. Представители эмигрантской среды считают адмирала великим патриотом России. Но был ли он таковым? Любил ли он свой народ? А если любил, то какие группы людей были ему наиболее близки? Монархистов он, как известно, предал, приписывая им реакционность; всех партийцев, собрав воедино, остро ненавидел; казачеству не доверял; ко многим своим сослуживцам относился высокомерно, неуважительно и грубо; простой народ в конце жизни презирал и буквально под кнутом гнал на мобилизационные пункты и далее – на кровавые поля Гражданской войны; свою семью бросил, воспитанием единственного сына практически никогда не занимался.

Возникает вопрос: кого же ценил, любил и уважал Колчак? Похоже, что только самого себя, а в себе не свою телесную оболочку, которой многократно рисковал, а живущую в ней фантастическую тягу к публичному признанию и славе. Можно допустить, что он искренне любил только свою спутницу по жизни – Анну Тимирёву. Но и её он не защитил этой любовью, обрекши на многолетние страдания в тюремных застенках, пересыльных лагерях и ссылках. Колчак – это трагическая фигура, на которой кровавой отметиной запечатлена Гражданская война. И до сих пор по обеим сторонам этой фигуры группируются люди, которые не могут, в силу своих идеологических позиций

сблизиться между собой. И так, похоже, будет продолжаться ещё долгое время. Пролитая кровь не забываеться, а побуждает к новому витку острых противоборств и взаимного недоверия. Колчак не был удачливым человеком. Судьба была безжалостна к нему и привела к трагическому исходу. Не будучи искушённым политиком, он часто ошибался. Одной из самых роковых его ошибок было длительное сотрудничество с англичанами, с представителями той нации, которая на протяжении веков вредила и продолжает вредить России, посягая на жизнь её руководителей и на её государственность. К сожалению, осознание этого факта пришло к Колчаку слишком поздно. Он пал жертвой предательства союзников в тот момент, когда они в его услугах более не нуждались. Подводя итоги своей жизни, адмирал накануне казни в разговоре с Анной Тимирёвой справедливо заметил, что вожделенные победа, признание и слава были много раз рядом с ним, но всякий раз исчезали, как призрак.

Конечно, Колчак не будет выброшен из истории России. Он навсегда останется в ней наряду с другими вождями Белого движения. Его имя внесено в целый ряд исторических трудов о Гражданской войне. Только в нашей стране в последние годы издано более полусотни книг, брошюр и статей, посвящённых этому человеку. Разными авторами он оценивается по-разному. И уже сама противоречивость этих оценок говорит о том, что к его личности следует относиться с большой осторожностью, так как только бесстрастное время и новые, неизвестные до настоящего момента, исторические факты могут дать ему объективную, всестороннюю и окончательную оценку.

Библиография

1. Вяткин Георгий. Поездка на Тобольский фронт. Омск, газета «Русь», 1919.
2. Тихменёв Н.М. Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. Ницца, «Кружок ревнителей русского прошлого», 1925.
3. История Гражданской войны в СССР. М., «ОГИЗ», 1935.
4. Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. М., «Воениздат», 1960.
5. Тимирёва А.В. С Александром Васильевичем Колчаком (Фрагменты воспоминаний). М., «Студенческий меридиан», 1970.
6. Бубнов Х.В. Воспоминания старого гвардии солдата. Томск, Частное издание, 1974.
7. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., «Молодая гвардия», 1974.
8. Захарова И.В., Сергеева Н.А., Новиков И.Н. История Омской области. Омск, «Западно-Сибирское книжное изда-тельство», 1976.
9. Кларов Юрий. Факты свидетельствуют....О некоторых мифах, возникших вокруг имени «верховного правителя» Колчака. М., газета «Советская Россия», 26 октября 1986.
10. Колесникова А.Д. «1716 – Омск – 1991». Омск, «Гостеприимство СССР», 1991.
11. Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., «Воскресенье», 1992.
12. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II (В двух книгах), М., «Феникс» 1992.
13. Богданов К.А. Адмирал Колчак: Биографическая по-весь-хроника. С. – Петербург, «Судостроение», 1993.
14. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., «Воскресенье», 1993.
15. Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Пер-вая Мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., «Элакос», 1994.
16. Павлова Т.Ф., Перченок Ф.Ф., Сафонов И.К. Милая, обожаемая моя Анна Васильевна... М., «Русский путь», 1996.

17. Дневник лейтенанта Колчака. М., «Морской сборник» №7, 1998.
18. Думин С.В. Императорский дом в изгнании. М., «Захаров – АСТ», 1998.
19. Кобылин В.С. Анатомия измены. Истоки антимонархического заговора. С. – Петербург, «Царское дело», 1998.
20. Плотников И.Ф. Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону. «Феникс», 1998.
21. Тимирёв С.Н. Воспоминания морского офицера. С. – Петербург. «Галея Принт», 1998.
22. Краснов Валерий. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию (в двух книгах). М., «Олма – Пресс», 2000.
23. Шигин В. Неизвестный лейтенант Шмидт. М., «Наш современник» №10, 2001.
24. Голуб П.А. Колчакия. М., «Отечественные записки», 2002.
25. Березкун С.Т. Марионеточный адмирал. Соединенные Штаты отвели Колчаку главную роль в своём сценарии по контролю над Россией. М., «Независимое военное обозрение» № 23, 2004.
26. Шишов А.В. Алексеев. Последний стратег. М., «Астрель», 2004.
27. Волкова И. Русская армия в русской истории. М., «Эксмо-Язуа», 2005.
28. Деревянко И.В. Белые пятна Русско-японской войны. М., «Эксмо-Язуа», 2005.
29. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири (в двух книгах). М., «Айрис-Пресс», 2005.
30. Голуб П.А. Белый террор в России (1918-1920 гг.) М., «Патриот», 2006.
31. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., «Молодая гвардия», 2006.
32. Крестьянство на востоке Российской империи накануне и в период социальных революций (сборник научных статей). Ишим, «ИГПИ им. П.П. Ершова», 2006.
33. Романишина Вероника. Александр Колчак: этапы жизни. М., газета «Красная звезда», 11-15 мая 2007.
34. Романишина Вероника. Адмирал Колчак: жертва или злодей? М., газета «Красная звезда», 16-22 мая 2007.

Аркадий Фарюшин

35. Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. М., «Алгоритм», 2007.
36. Шишкин В.И. От Директории к военной диктатуре. М., «Вопросы истории» № 10, 2008.
37. Шишов Алексей. Верховный правитель России. М., «Военно-промышленный курьер» № 7, 2009.
38. Миллер Л.П. Адмирал Колчак – рыцарь белой мечты. М., «Поломник», 2010.
39. Обручев В.А. Земля Санникова. М., «Амфора», 2010.
40. Тихомиров А.А. Бьется русское сердце в Париже. Киев, «Полипринт», 2010.
41. Каменецкий И.П. Мы дети страшных лет России. Учащаяся молодежь Омска в 1917-1919 годах. Омск, «Родина» № 10, 2011.
42. Кручинин А.С. Белое движение. Исторические портреты. М., «Астрель», 2011.
43. Синица Георгий. Кто убил Николая II? М., газета «Красная звезда». М., 21-27 декабря 2011.
44. Ходаков И.М. Белое солнце России. Белая армия и Православие. М., «Дарь», 2011.
45. Баханов А.Н. Николай II. Последний Царь всея Руси. М., «Вече», 2013.
46. Кантор Юлия. Допрос и расстрел адмирала. М., «Российская газета», 18 ноября 2013.
47. Соколов Б. В. Тухачевский. Расстрелянный маршал. М., «Вече», 2013.
48. Соколов Б.В. Врангель – жизнь и смерть за Россию. М., «Вече», 2013.
49. Стариков Н.В. Ликвидация России. Кто помог красивым победить в Гражданской войне? С. – Петербург, «Питер», 2013.
50. Черкашин Н.А. Колчак. Романтик Белого движения. М., «Вече», 2013.
51. Шишов А.В. Корнилов. Главный враг революции. М., «Вече», 2013.
52. Млечин Л.М. Создатели Красной Армии. С. Петербург, «Амфора», 2015.

Содержание

От автора	3
-----------------	---

СТИХИ

Кодекс самодержца и гражданина.....	7
Западнику	8
В ночном поезде	9
Надюше	10
На Волге.....	11
Вечерние звоны.....	12
Июльский зной.....	13
Грусть по лету	14
В дороге	15
Идущему следом	16
Не забыть.....	17
Вновь предо мной	18
Из Пскова в Москву	19
Из Москвы в Омск	20
Украина в огне.....	21
Какой простор	22
По зимнему тракту	23
Воскрешение дочери Иаира.....	24
Воспоминания	25
Нине	26
Весеннее настроение.....	27
Жене	28
На реке	29
Жизнь течёт	30
Приход северной ночи.....	31
Шуточное	32
Московские невесты.....	33
Хмурая осень	34
Осенние дожди	35
Осенние краски.....	36
Утро в Крыму	37
Восточные мотивы	38
По мотивам Г. Гейне.....	39
Дождливая осень.....	40
Голгофа	41

Закатный огонь	42
Ранние морозы.....	43
Художнику	44
У дороги.....	45
Блуждающий огонёк.....	46
Рождество Христово	47
Иисус Христос.....	48
Окно.....	49
Всё моё	50
Вслед за Афанасием Фетом.....	51
Ворон.....	52
Фронтовые дороги.....	53
Весеннее пробуждение	54
Уходящий день	55
Райские кущи.....	56
Читаю Пушкина.....	57
Мимолётность жизни	58
Непогода	59

ПРОЗА

Марина Цветаева: человек и поэт	63
Стихи.....	69
Стихи о России, её природе и людях	75
Любовная лирика	85
Статьи и стихи о поэтах и поэтическом искусстве	96
Цветаева и Пушкин.....	111
Суициdalные мотивы в поэтическом и эпистолярном творчестве Мариной Цветаевой.....	115
Хронологический подход к оценке поэтического творчества Мариной Цветаевой.....	124
Поэмы	142
Театральные произведения	155
Библиография.....	165
Адмирал Колчак: мифы и реальность.....	166
Происхождение и родственные связи	170
Учёба в гимназии и Морском училище	174
Первые годы службы. Личные предпочтения.....	178
Бросок на Север.....	183
Участие в Русско-японской войне.....	195
Между двумя войнами	206

Первая мировая война. Служба на Балтике	219
Личная жизнь адмирала Колчака	234
Первая мировая война. Командование	
Черноморским флотом.....	244
В тенётах заговорщичества.....	266
Заграничные мытарства. Гражданский брак	
с Анной Тимирёвой	276
Ещё один отчаянный рывок за ускользающей славой..	286
Омск – место короткого триумфа и	
катастрофического падения Колчака.....	292
Военный переворот в Омске. Роль Колчака	
в военном перевороте.....	299
Победы и неудачи на фронте	312
Военная катастрофа. Эвакуация Омского	
правительства в Иркутск.....	323
Трагедия эвакуации	340
Тюремное заключение, следствие и расстрел	355
Жизнь после смерти	380
Библиография.....	395

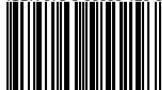
Харюшин Аркадий Ананьевич
Мозаика русской жизни

Редактор – Г. Беспалова
Компьютерная вёрстка Т. Таранова

Подписано в печать 11.02.2016 г.
Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Palatino Linotype».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 300 экз.
Заказ № 819.

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва
ул. Большая Никитская, д. 50а/5,
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru

ISBN 978-5-00095-129-3

9 785000 951293